ИСТОРИЯ ЛИТВЫ

Альфонсас ЭЙДИНТАС, Альфредас БУМБЛАУСКАС,
Антанас КУЛАКАУСКАС, Миндаугас ТАМОШАЙТИС

ИСТОРИЯ ЛИТВЫ

Альфонсас ЭЙДИНТАС, Альфредас БУМБЛАУСКАС,
Антанас КУЛАКАУСКАС, Миндаугас ТАМОШАЙТИС

Eugrimas
Вильнюс
2013

Издано по заказу
Министерства иностранных дел Литовской Республики

Перевод со 2-го литовского издания – Вильнюс, 2013
Перевод с литовского Елизаветы Суворовой, ЗАО *Metropolio vertimai*
Редактор Бируте Синочкина, ЗАО *Metropolio vertimai*

ISBN 978-609-437-207-0

© Альфонсас Эйдинтас, 2013
© Альфредас Бумблаускас, 2013
© Антанас Кулакаускас, 2013
© Миндаугас Тамошайтис, 2013
© Издательство *Eugrimas*, 2013
© Министерство иностранных дел Литовской Республики, 2013

СОДЕРЖАНИЕ

Условные сокращения 8

Предисловие 9

Введение

ЛИТВА – ЧАСТЬ ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРОПЫ 12

Географический центр Европы? 12; Происхождение названия *Литва* и судьба этого понятия 13; Основные вехи истории Литвы 17; Важнейшие даты литовской истории 22

Раздел I

ДРЕВНЯЯ ЛИТВА 23

ДРЕВНИЕ БАЛТЫ И ВОЗНИКНОВЕНИЕ ЛИТОВСКОГО ГОСУДАРСТВА 23

Язычество и первое упоминание названия Литвы в 1009 году 24; Основание Литовского государства Миндовгом. Коронация Миндовга в 1253 году 29; Возвышение династии Гедиминовичей 34

ЯЗЫЧЕСКОЕ ГОСУДАРСТВО. КРЕЩЕНИЕ ЛИТВЫ 38

Держава Ольгерда 39; Литва на пространстве православной Руси 42; Крещение Литвы – завершение процесса формирования Европы? 44

ИМПЕРИЯ ВИТОВТА 47

Перемены времен правления Витовта 48; Грюнвальдская битва 50; Святой правитель 53

ВЕЛИКОЕ КНЯЖЕСТВО ЛИТОВСКОЕ НА ПУТИ К ЗАПАДУ 57

Христианизация и св. Казимир. Готика 58; Письменность 62; Ренессанс и Реформация 66

Раздел II

ДИНАСТИЧЕСКИЙ СОЮЗ ЛИТВЫ И ПОЛЬШИ 70

РЕСПУБЛИКА ОБОИХ НАРОДОВ 71

Люблинская уния 71; ВКЛ в Европе эпохи барокко. Шляхетская демократия 74; Государственная религия или десять конфессий? 78; Народы, языки, письменности 81; Виленский университет 86;

Самая восточная и самая северная в Европе архитектура барокко 91; Виленский Гаон и «Северный Иерусалим» 92

ПЕРВАЯ В ЕВРОПЕ КОНСТИТУЦИЯ И ЕЕ УПРАЗДНЕНИЕ 94
В ВКЛ приходит Просвещение 95; Конституция 3 мая 1791 года и Закон о гарантиях двух народов 100; Уничтожение Великого княжества Литовского 104

Раздел III
ЛИТВА ПОД ВЛАСТЬЮ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (1795–1915) 109

ТЯГОТЕНИЕ К БЫЛОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ 111
Культурная автономия в тени Наполеона 111; Восстание 1830–1831 годов 116; Царская власть: «Польши здесь не будет» 118; Восстание 1863–1864 годов 121; «Духовное княжество» епископа М. Валанчюса 123

НАРОД ПРЕВРАЩАЕТСЯ В НАЦИЮ 127
Политика русификации в 1864–1904 годах 127; Гимн «Литовцами мы родились» 132; Другая Литва стремится к автономии 136; Литва после 1905 года: культурная борьба 138

Раздел IV
ВОССТАНОВЛЕНИЕ ЛИТОВСКОГО ГОСУДАРСТВА 144

БОРЬБА ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ 146
Планы Литвы: от автономии к независимости 146; Акт независимости Литвы от 16 февраля 1918 года 152; В Версальской системе 155; Московский мирный договор 1920 года 159; Последняя возможность объединения с Польшей 162; Учредительный Сейм и его постановления 166

СТАНОВЛЕНИЕ НАЦИИ 170
Литва обретает морской порт: присоединение Клайпеды 174; Демократия левых сил и военный переворот 1926 года 174; Президент А. Сметона и премьер-министр А. Вольдемарас 179; Тандем А. Сметоны и Ю. Тубялиса 184; Евреи и поляки – граждане Литвы 188; Поколение периода независимости 193

ЭРА УЛЬТИМАТУМОВ ТРЕХ СОСЕДНИХ СТРАН 200
Литва и Польша: отношения без отношений 200; Первый в Европе процесс против нацистов и утрата Клайпеды 203; Политика нейтралитета и пакт Молотова – Риббентропа 207; Ультиматум СССР 1940 года и советская оккупация 210

Раздел V
СОВЕТСКАЯ И НАЦИСТСКАЯ ОККУПАЦИИ 214

В ТИСКАХ СТАЛИНА И ГИТЛЕРА 214
Советизация Литвы 215; Репрессии и антисоветское восстание 1941 года 219; Холокост в Литве 224; Нацистское самоуправление – удавка для литовцев 228

НАЗАД В СССР 233
Смена нацистской оккупации советской 233; Война после войны – вооруженное сопротивление 238; Советизация экономики 243; Унификация культуры 249; Просвещение и попытки русификации 252; Литовская дипломатическая служба и эмиграция 255; Непокорное общество 258

Раздел VI
ПОЮЩАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 267

С ДВИЖЕНИЕМ «САЮДИС» ЗА ЛИТВУ 267
Литовское движение за перестройку «Саюдис» в 1988–1990 годах 267; Восстановление независимости Литвы 273; В ожидании международного признания Литвы 278; Догоняя Западную Европу 284; Отношения с соседними странами и трансатлантическая интеграция 291

Послесловие
РОДОМ ИЗ ЛИТВЫ – РАЗБРОСАННЫЕ ИМЕНА 301

Литература для дальнейшего чтения 305
Источники иллюстраций 307
Именной указатель 309

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

АСЛ	Армия Свободы Литвы
ВКЛ	Великое княжество Литовское
ВКОЛ	Верховный комитет освобождения Литвы
ВП	Временное правительство
ВС	Верховный Совет – Восстановительный Сейм Литвы
ДБСЛ	Движение борьбы за свободу Литвы
ДПТЛ	Демократическая партия труда Литвы
ЕС	Европейский Союз
КГБ	Комитет государственной безопасности (СССР)
КПЛ	Коммунистическая партия Литвы
КПСС	Коммунистическая партия Советского Союза
ЛДПС	Литовское движение за перестройку «Саюдис»
ЛДС	Литовская дипломатическая служба
ЛСЛ	Лига свободы Литвы
ЛССР	Литовская Советская Социалистическая Республика
ЛХДП	Литовская христианско-демократическая партия
МГБ	Министерство государственной безопасности (СССР)
НКВД	Народный комиссариат внутренних дел (СССР)
НКГБ	Народный комиссариат государственной безопасности (СССР)
ПЛГ	Польско-Литовское государство
РПОН	Речь Посполитая Обоих Народов
СДПЛ	Социал-демократическая партия Литвы
СО-КЛ	Союз Отечества (Консерваторы Литвы)
СССР	Союз Советских Социалистических Республик
ФЛА	Фронт литовских активистов
ЦГАЛ	Центральный государственный архив Литвы
ЦИГИРЖЛ	Центр исследований геноцида и резистенции жителей Литвы

ПРЕДИСЛОВИЕ

Приветствуем Читателя, раскрывающего уникальные (а других и не бывает) страницы национальной истории. Эта небольшая книга дает четкий ответ на один из наиболее важных, животрепещущих и вдохновляющих вопросов для всего литовского народа: как родилась Литва и почему наше государство является не плодом случайных или побочных обстоятельств, а результатом многовекового развития, итогом нелегкого пути к самостоятельности, основанного на праве нации на самоопределение, и закономерным, заслуженным вознаграждением за жизнь каждого литовца во имя своей страны.

Читая книгу, Вы переживете впечатляющие, подлинные, нередко поучительные эпизоды из исторического опыта нашего народа. Знакомясь с ними, Вы станете свидетелями и хранителями истории Литвы. Понимание, что без народной памяти не может быть народного будущего, отражено в словах литовского просветителя Микалоюса Акелайтиса (Миколай Акелевич), адресованных им в 1859 г. польскому литератору Иосифу Игнатию Крашевскому: «**История нации должна пребывать на устах каждого гражданина, и тогда нация будет бессмертна**». Именно это знание и вдохновило литовских просветителей (Симонаса Даукантаса, Йонаса Мачюлиса-Майрониса и др.) запечатлеть прошлое Литвы в своем творчестве.

Исторические труды обобщающего характера обычно рождаются в переломные моменты государственного развития и по исключительным поводам. Иногда они появляются по инициативе государственных учреждений, в чьи обязанности входит увековечение и оценка пройденного страной пути в широкой перспективе, освещенной с патриотических позиций, но достоверно, проницательно, всеобъемлюще. В 1936 г. по инициативе и стараниями Министерства просвещения Литовской Республики (заместителя министра Казимераса Масилюнаса) группа литовских историков написала и выпустила объемную историю Литвы под редакцией Адольфаса Шапоки. Это едва ли не самая известная национальная история Литовского государства и литовского народа, которая оказала и продолжает оказывать влияние и на нынешние поколения. Целью этого труда, созданного в тревожные времена, был поиск национального вдохновения для литовского

народа, и это вдохновение было найдено – в тысячелетней истории древней Литвы, на широких просторах, завоеванных литовскими полководцами, в аутентичной культуре древних балтских племен, в самом архаичном из всех европейских и уникальном по своей красоте литовском языке, а также в деятельности выходцев из Литвы, разбросанных по всему миру.

В ходе подготовки к Всемирной выставке 1939 г. в Нью-Йорке Министерство иностранных дел Литовской Республики (министр Стасис Лозорайтис) инициировало разработку специальной экспозиции Литвы. В павильоне, созданном под руководством Магдалены Аветенайте, демонстрировались достижения литовского профессионального и народного искусства, экономики страны. Здесь были выставлены работы самых известных наших художников, запечатлевших на своих монументальных полотнах важнейшие события из истории Литвы. В этом и других случаях наша интеллигенция, ученые, художники сплотились и сообща представили Литву и ее историю всему миру.

Сегодня у нас есть достойный повод для продолжения и укрепления этой замечательной дипломатической традиции. В 2013 г. Литва, которая 11 марта 1990 г. восстановила свою независимость, а в 2004 г. стала полноправным членом семьи стран НАТО и ЕС, приступит к исторической миссии председательства в Совете Европейского Союза, объединения свободных и демократических государств Европы. Это исключительная возможность не только для активного участия в созидании общего будущего Европы, но и для укрепления солидарности европейских стран, повышения их внимания к прошлому народов данной части света и, разумеется, для того, чтобы еще раз самим – с современной точки зрения – посмотреть и напомнить всему миру, чем была, является и чем будет Литва.

При подготовке к председательству в Совете Европы Министерство иностранных дел Литовской Республики (министр Аудронюс Ажубалис) обратилось к ученым Института международных отношений и политических наук Вильнюсского университета, которые уже не первый год занимаются исследованиями историко-политических проблем (профессора Раймундас Лопата, Альвидас Йокубайтис, Витаутас Раджвила и др.), с просьбой о подготовке компактного, легко читаемого труда по истории Литвы, основанного на принципах правдивости и открытости. Его назначение – честно и доступно раскрыть перед каждым Читателем, прежде всего перед гражданами Европейского Союза, долгий, победоносный, иногда сложный и даже трагичный исторический путь нашей страны, пройденный народом Литовского государства во главе с его лидерами в различные периоды, сквозь различные государственные уклады, оккупационные режимы, достижения и неудачи восстановленной независимости – с самого первого упоминания Литвы в одной из европейских хроник в 1009 г. и вплоть до превращения Литвы в полноправного члена Европейского Союза в 2004 г.

Координация работ по подготовке книги и ее редактирование были доверены автору этих строк. К написанию настоящего труда были привлечены историки, авторы многих научных работ: профессор Вильнюсского университета АЛЬФРЕДАС БУМБЛАУСКАС проанализировал древнюю историю Литвы и развитие Великого княжества Литовского (**разделы I и II, введение, заключительный раздел**); профессор университета Vytautas Magnus АНТАНАС КУЛАКАУСКАС написал о жизни литовцев в Российской империи в 1795–1915 гг. (**раздел III**); профессор АЛЬФОНСАС ЭЙДИНТАС описал процесс восстановления современного Литовского государства и двадцатилетний период независимости с 1918 по 1940 г. (**раздел IV**); лектор Литовского университета образовательных наук д-р МИНДАУГАС ТАМОШАЙТИС обобщил события, произошедшие с момента оккупации Литвы в 1940 г. до 2004 г. (**разделы V и VI**). Первыми читателями и рецензентами книги стали известные философы, активные общественные деятели. На долю редактора выпала нелегкая задача унифицировать четыре различных способа и стиля изложения, распланировать объемы разделов и глав, сплести взаимосвязи и продумать включения, чтобы рассказ стал однородным, сбалансированным в количественном отношении, не был перегружен необязательными фактами и был как можно более приятным для читательского глаза. В связи с ограниченным объемом этого исторического труда нам пришлось отказаться от подробных разделов по экономике, социальному и культурному развитию. Несомненно, читателю они были бы интересны и полезны, но пусть это будет той жертвой и ценой, которую оказались готовы заплатить авторы ради углубленного описания основных водоворотов литовской истории, знаменательных вех развития Литовского государства, его вклада в историю своего региона и всей Европы, а также многовековой, твердой и непреклонной воли литовского народа к созданию, сохранению и развитию собственной державы.

Редактор надеется на понимание и снисхождение, если не всем Читателям историческое повествование покажется одинаково приемлемым и складным, и напоминает, что с момента восстановления государства в 1990 г. это первая попытка охватить общим, ответственным и лапидарным взглядом весь исторический путь Литвы с позиций современности.

Мы искренне благодарим инициаторов настоящего издания, членов редакционной коллегии, которые читали первоначальные тексты, особая благодарность – Яунюсу Петрайтису, а также д-ру Витаутасу Жалису, Романасу Юдинасу, авторы признательны рецензентам книги проф. д-ру Зенонасу Буткусу и доц. д-ру Саулюсу Каубрису, а также многим другим, внесшим свой вклад в ее подготовку, иллюстрирование, подбор необходимых карт.

АЛЬФОНСАС ЭЙДИНТАС

Введение

ЛИТВА – ЧАСТЬ ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРОПЫ

Без сомнения, родственные связи санскрита с литовским языком теснее, чем с каким-либо другим языком на этой земле.

РОБЕРТ ГОРДОН ЛАТАМ.
Описательная этнография

Географический центр Европы?

Если провести по карте Европы линии, соединяющие Гибралтар с северной частью Уральских гор, Шотландию – с горами Кавказа, острова Южной Греции – с Северной Норвегией, то почти все эти линии пересекутся в Литве, где и находится географический центр Европы. Совсем недавно Французский национальный географический институт, используя математический метод определения центра тяжести плоской фигуры, произвел новые расчеты, согласно которым географический центр Европы находится в 25 км к северу от Вильнюса, столицы Литвы. Координаты этого места: 54°54′ северной широты, 25°19′ восточной долготы. Литва находится на той же географической широте, что и более западные Южная Швеция, Дания, Шотландия, и на той же географической долготе, что и более северная Финляндия и более южные Румыния, Болгария, Греция. Литва находится на перекрестке между Восточной и Западной Европой: через Литву пролегает самый прямой путь из Германии в Россию, через Литву немцы рвались на восток, а русские – на запад. Поэтому некогда говорилось: «Если для Швейцарии характерны высокие горы, для Италии – произведения искусства, для Финляндии – озера, то Литву следовало бы назвать краем, в котором очень опасно жить маленькому народу». И хотя Литва является географическим центром Европы (а город Каунас входил в Ганзейский союз), ее часто относят к Восточной Европе. В таких случаях учитывается не столько географическое, сколько геополитическое положение: в XIX–XX вв. Литва не единожды была оккупирована и присоединена своим восточным соседом.

Однако с точки зрения цивилизации Литва относится к периферии Запада, то есть к Центральной Европе. В Литве, как и в странах Центральной Европы (Польше, Чехии, Венгрии), в отличие от Восточной

Европы, со Средневековья складывалось индивидуальное крестьянское хозяйство, а не община, формировалось дворянское гражданское общество, а не восточный централизм или деспотия, господствовали западная культурная ориентация и католицизм, а не православие, хотя здесь и была найдена интеграционная модель, породившая идею локальной церковной унии, что дает основание говорить о Литве как о связующем звене между римской Центральной и византийской Восточной Европой.

Происхождение названия *Литва* и судьба этого понятия

Впервые название Литвы было упомянуто в 1009 г., однако появилось оно еще раньше: племя литовцев должно было выделиться из состава балтских племен еще за несколько столетий до этого. Языковеды установили, что литовский язык отделился от латышского около VII в. н. э. Однако люди, говорившие на литовском языке, вовсе не обязательно называли себя литовцами, а свою землю – Литвой (*Lietuva*). До сих пор наиболее распространенной являлась версия, согласно которой название Литвы выводилось от названия небольшой речушки Летавка (*Lietauka*, *Летаўка*), впадающей в реку Нерис неподалеку от Кернаве. Традиционно считается, что ядро Литовского государства – земли Литвы в узком смысле этого слова – в ранний исторический период находилось между реками Неман (Нямунас) и Вилия (Нерис). Таким образом, река Летавка, правый приток Нерис, текла по направлению к литовским землям, но не обязательно через них. В таком случае речка должна была получить свое имя по названию окрестных земель, а не наоборот. Эти аргументы опровергают распространенную версию, но не дают объяснения происхождению названия Литвы. В настоящее время ученые, исходя из предпосылки, что название Литвы следует выводить из этнонима «литовец» (*lietuvis*), обратили внимание на топонимы с корнями «лейт-» (*leit-*) и «лиет-» (*liet-*) за пределами Литвы. Они высказывают мысль, что на окраинах владений литовских государей – Витовта (Витаутаса), Гедимина (Гедиминаса) и, возможно, Миндовга (Миндаугаса), где жили не литовцы, а древние русы (или русины), а также жемайты (жмудь), правители могли селить своих верных людей из Литвы для охраны границ. Этих людей окрестное население называло «лейтами» (*leitis*), а может быть, и «летами» (*lietis*). Кстати, латыши до сих пор называют литовцев «лейшами» (*leišis*). Таким образом, название Литвы могло произойти от этнонима «леты» или «лейты», связанного со специфическими военными функциями, которые возлагались на этих людей.

Герб Литвы «Витис» («Погоня») на титульном листе Лаврентьевского списка (1531) Первого статута Великого княжества Литовского

В 1009 г. литовские земли должны были простираться гораздо дальше на восток и на юг, чем сейчас проходит юго-восточная граница Литвы. Территория, на которой литовцы жили и создавали свое государство (в сущности, это и есть современная Литва), и называется этническими литовскими землями. Однако часть этнической Литвы находится за пределами современного Литовского государства. С другой стороны, Литвой сейчас называются территории, лежавшие к западу от этнических литовских земель: это древние территории жемайтов, части ятвягов, селов (селонов), земгалов и пруссов. И это закономерно: ядром формирования Литовского государства была «литовская земля» (территория между Нямунасом и Нерис), однако уже Миндовг присоединил к «литовской земле» другие заселенные литовцами местности, а также расширил свое влияние на территории родственных племен. Предполагается, что если бы не германские набеги и славянская экспансия, то Литовское государ-

ство и название *Литва* могли бы включать в себя гораздо более обширные земли многих (а то и всех) балтских племен.

Однако если территории, населенные людьми с родным литовским языком, а позднее – и с литовским самосознанием, постепенно сужались с юга и востока, то с названием *Литва* происходил обратный процесс: вместе с границами Великого княжества Литовского оно распространилось далеко на восток, по обширным землям восточных славян. Всю эту территорию (не только современную Литву, но и Белоруссию) с течением времени и стали называть Литвой, а сегодня мы именуем эти территории исторической Литвой. В XVI–XVIII вв. дворяне ВКЛ считали себя литовцами (литвинами) независимо от своего этнического происхождения. Даже официальный язык государственной письменности (на нем написаны Статуты ВКЛ и другие документы), восходящий к языку предков современных украинцев и белорусов, называли «литовским». Певцом исторической Литвы стал известный польский поэт XIX в. Адам Мицкевич, а последним гражданином ВКЛ себя считал лауреат Нобелевской премии Чеслав Милош. Именно к этой традиции мы сегодня относим так называемых «старолитовцев», которым на рубеже XIX–XX вв. противопоставили себя «младолитовцы», через пару десятилетий создавшие Литовскую Республику.

Название Литвы стало также достоянием и представителей еврейского народа. На протяжении всего периода существования исторической Литвы на ее территории проживали евреи, называвшие эту страну «Литэ», а себя – «литваками». Таким образом, своим распространением название Литвы обязано древнему Литовскому государству – Великому княжеству Литовскому. После уничтожения ВКЛ и его присоединения к России вплоть до восстания 1831 г. в Российской империи существовала Литовская губерния, которая после восстания была разделена на Литовско-Виленскую и Литовско-Гродненскую губернии.

Кроме этого, существовал и другой путь распространения названия Литвы. В XV в. в опустошенные войнами земли ятвягов, скальвов, надровов начали возвращаться потомки этих племен, да и сами литовцы во множестве ехали сюда из Литвы. Они селились не только на пустошах со стороны Литвы, но и по ту сторону границы (согласно соглашению о границе, заключенному между Литвой и Тевтонским орденом в 1422 г., к Литве отошла лишь часть исконных территорий ятвягов – Занеманье). С течением времени на землях Тевтонского ордена (впоследствии провозгласившего себя герцогством Пруссия, а еще позднее – королевством Пруссия) литовцев начали называть «литовниками», а населяемые ими земли – Прусской Литвой, или Малой Литвой (вся осталь-

ная Литва позднее, по-видимому в XIX в., стала называться Большой Литвой, или просто Литвой). Парадокс: чужое государство, а литовской письменности там гораздо больше, чем в самой Литве. В Малой Литве появилось и первое значительное произведение литовской литературы на родном языке – поэма «Времена года» Кристионаса Донелайтиса (около 1750 г.). И хотя в XVIII в. в Пруссии название Литвы использовалось вполне официально, был даже создан Литовский департамент с центром в Гумбиннене (ныне город Гусев, Российская Федерация), но с течением времени в результате германизации и спонтанного онемечивания литовцев употребление литовского языка в Пруссии постоянно уменьшалось, а после Второй мировой войны, когда прежнее население покинуло Пруссию, там и вовсе не осталось людей с родным литовским языком. Не сохранилось там и название *Литва*.

Как же складывалась история Большой Литвы? После уничтожения Россией древнего Литовского государства и подавления восстания 1831 г. название «Литва» официально не использовалось – его заменило название «Северо-Западный край», а слово «Литва» начало приобретать новые значения. Наряду с понятием исторической Литвы (бывшего ВКЛ) начало укрепляться современное представление, сопрягающее это понятие с употреблением литовского языка. Именно на это понятие опирались создатели нового Литовского государства – Литовской Республики, которые стремились присоединить к Литве Малую Литву, но отказались от претензий на исторические литовские земли, где не осталось носителей литовского языка.

Современная интерпретация понятия *Литва* столкнулось с огромной проблемой – в начале XX в. на юго-восточных территориях этнической Литвы литовский язык уступил место локальным вариантам польского и белорусского языков, которые в народе называли «тутейшей мовой». И хотя в денационализированной, ассимилированной части Литвы некоторые шляхтичи (дворяне) продолжали называть себя «литвинами» или «старолитовцами», большинство шляхты все глубже интегрировалось в польскую нацию, а Литву считало частью Польши. Именно эта концепция и использовалась польской стороной во время польско-литовского конфликта 1920 г. из-за принадлежности Вильнюса, когда в Виленском крае была сформирована так называемая Срединная Литва. В соответствии с этой польской концепцией Литовскую Республику именовали Ковенской Литвой (по городу Ковно, старому названию Каунаса), а жемайтское наречие – литовским языком. Суть Срединной Литвы становится понятна, если вспомнить, что древние русские земли ВКЛ, лежавшие к востоку от нее, назывались Минской, или русинской,

Литвой. Концепция трехчастной Литвы, использовавшаяся якобы для восстановления традиций ВКЛ, на самом деле была не более чем декларацией, которая уже не соответствовала исторической правде. В действительности это была именно польская концепция Литвы: во время выборов 1922 г., проведенных Польшей на занятых генералом Люцианом Желиговским территориях так называемой Срединной Литвы с центром в Вильно, голосование было направлено на присоединение Литвы к Польше. Литовцы, в свою очередь, хотели создать этническое литовское государство и уже не претендовали на Минскую Литву, однако не представляли своего государства без исторической столицы – Вильнюса. Кроме того, создатели современного Литовского государства претендовали на земли Малой Литвы. Правда, Версальский мирный договор 1919 г. хотя и отделил от Германии часть Малой Литвы – Мемельский (Клайпедский) край, но не отдал его Литве. Кстати, далеко не все мемельские литовники желали присоединения к Литве – они стремились к статусу вольного города наподобие Данцига (ныне Гданьск).

Основные вехи истории Литвы

Обобщенная модель литовской истории выглядит следующим образом: в третьем-втором тысячелетии до н. э. среди доисторических археологических культур лесистой Восточной Европы появилась балтская культура. С I в. н. э. она уже попадает в поле зрения римской и других цивилизаций. Обычно считается, что такие культурные ценности, как литовский язык, народное прикладное искусство и фольклор, а также литовское язычество пришли к нам именно из этих доисторических глубин, хотя современные ученые чаще всего относят окончательное формирование литовской языческой религии к периоду основания государства. Само государство – Великое княжество Литовское – было основано в середине XIII в., его первый правитель Миндовг (Миндаугас) даже успел принять крещение, а в 1253 г. – короноваться. Тем не менее, это осталось историческим эпизодом, хотя языческое государство постепенно становилось региональной державой или империей, завладевшей огромными просторами православных земель бывшей Киевской Руси. В 1387 г. Литва приняла католическое крещение, а ее часть – Жемайтия (Жмудь) – стала последним европейским регионом, принявшим христианство. Эти события завершили формирование христианской Европы.

В связи с опасностью, исходившей от Тевтонского ордена, Великое княжество Литовское постепенно укрепляло свои связи с Польшей, а в XV–XVI вв. переняло и христианскую западную культуру. В середи-

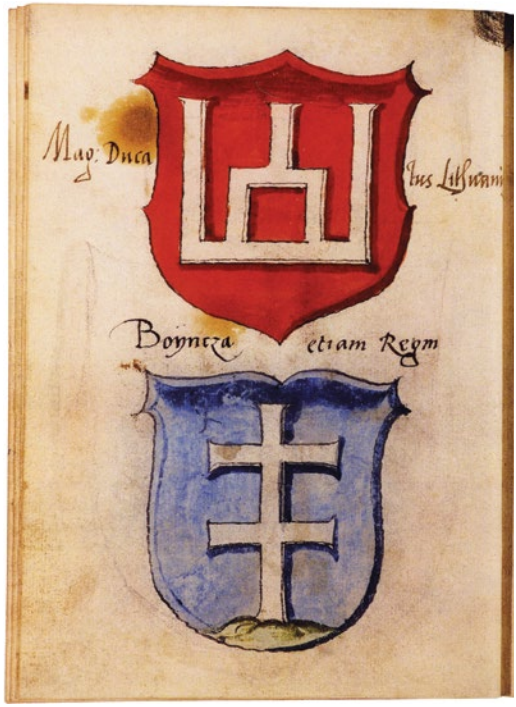
Герб ВКЛ «Витис» из гербовника «Stemmata Polonica», серед. XVI в. (хранится в Париже)

не XVI в. ВКЛ заключило с Королевством Польским унию, на основании которой было сформировано объединенное государство – Речь Посполитая (Республика) Обоих Народов. В науке обычно считается, что в XVII–XVIII вв. это государство дало европейской и всей мировой цивилизации весьма значимые феномены, которые могут быть выражены одной лаконичной формулой: хлеб, толерантность, демократия, конституция, барокко. Таким образом, Речь Посполитая Обоих Народов:

- обеспечила Запад зерном для выпечки хлеба (через Гданьск в Амстердам);
- создала почти неизвестную тогда на Западе традицию веротерпимости и шляхетской демократии;
- в XVI–XVIII вв. сделала Вильнюс, стоявший на рубеже двух миров, единственной европейской столицей, где мирно уживались десять различных конфессий (а для иудейского мира он стал городом Виленского Гаона и «Северным Иерусалимом»);
- основала Виленский университет – авторитетнейший по своему влиянию и один из старейших университетов во всей Центральной Европе, давший миру известнейших миссионеров, святых и мучеников, поэтов, риторов и логиков;
- выпестовала признанную во всей Европе виленскую школу барокко;
- создала правовую традицию, которая в XVI в. дала Европе самые систематизированные на тот момент правовые кодексы – Литовские статуты, а в 1791 г. – самую первую в Европе письменную конституцию.

Речь Посполитая Обоих Народов была уничтожена в конце XVIII в. в результате трех разделов ее территории между Россией, Австрией и Пруссией. Однако и в этих сложных условиях смогла зародиться виленская школа романтизма, великими представителями которой стали Адам Мицкевич и Юлиуш Словацкий, а Виленский университет в то время смог удержать свои позиции в первой сотне европейских университетов.

Это был целый мир традиций Речи Посполитой Обоих Народов, который так и не стал частью культуры Российской империи. Наоборот – его представители были объявлены великими предвестниками поль-



«Гедиминовы столпы» (вверху) и «Ягеллонов крест» (внизу)
из гербовника «Stemmata Polonica», серед. XVI в. (хранится в Париже)

ской культурной традиции, что позволило позднее назвать современный им Вильнюс столицей польской культуры за пределами этнической Польши. Тем не менее, в результате уничтожения традиций Вильнюса, Литвы и Речи Посполитой Обоих Народов Россия смогла перенять такие возникшие на просторах ВКЛ явления, как баня и «горилка», или «водка». Понятно, что этот вопрос пока слишком мало исследовался, но, например, известный во всем мире феномен «русских евреев» объясняется очень просто – в Российской империи евреи могли жить только к западу от «черты оседлости», которая полностью совпадала с восточной границей бывшего ВКЛ или Речи Посполитой Обоих Народов. После раздела Речи Посполитой в 1791 г. российская императрица Екатерина II провела эту черту оседлости и перечислила конкретные губернии, в которых разрешалось жить евреям. Все эти территории были не чем иным, как территорией бывших ВКЛ и РПОН и, следовательно, «русские евреи» – это евреи Великого княжества Литовского, то есть Литвы, Белоруссии, Украины и Польши.

Самое восточное (500 км от Вильнюса) творение школы виленского барокко и ее известнейшего архитектора И. К. Глаубица – костел ордена кармелитов босых в Мстиславле. Фото А. Бумблаускаса

Как бы там ни было, но именно на этих просторах родились четыре современных государства Новейшего времени: Польша, Литва, Белоруссия и Украина. А кое-кто может добавить к этому списку и… Израиль, поскольку одну из существеннейших ролей в основании этого государства сыграли евреи здешнего происхождения, так называемые литваки.

После присоединения к России в 1795 г. Литва смогла восстановить независимость только в 1918–1919 гг., когда было основано государство, опиравшееся на новые национальные и демократические принципы – Литовская Республика. У ее истоков стоят и величайший литовский художник и композитор М. К. Чюрлёнис, и певец национального возрождения поэт Майронис, и патриарх литовской нации Й. Басанавичюс. А за ними идет целая плеяда современных художников, писателей, архитекторов, которые всего за двадцать лет смогли коренным образом изменить облик и ландшафт Литвы.

Сегодня молодые историки характеризуют цивилизационные достижения той Литовской Республики весьма лаконично – сливочное

Одна из самых известных картин М. К. Чюрлёниса «Сказка королей», 1909 г.

масло, самолеты ANBO и баскетбол, имея в виду прогресс сельского хозяйства, проектирование и производство самолетов в Каунасе, а также две золотые медали литовской мужской сборной по баскетболу, завоеванные на чемпионатах Европы в 1937 и 1939 г. Именно эти ценности и воспоминания перечеркнул Советский Союз оккупацией Литвы в 1940 г. и ее повторной оккупацией в 1944 г. Однако даже понеся огромные потери, пережив Холокост литовских евреев, массовую высылку местного населения в Сибирь советскими властями, эмиграцию 1944 г. на Запад, Литва смогла подняться на многолетнюю «войну после войны». Вооруженное сопротивление литовских партизан Советскому Союзу, продолжавшееся почти целое десятилетие после окончания Второй мировой войны (1945–1953), иногда считается самым крупным вкладом Литвы в европейскую историю XX в. Тем не менее, сегодня на роль творцов новой истории Литвы могут претендовать и основатели литовского движения «Саюдис», и вдохновители Балтийского пути, идейные лидеры борьбы за независимость (1988–1990), и герои 13 января 1991 г., которые смогли преодолеть пятьдесят лет аннексии своей

страны Советским Союзом, перестройку и в условиях нового национального возрождения восстановить независимость.

Еще одно знаменательное событие произошло в 2004 г. – Литва стала членом ЕС и НАТО.

Важнейшие даты литовской истории

97 г. н. э.	Первое описание эстиев (древнее обобщенное название балтов).
1009	Св. Бруно Кверфуртский открывает Литву, крещение литовского «короля» Нетимера.
06.07.1253	**Коронация правителя сформировавшегося Литовского государства Миндовга (Миндаугаса).**
1316–1341	Правление князя Гедимина (Гедиминаса), положившего начало династии Гедиминовичей.
1323	Гедимин переносит столицу Литвы из Трок (Тракай) в Вильну (также Вильно, совр. Вильнюс).
1385	**Кревская уния. Великий князь литовский Ягайло (Йогайла) становится королем Польши. Начало сближения Литвы и Польши.**
1387	Крещение Литвы.
1392–1430	Период правления великого князя литовского Витовта (Витаутаса).
1410	Грюнвальдская (Жальгирисская) битва. Объединенное польско-литовское войско разгромило Тевтонский орден, угрожавший существованию обоих государств.
1569	**Люблинская уния. Государственный союз между Королевством Польским и Великим княжеством Литовским, в результате чего была образована Речь Посполитая (Республика) Обоих Народов.**
1795	Окончательный раздел Польско-Литовского государства Россией, Австрией и Пруссией. Большая часть Литвы отходит к России.
16.02.1918	В условиях немецкой оккупации Литовская Тариба (Совет Литвы) под руководством Й. Басанавичюса провозглашает **восстановление независимого Литовского государства.**
15.06.1940	В результате подписания пакта Молотова – Риббентропа **Советский Союз оккупирует и аннексирует Литовскую Республику** и создает в ней марионеточное правительство, после чего объявляет о создании Литовской Советской Социалистической Республики. **Начинается период советского террора и ссылок.**
1941–1944	Оккупация Литвы нацистской Германией и Холокост евреев в Литве.
1944–1953	Период советских репрессий, депортаций, массовой коллективизации, а также литовского вооруженного сопротивления.
1976	Создание Хельсинкской группы.
03.06.1988	Основание Литовского движения за перестройку «Саюдис».
11.03.1990	**Верховный Совет Литовской Республики провозглашает восстановление независимости Литвы.**
2004	Литва становится членом ЕС и НАТО.

Раздел I

ДРЕВНЯЯ ЛИТВА

ДРЕВНИЕ БАЛТЫ И ВОЗНИКНОВЕНИЕ ЛИТОВСКОГО ГОСУДАРСТВА

В науке балтами обычно называют группу индоевропейских племен и народов, проживавших или живущих на восточном побережье Балтийского моря и говоривших или говорящих на родственных языках, которые составляют отдельную ветвь индоевропейской языковой семьи. Сегодня живыми представителями этой языковой ветви являются лишь литовский и латышский языки. Балты и их потомки – литовцы и латыши – оседло живут у Балтийского моря уже не менее 4 тысяч лет, в связи с чем их иногда относят к самым оседлым и древним европейскими народам. Балтские племена начали формироваться в конце III тысячелетия до н. э., когда пришедшие сюда индоевропейцы покорили и ассимилировали местных жителей. В I тысячелетии до н. э. ареал расселения балтских племен простирался от Вислы до восточных бассейнов Днепра и Оки. Позднее, во второй половине I тысячелетия до н. э., началась славянская экспансия, повлекшая за собой ассимиляцию восточных балтов. В начале II тысячелетия началось формирование прусской, ятвяжской, литовской и латышской народностей. Однако до конца сложиться смогли только литовский и латышский этносы, тогда как пруссы и ятвяги были завоеваны и ассимилированы Тевтонским орденом, который впоследствии основал на их землях королевство Пруссию.

Оседлая жизнь балтов, видимо, обусловила то, что в балтийской мифологии, элементы которой сохранились в местном фольклоре, присутствует множество черт древней индоевропейской мифологии. Интерес к балтийской мифологии постоянно растет. Литовский язык лучше всех остальных живых языков индоевропейской семьи сохранил древнюю фонетику и большинство морфологических особенностей, которыми обладали ныне исчезнувшие или мертвые языки – хеттский, древнегреческий, санскрит. Известный французский языковед Антуан Мейе (1866–1936) писал: «Если вы хотите знать, как говорили наши предки, приезжайте сюда и послушайте, как говорит литовский крестьянин». Поскольку литовцы приняли христианство сравнительно поздно, то литовская народная культура и традиция сохранили все богатство архаичных языческих элементов, в том числе и в обрядах таких, казалось

бы, чисто христианских праздников, как Рождество, Пасха и др. Можно сказать, что языческие праздники были лишь «прикрыты» слоем христианской традиции. Сохранившиеся элементы седой старины обусловили самобытность литовского народного творчества и искусства.

Язычество и первое упоминание названия Литвы в 1009 году

Больше всего спорных утверждений и оценок было высказано по поводу литовского язычества. Причиной тому явилось противоречие между созданным в первой половине XIX в. мифом о языческой эпохе как о золотом веке Литвы и скудостью информации из исторических источников. Романтики искали образы антропоморфных богов, идолов, древние письмена, жрецов и волхвов, святилища – стремились отыскать то, что было характерно для дохристианского Рима или греко-римского язычества. Их оппоненты считали, что у литовцев не было развитой теологической системы, а в основе их религиозных представлений лежало обожествление природы. Древние литовцы видели отражение божества везде – в небосводе, по которому ходят Солнце, Луна и звезды, в земле, в огне и в воде. Такое обожествление природных явлений, а особенно земли, мешало развитию земледелия, требовавшего обработки почвы, поэтому постепенно происходил перенос святости со всего окружающего мира в целом на определенные священные места – например, конкретное дерево или камень. Примечательно, что местами особого средоточия силы считались дубовые рощи, жертвенные курганы (холмы), а священным животным был уж.

В качестве ответа критикам романтики ссылались на прусские источники XVI–XVII вв. с упоминаниями авторов хроник о прусских богах. Согласно хронике Симона Грунау, прусский культовый центр располагался в местности Рикойто, где растет вечнозеленый дуб, под которым находится прусское святилище с тремя идолами прусских божеств. Главным из них является Пикулло (Пакулас) – бог подземного мира, вторым – Перкуно (Перкунас), бог грома и молний, а третьим – Потримпо (Патримпас) – бог хлебов. В хронике описываются культ этих богов и иерархия служителей культа, жрицы, хранительницы священного огня. С течением времени рассказ о трех прусских богах был дополнен новыми деталями, вставками и иллюстрациями. В Ипатьевском списке Галицко-Волынской летописи в записи под 1252 г. упоминаются четыре божества. Эту идею литовского язычества как «первичного самородка» и наличие верховного пантеона из четырех богов подтверж-

дает и литовская мифологическая география. В Литве существует множество объектов: местностей, холмов, лесов, деревьев, камней, носящих имя бога Перкунаса. Встречаются и объекты с именем бога Диеваса – например, камень Божий Стол (*Dievo Stalas*) или гора Божье Кресло (*Dievo Krėslas*). Отметим, что в современном литовском языке слово *Dievas* означает просто «Бог». Кроме того, в Литве существует огромное количество объектов с именем богини Лаумы или Лайме. Эти «изначальные» священные места охранялись ведунами и ведьмами, которые в современном литовском языке обозначаются словами, этимологически восходящими к глаголам с семантикой «знать, ведать» и «видеть».

Считается, что в Литве язычество не успело сформировать религиозных центров – святилищ с функцией распространения письменности и просвещения, которые финансировались бы другими слоями общества, а также социального слоя языческого духовенства. Однако при этом не учитывается одно обстоятельство – в середине XIII в. литовцы, наконец, создали государство. А в государстве закономерным образом складываются условия для формирования духовного сословия и централизованного религиозного учреждения, поскольку начинает действовать механизм, позволяющий все это содержать. С другой стороны, страна нуждается в идеологии для объединения общества. Правители других государств выбрали для этой цели христианство. Политика же литовских языческих правителей позволяет предположить, что язычество для них было равноценно христианству. Таким образом, государство должно было «сверху» пытаться ускорить процесс превращения язычества в институциональную религию. Ранним выражением этого процесса следует считать упоминаемое в источниках святилище Ромове (Ромува) в Надровии (Надрува) и его верховного жреца – кривиса. Это уже должно было быть самостоятельным институтом, который содержался за счет подношений. Для сохранения политического баланса жрец обосновался на территории самого слабого племени – надровов; это напоминает древнегреческую амфиктионию, союз полисов на межплеменной территории, созданный для защиты святилища общего божества. Основным объектом культа в Ромове был огонь, чье почитание связано с распространенными в Литве жертвенными курганами и камнями. В XIII в. сложился восходящий к мифам обряд сожжения тел умерших, который практиковался вплоть до самого крещения Литвы: в источниках сохранилось описание обряда сожжения останков великих литовских князей Ольгерда (Альгирдаса) и Кейстута (Кестутиса).

У большинства народов есть свой эпос, т. е. сказания о богах, полубогах и героях. Эти сказания были записаны позднее, с появлением

Литовская пуща из цикла рисунков А. Гротгера «Литва», 1864–1866 гг.

письменности. Можно считать, что в описываемые нами времена литовский эпос уже начал формироваться. Прежде всего появились героические песни, но в настоящее время их известно очень мало. Сегодня наука признает, что в понятие эпических сказаний укладывается несколько сюжетов из литовских хроник: сон князя Гедимина об основании Вильнюса, походы великого князя литовского Ольгерда на Москву и история любви жрицы Бируты (Бируте) и великого князя литовского Кейстута. (История Бируты интересна еще и тем, что эта княгиня так и не получила христианского имени, была похоронена как язычница, но легенда о ней не забылась и с укреплением христианства, а гора Бируты в Паланге почиталась как место упокоения святой.) Все вышеупомянутые сказания были записаны в XV–XVI вв., но у них было историческое основание, что подтверждается письменными источниками того времени. Частью формирующегося литовского эпоса следует считать и легенду о князе Свинтороге (Швянтарагис). Однако эту историю следует отделять от сочиненных в XV–XVI вв. легенд о римском происхождении литовцев, о князе Палемоне (Палемонас) и его сыновьях.

I тысячелетие н. э. – эпоха дифференциации балтских племен. Уже Птолемей во II в. н. э. пишет о прусских племенах галиндах и ятвягах,

Городище Меркине – одно из самых красивых городищ Литвы. Стоявшие на них деревянные замки в XIII–XIV вв. являлись важнейшими оборонительными сооружениями.
Фото М. Бумблаускаса

или судавах. В раннем Средневековье западные хронисты начали упоминать пруссов, куршей, земгалов. Литовцы, которые жили к востоку от этих племен, конечно же, в хроники не попали, да и сам процесс дифференциации восточных балтов начался несколько позднее. По-видимому, в конце I тысячелетия литовское племя развивалось быстрее всех остальных балтских племен, поэтому в 1009 г. западный миссионер и будущий святой Бруно Кверфуртский специально отправился от пруссов к литовцам. Здесь он окрестил литовского вождя Нетимера, но затем погиб от руки его брата. Наличие принципа наследования власти Нетимера доказывает, что Литва к тому времени достигла по меньшей мере стадии вождества – промежуточной политической структуры на пути от этнической общности к государству. Это, в свою очередь, указывает на отсутствие существенного разрыва между Литвой и другими странами Центральной и Северной Европы, куда в это время также направлялись христианские миссии. К сожалению, миссия св. Бруно Кверфуртского и открытие Литвы в 1009 г. остались лишь историческим фрагментом, поскольку в течение следующих 200 лет после этого события упоминания о Литве отсутствуют. Существует большая вероятность, что данное положение было обусловлено походами киевского

князя Ярослава в середине XI в., поскольку в начале XII в. литовцы упоминаются среди племен, плативших дань Киевской Руси.

1009 г. стал для Литвы годом не только описанного криминального события, но и годом гораздо более значимого факта – св. Бруно Кверфуртский в этом году открывает Литву и ее «короля» Нетимера, который уверовал и принял крещение. Это первое крещение в Литве связано с идеями *милленаризма* – учения о тысячелетии Царства Божия на земле в конце истории. В основе этого учения лежит Откровение Иоанна Богослова, или Апокалипсис, в котором черпали свое вдохновение христианские миссионеры. На пороге тысячелетия (миллениума) ожидается Последний суд. Поэтому под занавес первого тысячелетия после Рождества Христова и родилось милленаристское движение – христианские миссии, крещение новых стран или их частей охватили регионы будущей Центральной, Восточной и Северной Европы. Назовем хотя бы следующую цепочку: крещение польского правителя Мешко (966), крещение князя Киевской Руси Владимира (988), миссия св. Адальберта в Пруссии, завершившаяся его мученической смертью (997), попытка введения христианства норвежским королем Олафом I (997), решение о крещении, принятое исландским Альтингом (1000), коронация св. Иштвана, первого праведного христианина на венгерском троне (1000), крещение конунга Южной Швеции Олафа (1008) и, наконец, крещение литовского «короля» Нетимера (1009).

Таким образом, с момента упоминания Тацитом племени эстиев до первого письменного употребления названия «Литва» прошла почти целая тысяча лет. Однако наука, сотню лет искавшая языческую Атлантиду балтов, ее так и не нашла. Литовцы должны были сформироваться в самостоятельный этнос, а племя Нетимера – продвигаться от племенного строя к государству, которое уже сможет привлечь к себе миссионеров. Литва осталась с литовским языком, мистически звучащими многоголосыми хоровыми песнопениями «сутартинес», своими преданиями и сказками, со своими языческими богами. С этим языческим лицом Литва будет жить еще целых 400 лет после Нетимера – упоминания о литовских богах встречаются и в описаниях царствования Миндовга, чье крещение и королевская корона также остались не более чем историческим эпизодом, и в сказаниях о великом литовском князе Гедимине, который, впрочем, провозгласил не столько языческий монотеизм, сколько верховное божество Диеваса: «и у нас лишь один Диевас…». Именно языческий жрец Лиздейка напророчит основание и славу Вильнюса в толковании сна Гедимина о воющем железном волке. И хотя в Литве не было ни одного князя, который не вел бы переговоров о крещении, но Европа

эпохи крестовых походов, отказывавшая странам в самостоятельном крещении, словно сама отталкивала Литву от христианства. В течение всего этого времени Литва остается самостоятельной цивилизационной монадой, поэтому и Гедимин, и Ольгерд не стали ждать ни признании, ни короны со стороны и весьма неучтиво (с западной точки зрения) сами провозгласили себя королями. И только князь Витовт будет более любезен и сделает попытку получить корону и признание от Запада.

Основание Литовского государства Миндовгом. Коронация Миндовга в 1253 г.

В XI–XII вв. самыми активными и воинственными среди всех балтских племен выглядели курши, а в конце XII в. начались и литовские военные походы. Известно, что в 1183 г. литовцы предприняли первый самостоятельный поход на русские земли, в результате которого разорили Псков, а попутно, быть может, и Полоцк. Позднее литовские походы участились – ежегодно литовцы выступали в один-два военных похода не только на Русь, но и на Польшу и Ливонию.

Грабительские набеги говорят об усилении литовского племени – по числу походов литовцы обогнали богатых пруссов и воинственных куршей. Видимо, решающую роль в этом сыграло большое количество мужчин, что особенно важно для военных походов. Возвышение литовского племени и заложило основы для смены племенного строя и последующего возникновения Литовского государства. В договоре 1219 г. о союзе между галицко-волынскими и литовскими князьями (который касался и грабительских набегов на Польшу) имя будущего основателя Литовского государства князя Миндовга стоит на четвертом месте среди пяти старших князей. Таким образом, очевидно, что в 1219 г. Литва еще была не государством, а лишь конфедерацией земель без единого (общего) правителя. Землей в те времена называлась единица политической организации, а союзом земель – строй, при котором князья отдельных земель согласовывали свои действия и выдвигали из своего числа старших князей.

Итак, в 1219 г. в Литве еще нет верховного князя, но в 1245–1246 гг. немецкий летописец называет Миндовга «верховным королем». Это свидетельствует о том, что Литва к этому времени уже была объединена. Когда же это произошло? В 1253 г. российские летописи упоминают «Литву Миндовга». Может ли это указывать на то, что Миндовг уже объединил под своей властью остальных князей? Но если есть «Литва Миндовга», то, может быть, также есть и, скажем, «Литва Живибунда (Живинбудас)»

Рыцарь Тевтонского ордена похищает ребенка. Худ. Ю. Коссак, XIX в.

или «Литва Довспрунга (Дауспрунгас)»? Поэтому ученые склоняются к примерной дате основания Литовского государства – около 1240 г.

При объединении Литвы Миндовг не мог не обратить внимания на следующую цепочку фактов: в 1202 г. в устье Западной Двины Орден меченосцев строит свой замок Дюнамюнде и начинает постепенно завоевывать ливов, латышей, эстонцев, куршей. Для борьбы с родственными литовцам языческими прусскими племенами князь Конрад Мазовецкий в 1230 г. даровал рыцарям Тевтонского ордена (крестоносцам) Хелминскую землю у Вислы и пригласил их селиться там. Эта фатальная ошибка очень дорого обойдется полякам и литовцам: Орден вскоре покорит прусские племена, а в 1236 г. папа римский уже объявит крестовый поход против литовцев. И хотя в том же 1236 г. жемайты в битве при Сауле смогли отразить первый удар, но клещи вокруг Литвы уже смыкались – в 1237 г. Орден меченосцев стал вассалом Ордена крестоносцев.

Возникновение Литовского государства было ускорено агрессией германских рыцарей и созданием их колониальных государств в Балтийском регионе. Литовское государство возникло в первую оче-

Коронация Миндовга. Худ. А. Варнас, 1952–1953 гг.

редь как средство обороны, однако оно должно было опираться на какой-либо социальный слой, и таким слоем стала дружина князя Миндовга. Как известно, выдвижение одного правителя является ярчайшим внешним признаком возникновения государства. И с позиций настоящего времени можно утверждать, что нация могла защититься лишь при наличии собственного государства.

Однако Миндовгу было необходимо еще и укрепить свою власть. В 1248 г. его положение стало весьма угрожающим. В оппозицию прежде всего входили его ближайшие родственники – племянники, призвавшие себе на помощь и чужаков – Ливонский орден и Галицко-Волынское княжество. Миндовг преодолел это препятствие при помощи не только военной силы, но и дипломатии: воспользовавшись внутренними противоречиями Ливонии, он привлек на свою сторону магистра Ливонского ордена Андреаса фон Штирланда, через которого весной (или в начале лета) 1251 г. обеспечил себе и своей жене Марте (Морта) крещение, а себе лично – королевскую корону.

В 1251 г. Миндовг принял крещение, передав в обмен на это Ливонскому ордену значительную часть Жемайтии (Жмуди). Важнейшей целью, которой он добивался посредством крещения, была королевская корона. И эта цель была достигнута 6 июля 1253 г. День коронации Миндовга занимает почетное место в литовском календаре государственных праздников, ведь Миндовг стал первым и единственным коронованным королем Литвы. Коронация Миндовга как бы увенчала процесс образования государства, поскольку после этого Литва была признана современным ей миром. Одного этого хватило бы, чтобы счи-

тать Миндовга одной из важнейших исторических фигур, чьи заслуги перед Литвой неоспоримы и бесконечно велики. Миндовг создал величайшее образование периода ранней литовской истории – государство, которое дало литовской нации возможность выжить и впоследствии перенять западную цивилизацию. Литва вышла на историческую арену, когда Европа уже пережила эру крестовых походов (седьмой крестовый поход состоялся во времена правления Миндовга, а последний, восьмой, – вскоре после его смерти). Однако Миндовг должен был совершить гораздо больше, чем сделали правители других стран Центральной Европы за несколько веков до того. Чехия стала королевством в XII в., а самостоятельная архиепархия была учреждена там только в XIV в.; Польша стала королевством и учредила архиепархию на рубеже X–XI вв., но (как и Чехия) стала вассалом не папы римского, а правителя Священной Римской империи. Миндовг же, получивший корону при содействии вассала Германии – Ливонского ордена, стал вассалом не императора, а папы римского, и сразу получил право на самостоятельную епархию, которая подчинялась непосредственно папе римскому. Более того, спустя несколько лет Миндовг получил королевскую корону для всей своей династии – папа римский дал разрешение и на коронацию его сына. Все это является результатом политики Миндовга, который весьма предусмотрительно выбрал себе помощника – священнослужителя Ливонского ордена брата Кристиана, снабдившего его необходимыми сведениями об организации Католической церкви, о связях папы римского с европейскими государями и особенно с императором. Подкупив магистра Андреаса фон Штирланда, Миндовг включил в делегацию Ливонского ордена своего посла, который при встрече с папой римским изложил ему позицию и условия Миндовга, более выгодные для Литвы, чем Ливонии. К удивлению посланцев Ливонии, папа римский удовлетворил просьбу Миндовга, что стало первой международной победой литовской дипломатии и помогло оградить Литву от политических уз со Священной Римской империей. Эти весомые дипломатические победы показывают, как талантливо смог Миндовг повернуть события в нужном для него направлении. Недаром даже враги Миндовга называли его мудрецом.

Обычно средневековую Европу отождествляют с Западной Европой, что не совсем верно. Современная Западная Европа представляет собой лишь часть средневековой Европы, которую сегодня иногда называют «старой» средневековой Европой (V–IX вв.). При этом имеется в виду империя Карла Великого, созданная на развалинах Римской империи и достигавшая берегов Эльбы. Иногда исследователи выделя-

ют и «новую» средневековую Европу – Чехию, Венгрию, Хорватию и Скандинавию – сформировавшуюся в X–XII вв. Логичным представляется продолжить эту цепочку и средневековую Европу XIII –XIV вв., в которой жили финны, эстонцы, латыши, пруссы и литовцы, считать «новейшей» средневековой Европой. В раннем Средневековье папы римские милостиво принимали крещение разных стран, которые становились вассалами папы римского или императора.

Народам новой Европы разрешалось принимать крещение и становиться вассалами императора. А вот за новейшей средневековой Европой, в том числе и за Литвой, право самостоятельно принять христианство не признавалось: в Европе уже шли крестовые походы. Поэтому финны, эстонцы и латыши были покорены, пруссы – уничтожены, а Миндовг в этих условиях не только смог основать государство, но и войти (пусть и временно) в систему европейских стран. Он был единственным государем новейшей Средневековой Европы, который смог сделать свою нацию и государство субъектом, а не объектом истории.

Князь Довмонт (Даумантас) Нальшанский, супругу которого Миндовг в свое время насильно сделал своей женой, действуя заодно с сильнейшим противником Миндовга Тройнатом (Тренёта), убил Миндовга в 1263 г. Обычно историки считают это ответом язычников на крещение своего правители. И действительно, жемайты после своей блестящей победы над объединенными силами Тевтонского и Ливонского орденов у озера Дурбе 13 июля 1260 г. через Тройната предложили Миндовгу отказаться от христианства и начать войну с Ливонией. Миндовг согласился на войну с Тевтонским орденом. Иногда утверждается, что тем самым он отрекся от христианства, однако спустя несколько лет после его смерти, в 1268 г., папа Климент IV в своей булле назвал его «светлой памяти правителем». Крещение Миндовга не устранило опасности нападения со стороны орденов, кроме того, оно привело к утрате части этнической Литвы – Жемайтии. Таким образом, Миндовг должен был сражаться за языческую Жемайтию с христианской Ливонией, одновременно сохраняя в глазах Западной Европы и папы римского статус христианского правителя.

После убийства Миндовга в Литве наступила смута: в течение нескольких лет здесь были убиты еще три претендента на престол, а один князь был отправлен в изгнание. В 1264 г., когда сторонники Миндовга убили Тройната, правителем Литвы стал сын Миндовга Войшелк (Вайшелга) – первый в истории Литвы православный князь, положивший начало укреплению позиций литовских князей на землях Руси. Литовский князь принимает православную веру, а его земли (в данном случае – полученный от отца Новгородок, ныне Новогрудок) присоеди-

няются к Литовскому государству. С другой стороны, Войшелк был и единственным князем, отказавшимся от княжеского титула и избравшим путь монашеского служения. Но это будет позднее, а в 1264 г. он включился в политическую жизнь и, расправившись с противниками Миндовга, сел на литовский престол.

Возвышение династии Гедиминовичей

В конце XIII в. упоминаются еще несколько великих литовских князей: Будикид (Бутигейдис), за ним – его брат Будивид (Бутвидас), далее – сын Будивида Витень (Витянис). Это было новое явление в литовской истории – престол последовательно занимали люди из одного рода – братья или сыновья. Таким образом, в этот период сформировался принцип наследования престола, что в Средние века являлось одним из важнейших признаков стабильности государства. Дело в том, что теперь любой претендент на власть должен был сначала доказать свои права, родство или принадлежность к правящей династии. В конце XIII в. на арену литовской истории вышла одна из самых известных династий литовского происхождения – Гедиминовичи.

Династия получила название по имени брата Витеня – князя Гедимина (Гедиминас), правившего с 1316 по 1341 г. Гедимин не был первым представителем этой династии, но благодаря сыгранной им в развитии литовской истории роли он затмил своих предшественников. Во времена правления великого князя Гедимина сформировалась ранняя, или военная, монархия, уже обладавшая всеми характерными для нее признаками, а именно: диархия, ранний феодализм, проявившийся в образовании первых дворов-поместий. Литва в то время уже располагала столицей, а Гедимин положил начало традиции наследования престола, возведения каменных оборонительных сооружений. Во времена правления Гедимина или его сына Ольгерда (Альгирдас) была создана целая система каменных замков вокруг ядра молодого государства – его столицы. В эту систему входили: Медницкий, Кревский, Лидский, Трокский замки и более удаленные Городенский и Ковенский замки. Литва стала центром политической системы, вокруг которого сплачивались не только земли Черной Руси и Полоцка, присоединенные еще во времена Миндовга, но и земли Галиции и Волыни, Киева, Пскова, попавшие в сферу политического влияния Литвы, что позволило ей стать участницей крупных политических комбинаций и главенствующей силой своего региона, то есть истинной державой. Политика Литвы становилась заметной в масштабе обширного региона или даже Европы.

Гедимин строит Виленский замок. Худ. М. Э. Андриолли, 1882 г.

Наиболее значимым свидетельством политики Гедимина считаются его письма. И хотя о них чаще всего говорят только в связи с первым упоминанием Вильнюса в письменных источниках, они вместе с тем являются доказательством последовательной политики европеизации Литвы, которую проводил князь Гедимин. Его письма раскрывают перед нами очень широкий (с учетом международной изоляции Литвы) политический кругозор правителя. Гедимин создавал православную митрополию, решился принять христианство сам и учредить католическую архиепархию. Этой церковной политикой ему удалось заинтересовать папу Иоанна XXII, который уже в те времена выдвигал идею церковной унии. Именно ему Гедимин и посылал письма, в которых выражал желание креститься. Он писал о том, что литовские правители хотели бы принять католическую веру, но вынуждены защищаться от крестоносцев, которых волнует не крещение, а завоевание государства. Гедимин также разослал по немецким городам и монастырям письма с известием, что Литва ожидает приезда папских посланцев для переговоров о крещении. Литовский князь приглашал приехать в

Воображаемые портреты литовских правителей
Итальянский худ. Александр Гваньини, XVI в.

Миндовг

Гедимин

Ольгерд

Витовт

Кейстут. Худ. А. Пеньковский, 1838 г.

Бирута. Худ. А. Пеньковский, 1838 г.

Литву и обосноваться тут немецких рыцарей, купцов, ремесленников, крестьян, обещая им те же условия для деятельности, что и в Европе. Однако в 1323–1324 гг. акция Гедимина с крещением потерпела неудачу из-за сопротивления жемайтской и православной знати.

Отказ от крещения не означал отказа Гедимина от другой цели – сближения Литвы и Западной Европы посредством приглашения в Литву немецких колонистов. О том, что уже во времена Гедимина Литву начали посещать западные монахи, говорит загадочная история о францисканских мучениках, положившая начало одной из самых древних виленских легенд. Эта история известна с XIV в., она рассказывает об убийстве двух францисканцев, произошедшем в Вильне в конце правления князя Гедимина. В XVI в. на месте их захоронения была возведена часовня, рядом с которой позднее будет основан монастырь ордена бонифратров.

Итак, языческое литовское общество и его хозяйственная, социальная, политическая и духовная структура приобрели наиболее зрелый вид именно в правление Гедимина. Таким образом, в конце XIII в. в литовскую историю вошла известнейшая и, что немаловажно, литовская по своему происхождению династия Гедиминовичей, которая правила в Литве до 1572 г., вплоть до смерти Сигизмунда Августа (Жигимантас Аугустас), после которого литовский престол перешел к чужеземным правителям. Династия Гедиминовичей была названа по имени самого известного ее представителя – князя Гедимина, затмившего своими деяниями всех предшественников. К этой династии принадлежали выдающиеся великие литовские князья, сыгравшие необыкновенно важную историческую роль: сыновья Гедимина Ольгерд (Альгирдас) и Кейстут (Кестутис), сын Ольгерда Ягайло (Ягелло, Йогайла) и величайший представитель династии – сын Кейстута Витовт (Витаутас) Великий, правивший с 1392 по 1430 г. Правда, в Европе в то время более известен был его кузен Ягайло, который в 1386 г. стал королем Польши и основал новую ветвь рода Гедиминовичей – династию Ягеллонов. Впоследствии (кон. XV – нач. XVI в.) эта ветвь Гедиминовичей достигла вершины своего могущества. Ее представители одновременно занимали престолы Литвы, Польши, Чехии (1471–1526) и Венгрии (1490–1506).

Правление династии Гедиминовичей связано с самым прославленным в национальном сознании историческим периодом развития Литвы. Имена Гедимина, Ольгерда, Кейстута, Витовта занимают в литовской культуре особенно почетное место, а геральдический знак династии – Гедиминовы столпы – является одним из важнейших символов литовской нации и Литовского государства.

ЯЗЫЧЕСКОЕ ГОСУДАРСТВО. КРЕЩЕНИЕ ЛИТВЫ

После Миндовга не было ни одного литовского правителя, который не вел бы переговоров о крещении, а вместе с ним – и о коронации, что было обусловлено постоянной войной с немецкими орденами: в конце XIII в. Тевтонский орден окончательно покорил пруссов и начал агрессию против Литвы. Понимая, что крещение, полученное от Ордена, обойдется слишком дорого, литовские правители искали другие пути принятия христианства – через Чехию, Венгрию, Польшу (крещение в православие не решило бы проблемы военной агрессии со стороны немецких орденов). Вместе с тем все литовские правители именовали себя королями (напр., Гедимин в своих письмах на Запад подписывался – *rex*; Ольгерд в своих письмах в Византийскую империю – *basileus*). Так же титуловали их и источники немецких орденов, отличая тем самым от вождей других племен, не имевших государства, или даже от князей русских земель. Таким образом, можно утверждать, что еще до вступления Ягайло на польский престол (1386) Литва заслужила название королевства, даже не обладая всеми атрибутами для признания со стороны Запада – назовем ее своеобразным, или внесистемным, королевством. Тем более что Литва действительно стала уникальным европейским государством, которое исследователи иногда даже классифицируют как самостоятельную цивилизацию, не относящуюся ни к римской Западной Европе, ни к византийской Восточной Европе. И действительно, в Литве в то время уже формировалось индивидуальное хозяйство, что является основой западной цивилизации, но не характерно для Восточной Европы. Кроме того, там, где не требовалось международного признания, где хватало собственных сил, языческая Литва постепенно становилась ведущей силой своего региона, превращалась в великую державу (лит. *didvalstybė*, польск. *mocartstwo*, нем. *Grossmacht*), от которой до империи – всего лишь шаг.

Итак, правитель Литвы Гедимин титуловал себя *Rex Lethowye* и вел интенсивные переговоры о принятии христианства, а в своих письмах западным странам и городам наряду с вопросом о крещении поднимал тему о переселении в Литву западных купцов и ремесленников. Его усилия, направленные против изоляции Литвы, долго не приносили плодов, а военная агрессия немецких орденов вынуждала Литву направлять всю энергию на военное дело. Поэтому государственное устройство Литвы XIV в. иногда называют военной монархией.

Первое воздействие на своих соседей Литва и смогла оказать именно в области военного дела – от Москвы до Чехии был известен и использовал-

ся своеобразный «литовский» (или «прусский») щит. Крестовые походы против Литвы отчасти объясняют ее экспансию на опустошенные монголами земли Киевской Руси и присоединение их к своей территории – так Литва накапливала ресурсы для борьбы на западе. Во времена правления великого князя литовского Ольгерда (1345–1377) Литва не только становится великой державой, но и расширяет свои границы от Балтийского до Черного моря. Это обусловило неоднородность литовского государства – оно включало в себя этнические земли с языческим литовским населением и гораздо более обширные территории, густо населенные православными русинами. Поскольку эти области были отделены от Московской Руси, на них постепенно начала формироваться особая славяно-русинская народность Великого княжества Литовского, из которой впоследствии сложились современные белорусская и украинская нации. На этих землях литовцы нашли то, чего у них не было: церковную систему и письменность. Оба эти обстоятельства обусловили важную роль православной культуры в ранней литовской истории: удельные литовские князья, став наместниками на русских землях, принимали православие, а формирующаяся русинская письменность стала официальным языком документов ВКЛ. Это несколько напоминает ситуацию с франками в Галлии, когда германские племена франков, создав на землях Галлии свое государство и властные структуры, переняли язык и культуру местного населения.

Держава Ольгерда

В XIII в. Монгольская империя разгромила Киевскую Русь, а Литва, воспользовавшись этой победой, подчинила себе некоторые русские земли. Во времена правления Миндовга к Литве была присоединена Черная Русь, во времена Витеня и Гедимина – Белая Русь (Полоцк – в 1307 г., Витебск – в 1320 г.) и Волынь (1340) – иными словами, вся современная Белоруссия и часть Западной Украины. Киев мог быть присоединен еще в 1322 г., в правление Гедимина, но историки склонны считать, что Киев завоевал князь Ольгерд после победы над Золотой Ордой в битве на Синих Водах в 1362 или 1363 г. Правление князей Гедимина и Ольгерда ознаменовалось не только расширением территорий – при этих властителях Литва стала значимой силой на исторической арене Центральной и Восточной Европы. Очевидно, что ВКЛ никогда не смогло бы завоевать просторы Киевской Руси, не будь монгольского вторжения – в XIV в. Литва больше всего напоминает теневую империю. Подобные государственные образования возникают на пограничье либо на периферии рушащихся империй, когда бывшие

Карта: Расширение Великого княжества Литовского в XIII–XV вв.

подданные, торговые партнеры или союзники-сателлиты подчиняют себе часть ее территории (а порой и область былой метрополии). Обычно пришельцы перенимают и административную структуру, а также культурное наследие рухнувшей империи.

Русские княжества попали под власть Золотой Орды, возникшей после распада Монгольской империи, и были вынуждены постоянно платить ей дань. И хотя Литва присоединила немалую часть русских земель, но и Гедимин, и Ольгерд также обязаны были платить Золотой Орде дань за возможность управления этими областями (выплата дани прекратилась лишь при князе Витовте). Весьма вероятно, что русские земли в составе ВКЛ представляли собой кондоминиум Литвы и Золотой Орды, то есть являлись их совместным владением. Тем не менее, на разоренные монголами территории претендовали и неподвластные ВКЛ древнерусские земли, одной из сильнейших среди которых была Владимиро-Суздальская.

В начале XIV в. главными соперниками в борьбе за ярлык (жалованная ханская грамота на сбор дани с других русских князей в пользу Золотой Орды) были Тверь и Москва. Победителем в этой борьбе стала Москва, сумевшая закрепиться также и во Владимире. Выступая на стороне Твери в ее попытках отвоевать у Москвы утраченное первенство, литовский князь Ольгерд целых три раза – в 1368, 1370 и в 1372 г. – предпринимал поход на Москву, но не сумел занять Кремль. Таким образом, заявленные Ольгердом цели («вся Русь должна принадлежать литовцам») не осуществились, а Вильнюс так и не стал «вторым Киевом». Однако именно во время этих походов на Москву Ольгерд в своем письме константинопольскому патриарху (1371) называет себя «литовским императором» (*vasilea Letvon*), тем самым возвышая себя над московским, тверским и другими князьями и приравнивая себя к императору Византии – литовские правители прекрасно ориентировались не только в западноевропейской, но и в восточноевропейской политической системе.

Древнерусские земли, разумеется, не спешили добровольно присоединяться к ВКЛ как к более милостивому оккупанту. В литовской экспансии было все: и прямой захват силой, и распространение влияния окольными путями. История не знает «добровольных» присоединений к великим державам. Византийские источники ничего не упоминают о миролюбии литовцев – наоборот, они говорят об «отважном и воинственном народе». Даже династические браки в ту пору заключались под неприкрытым военным давлением.

Литовцы, скорее всего, были такими же империалистами, как и все остальные, разница заключалась лишь в том, что после захвата чужого края они не торопились с притеснением, т. е. поначалу не меняли сложившийся порядок. Точнее всего эту тактику характеризует излюбленное выражение литовских князей: «мы старины не рушим, новизны не вводим» – они сохраняли старые княжеские структуры, что позднее превратится в удельные привилегии, выражаясь языком современным – в автономии. Украинцы шутят, что литовцы были самыми приятными захватчиками в их истории. Вряд ли причиной таких отношений могло стать благодушие и миролюбивость самих литовцев. Литва не могла навязать другим народам ни свой язык, ни свою культуру, ни свою религию, поскольку язычество было не в состоянии конкурировать с православием, обладавшим к тому времени развитой организационной структурой и письменностью. Поэтому иногда Литовскую державу тех времен называют «бархатной империей». На окраинах ВКЛ зависимость колебалась в значительных пределах – от сюзеренитет-

та до гегемонии. Чем дальше от центра – Вильны, тем менее правившие на периферийных землях ВКЛ (именно сюда попадает Украина) Гедиминовичи прислушивались к своим виленским братьям, кузенам или дядьям – великим князьям.

Литва на пространстве православной Руси

После занятия Литвой древнерусских земель литовские князья, наместники новых территорий, нередко принимали православие. Позднее от этих удельных князей окраинных земель пошли знаменитые роды ВКЛ – Сангушки, Чарторыйские, Вишневецкие, Слуцкие. Кроме того, православие приняли даже князья, имевшие свои вотчины на исконных литовских землях, не принадлежавшие к династии Гедиминовичей, – например, князья Ольшанские. С другой стороны, после присоединения Литвой русских земель далеко не все князья из древнерусской династии Рюриковичей были вытеснены из политической жизни. В последующие эпохи многие деятельные потомки этого рода примут активное участие в жизни ВКЛ.

Литовцы обнаружили на Руси каменные церкви и монастыри, а в них – живопись, собрания церковной утвари и письменных источников, а главное – умеющих писать монахов. В то время в Литве не было собственной письменности, рукописные книги на латыни пришли сюда гораздо позже и были дороги, а у новых подданных к тому времени уже были Остромирово и Туровское евангелия, созданные в далеком XI в. Поэтому многие связанные с христианством понятия, такие как «крещение» (лит. *krikštas*) или «божница» (лит. *bažnyčia* в значении «церковь»), пришли в литовский язык не с Запада, а с Руси.

Наиболее ярко сближение двух обществ – языческого и православного – должно было проявляться в столице государства, что и отражается в истории древней Вильны. К XIV в. здесь уже должна была сформироваться «русинская сторона», т. е. городские кварталы с русским православным населением. Их жизнь в Литовском государстве дала начало процессу формирования новой народности – русинов, которые значительно отличались от московитов – жителей Московского княжества. На «русинской стороне» Вильны уже во времена Гедимина стояли православные церкви, православными были прежде всего некоторые из жен великих литовских князей, однако православными были и некоторые приближенные ко двору правителя – Ольгерд весьма терпимо относился к православию, если это не противоречило его собственным и государственным интересам.

Православные придворные, получившие образование в православных монастырях, создали при дворе великокняжескую канцелярию. В монастырях в качестве письменного использовался церковнославянский (родственный болгарскому) язык, а в канцелярии ВКЛ началось формирование русинского (именуемого ранее «западнорусским») языка, который возник как альтернатива «болгарской» письменной традиции. Именно на этом языке и были написаны наиболее значительные памятники письменности того времени – Литовская метрика, Литовские летописи и Литовские статуты. Таким образом, политическая элита Литвы являлась заказчиком православной культуры. Западная часть ВКЛ между Вильной и Луцком была визитной карточкой ВКЛ: именно в этой репрезентабельной его части, неподалеку от Кракова, магнаты возводили свои резиденции. Кроме того, здесь, у Буга и Нарева (Нарва), сформируется основное зерновое хозяйство ВКЛ, обеспечившее зерном порт Гданьска, через который шли основные поставки хлеба в Европу. Интригующий вопрос – где именно в Восточной Европе появилась хлебная водка? В настоящее время доминирует исторически необоснованное утверждение, что в Восточной Европе XV в. эпицентром разведения хлебных зерновых культур являлась Москва.

Другой аспект роли литовцев в русинском обществе кроется в социально-экономической сфере. Литовские дворяне и имевшие собственное хозяйство крестьяне, вышедшие из общества с четко выраженной аллодной (индивидуальной) формой землевладения, отличались от восточных славян, у которых чем дальше к востоку (в Московской Руси, позднее в России), тем сильнее проявлялось общинное землепользование. Однако на землях русинов, входивших в состав Польши и Литвы, распространение получила западная форма хозяйствования и собственности – аллод (индивидуальное крестьянское хозяйство). Благодаря этому, более прогрессивному, способу ведения хозяйства и характеру отношений собственности в русинский язык Литовской метрики попали и использовались потом даже на Украине такие литовские понятия из области сельского хозяйства и слова, как вид косы *литовка*, *дойлид* (лит. *dailidė* «плотник»), *евье* (лит. *jauja* «рига, овин»), *свирен* (лит. *svirnas* «амбар»), *клуня* (лит. *kluonas* «гумно»), *оруд* (лит. *aruodas* «закром»), *примен* (лит. *priemenė* «прихожая»). В русинский язык проникли даже слова из области литовского «благосостояния»: *компа* (лит. *kumpis* «ветчина, копченый окорок»), *скилонд* (лит *skilandis* «начиненный мясом копченый свиной желудок»).

У древних литовцев не было письменности, поэтому сложно судить о национальном самосознании бесписьменного общества. Территориаль-

ные претензии великих литовских князей говорят о понимании ими общности всего балтского пространства. Князь Витовт, например, на основании языкового родства доказывал принадлежность Жемайтии Литве. С другой стороны, для князей все были подданными – они даже больше доверяли караимам и татарам, из которых набирали личную стражу. Они также не слишком верили в мастеровитость своего народа и его способности к промыслу, поэтому приглашали купцов и ремесленников из-за рубежа. В ВКЛ начали селиться немцы, евреи и армяне. Почти все эти общины (за исключением немцев) стали коллективными вассалами литовских князей и сохранили свое вероисповедание и письменность.

Крещение Литвы – завершение процесса формирования Европы?

Во второй половине XIV в. агрессия Тевтонского ордена против Литвы достигла невиданных доселе масштабов – по три-четыре похода в год. Силы страны истощались, и она была вынуждена искать союзника. Выходом стала Кревская уния с Польшей, заключенная в 1385 г. и принесшая великому литовскому князю Ягайло (Ягелло, Йогайла) польскую корону. Одним из условий унии было крещение Литвы, что и сделал Ягайло сразу по возвращении из Польши в 1387 г. При этом Ягайло старался уничтожить проявления старой веры: священные рощи, поклонение священному огню, культ ужа. Но на первом плане все же были политические обстоятельства того времени – польза от крещения вскоре стала очевидна: папы римские запретили Тевтонскому ордену нападать на Литву. С тех пор этот Орден уже не мог рассчитывать на эффективную поддержку Запада. Кревская уния с Польшей позволила добиться победы в Грюнвальдской (Жальгирисской) битве. Своим крещением и победой над Тевтонским орденом Литва устранила двухсотлетнюю угрозу своему существованию и вышла на новую стадию своей истории, вступив в эпоху «европеизации», или «пути в Европу».

14 августа 1385 г. в Кревский замок прибыла польская делегация. Предполагается, что у поляков уже был заготовлен текст договора. Ягайло согласился с содержанием этого документа, он был подписан и вошел в историю под названием Кревской унии. Условия договора были следующими: Ягайло берет в жены дочь польского короля Ядвигу, обещает обратить Литву в католическую веру, вернуть утраченные польские земли, освободить польских пленных и «прислонить» Литву к Польше. Слово «прислонить» необходимо заключать в кавычки, поскольку историки до сих пор спорят, как в данном случае следует переводить с латыни глагол *applicare*.

При заключении Кревской унии Ягайло, как и все первые монархи, считал всю страну своей собственностью и полагал, что может обращаться с Литвой по своему усмотрению. Это характерная черта той эпохи, а не высокомерное поведение самого Ягайло: ведь можно считать, что договор был заключен между королевством Польским и великим князем литовским. В отличие от Польши (где власть распределялась между монархом и государственным советом и уже начал действовать шляхетский сейм), в Литве не было никакой другой институции для выражения воли Литовского государства, за исключением князя. Однако Ягайло не отказался от своих прав на Литву как на законную вотчину, и Литва стала вассалом Польши, не утратив при этом своей государственности. А еще точнее – великий князь литовский Ягайло стал вассалом короля польского Ягайло. Однако самым большим минусом Кревской унии было то, что вопросы управления страной регламентировались не правовыми, а реальными отношениями между государствами – именно здесь и таилась наибольшая опасность для Литвы. На первый взгляд, казалось бы, между новыми областями деятельности существовал паритет: Гедиминовичи получали княжества в Польше, а польские сановники получали полномочия на управление делами Литвы, литовское войско помогало полякам, а польское – литовцам. Однако в первом случае помощников контролировали польские государственные институции, во втором же весь контроль принадлежал только общему правителю, который находился в Кракове (где, в отличие от Вильно, он являлся монархом признанного Европой государства) и мог опираться на поддержку Государственного совета Польши. После включения литовских чиновников в польские государственные учреждения Литва стала превращаться в провинцию, а взаимодействие двух государств, основанное на заключении личной унии, уничтожало ее государственность.

Литва была вынуждена заключить столь невыгодную для себя унию в связи с ожесточенными нападениями немецких рыцарей. В преддверии подписания Кревского договора силы Литвы уже были на исходе, поэтому поляки и стали ее союзниками. Кревская уния ограничила самостоятельность Литвы. Был ли у нее другой путь, не через Польшу? История предыдущих 200 лет доказала: сделать это через немецкие ордены было невозможно. Польша была ближайшей соседкой Литвы, и Кревская уния открыла новую страницу литовской истории: Литва повернулась лицом к Польше.

В 1387 г. Ягайло прибыл в Вильно для крещения литовцев. Знать была приглашена для крещения в Вильно вместе с семьями, и каждый удостоился отдельного водного обряда. Простому же люду король, как

крестный отец, раздавал рубашки и шерстяную одежду, поэтому были желающие креститься по нескольку раз. Похожая история произошла и с крещением кельтских и германских племен. Из-за большого числа желающих принять христианство пришлось крестить их целыми группами в речных водах. Наряду с введением новой веры Ягайло уничтожал проявления язычества: священные рощи, культ ужа, поклонение священному огню. В Вильно был возведен Кафедральный собор, торжественно освященный в честь Краковского епископа св. Станислава («чтобы оба равноправных народа имели одного покровителя и заступника»), главный алтарь собора находился на месте бывшего языческого вечного огня.

17 февраля 1387 г. Ягайло издал специальный указ об учреждении Виленской епархии. Этот документ (так называемый *привилей*) является важнейшим актом христианизации Литвы. 22 февраля того же года Ягайло издал грамоту, в которой поклялся привлечь всех литовцев на свою сторону или даже силой заставить их принять католическую веру. Превратив Литву в христианскую державу, Ягайло тем самым устранил основную причину политической изоляции, что не замедлило принести плоды: в 1403 г. папа римский запретил Тевтонскому ордену воевать с Литвой. Принятие христианства стало важным идеологическим фундаментом дипломатической борьбы Ягайло и Витовта накануне военного конфликта с Тевтонским орденом.

Наиболее ярко после крещения проявились внешние изменения. Крещение принесло в Литву неизвестный до сих пор социальный институт – церковь. Это не только здания и сооружения новой архитектуры, картины, другие предметы церковного искусства и хранилища церковных книг, но и очаги письменности и просвещения. Церкви стали проводниками новых идей в Литве, ввели новое представление о смерти и христианский похоронный обряд. К концу XIV в. в Литве значительно снизилось число погребений по характерному для язычества обряду сожжения. Церковь распространяла идеи единого Бога, первородного греха и искупления Христа, что, без сомнения, оказывало свое влияние на сознание человека. Для вчерашнего язычника новыми оказались не только принципы сочувствия и благотворительности, но и понятие греха, особенно постулат о том, что согрешить можно не только делами, но и мыслями. Трансформированная христианская идея любви к ближнему находит отражение в отношениях сеньора и вассала, особенно это касается ответственности сеньора за спасение души своего подопечного, а это означает, что сеньор получает право определять за своего вассала его вероисповедание. Таким образом, феодальные отношения приобрели идейный фундамент, а верховному сеньору – пра-

Литва (последняя пешая аллегорическая фигура) на фреске «Шествие наций к кресту». Церковь Св. Петра Молодого в Страсбурге, нач. XV в.

вителю – было предоставлено право преемственности и наследования власти. С понятием *tripartitio christiana* (трехчленное деление общества на тех, кто молится, кто сражается, и кто трудится) можно напрямую связать и идею средневековых сословий. Напомним, что после крещения Литвы Ягайло даровал привилегии не только Виленскому епископу, но и дворянам (шляхте), закрепив за ними их собственность, а также виленским горожанам, предоставив им самоуправление. Крещение Литвы положило начало формированию сословного общества.

ИМПЕРИЯ ВИТОВТА

Правление Витовта, внука Гедимина, пришедшееся на 1392–1430 гг., стало периодом эпохальных перемен. В 1392 г. Великое княжество Литовское было страной без письменности и школ, без крупных городов и цеховой организации ремесел, без тяжелой кавалерии – ударной силы на поле боя. Правитель Литвы Ягайло стал королем Польши, его титул был признан в международном масштабе, но за это ВКЛ поплатилось утратой статуса суверенного государства. Кулак крестоносцев все еще был угрожающе занесен над Неманом. Но уже к 1430 г. все изменилось – мощь ВКЛ возросла как никогда прежде – силу Витовта ощущал весь регион, находившийся под имперским правлени-

ем. В 1429 г. на съезде в Луцке Литва была провозглашена суверенным государством, и лишь случайность помешала ей стать королевством. Опасность со стороны крестоносцев была устранена, в стране стремительно развивались ремесла и торговля, сложился слой богатых землевладельцев, которые уже были в состоянии вооружиться должным образом. Кроме того, функционировала целая сеть канцелярий, появились первые школы, начали составляться летописи. Конечно, этот исторический процесс был запущен не только стараниями одного Витовта, но и усилиями всего литовского общества и особенно – его элиты, однако именно Витовт лучше всех сумел воспользоваться предоставленными историей возможностями и открыл Литву для европейской культуры.

Перемены времен правления Витовта

Значение вводимых Витовтом новшеств понимали уже его современники – именно их восхищение и преклонение перед ним вылилось в его прозвище «Великий». Прежде всего, Витовт перестал платить дань монголам, отменил старинную систему удельных княжеств и назначил в эти княжества своих наместников, сосредоточив, таким образом, реальную власть над ВКЛ в своих руках. В 1393 г. Луцк перешел непосредственно в ведение Витовта, в 1394 г. он покорил Киевское княжество (передав наместничество в Киеве князю Скиргайле), а в 1395 г. назначил своего наместника в Подолье. Самостоятельность сохранили только малые княжества. Однако самой важной чертой политики Витовта были социальные перемены, так как именно при нем начал складываться слой рыцарей-землевладельцев. Массовая раздача земель и крестьян дворянам означала не только укоренение самих Гедиминовичей и пришельцев из Литвы на захваченных землях, но и, что самое важное, создание лояльного по отношению к новой власти слоя местной знати и сохранение лояльности со стороны местных князей.

После крещения Литвы в 1387 г., когда политическая элита перешла из язычества в католичество, чаши весов между католическим ядром государства и православной периферией в области культуры сравнялись (православным запрещалось занимать высокие государственные посты и возводить свои церкви в центре страны). Баланс между политическим влиянием литовских католиков и культурным преимуществом православных лишился своих рычагов – политическая элита начала приобретать и статус культурной элиты, поскольку православные утратили цивилизационное преимущество. Однако это породило новую проблему – проблему конфессионального дуализма, чего не могло быть в

Большая государственная печать Витовта.
Реконструкция худ. В. К. Келисинского, 1841 г.

языческие времена. Этническое «католическое» ядро государства продолжало составлять не более 10 % от всей территории и не более 20 % от общего числа населения. Понятно, что плотность населения в политическом центре была выше, и отсюда в войско ВКЛ поступала чуть ли не половина (по другим подсчетам – более половины) состава кавалерии, однако с таким огромным удельным весом подданных иного вероисповедания не сталкивалось ни одно другое европейское государство. Поэтому перемены эпохи Витовта в культуре также были ощутимыми – интенсивно создавая сеть католических институций власти, правитель не забывал и о православии. В 1415 г. он созвал в Новогрудке собор православных епископов, на котором была основана православная митрополия ВКЛ. Митрополитом Витовт поставил одного из известнейших православных богословов того времени – Григория Цамблака. Кроме того, он обеспечил митрополиту Киевскому и всея Руси условия для того, чтобы тот прочно обосновался в Вильне, где для него был построен кафедральный собор и резиденция, а русинские кварталы Вильны были переданы под юрисдикцию митрополита (это положение сохранялось вплоть до конца XVIII в.). Кроме того, Витовт направил православную делегацию под руководством Г. Цамблака на Вселенский собор католической церкви в Констанце, где была выдвинута идея всемирной

церковной унии (эта идея была осуществлена в 1439 г. во Флоренции). Именно во времена правления Витовта ВКЛ начало приближаться к империи, его реформы были радикальными даже по меркам того времени. Принцип «нерушимости старины» является не более чем историографическим мифом – экспансия Литвы судьбоносным образом расколола пространство Киевской Руси на две части: Киевскую и Московскую, на многие века направив историю этих двух княжеств по разным путям.

Проводимая Витовтом политика централизации привела к сосредоточению больших ресурсов на широких просторах Восточной Европы. Наиболее успешно в жизнь ВКЛ интегрировалась Волынь, которую великий князь Витовт начал считать частью своей вотчины. Впоследствии Волынь вообще стала территорией побочных ветвей рода Гедиминовичей – здесь создали свои вотчины Сангушки (Ковель, позднее Славута), Чарторыйские (Клевань), Вишневецкие (Вишневец) и другие, так же поступали и вельможи Радзивиллы (Олыка) и Ходкевичи (Млинов), которые приобрели здесь обширные владения, кроме того, Острогом владели местные князья Острожские из рода Рюриковичей, сыгравшие существенную роль в истории Литовского государства.

Множество древних империй рухнуло, оставив по себе память как о тюрьме для народов, а те империи, которые смогли устоять, превратились в плавильный котел наций. Подобные процессы происходили и в ВКЛ, и особенно важным фактором здесь стал польский язык. Тем не менее, это привело не к всеобщей полонизации, а к формированию нескольких современных наций – литовской, белорусской и украинской. Поэтому ВКЛ вошло в историю не как тюрьма или плавильный котел, а как колыбель для народов, и в этом заключается важнейшая особенность империи ВКЛ.

Грюнвальдская битва

Хотя папа римский запретил Тевтонскому ордену воевать с христианской Литвой, но Жемайтия все еще принадлежала Ордену, который оставался мощной силой и представлял собой опасность как для существования Литовского государства, так и для Польши, поскольку владел Померанией – единственным выходом Польши к морю. Однако положение в Польше было не таким сложным, как ситуация в Литве, поэтому Витовт через своих сподвижников в Польше распространял мнение о необходимости войны с Тевтонским орденом. Эта идея не слишком воодушевляла короля Ягайло, поскольку в случае поражения он мог потерять польский престол, однако усилия Витовта дали свои плоды.

Грюнвальдская битва. В центре – Витовт Великий. Худ. Я. Матейко, 1878 г.

В начале июля 1410 г. у Вислы войско ВКЛ соединилось с войском польским, но вывод всего воинства из Литвы оставлял ее замки без защиты, и внезапное нападение Ордена у Немана могло закончиться катастрофой. Однако Витовт перехитрил тевтонских военачальников, отдав жемайтам приказ беспрестанно нападать на замки Тевтонского ордена, прикрывая таким образом направление удара союзного польско-литовского войска. Вообще, можно сказать, что план Витовта был дерзким и неожиданным – обычно в войнах с Польшей или Литвой Орден был нападающей стороной, а сейчас литовцы вторглись на территорию Тевтонского ордена и маршировали прямо к столице, поставив перед собой стратегическую задачу: сойтись со всеми силами Ордена.

15 июля 1410 г. союзные войска Польши (50 хоругвей) и Литвы (40 хоругвей) и войско Тевтонского ордена (51 хоругвь) стали друг против друга на поле у деревни Грюнвальд (иначе Грюнфельд; лит. Жальгирис). Общая численность войска Тевтонского ордена в Грюнвальдской битве составляла около 15 тыс. человек. Точные силы союзных войск не известны, но их должно было быть гораздо больше – около 20–25 тыс., включая полки из русинских земель ВКЛ.

Утром этого дня намерения Ягайло и Витовта различались. Витовт жаждал решающего сражения, а Ягайло ждал предложения о переговорах – он тянул время, отстаивая мессы и рукополагая воинов в рыцари. Размерами превосходящей союзнической армии, направлением похода и грозной демонстрацией силы Ягайло надеялся вынудить Орден к переговорам и продиктовать ему свои условия. Именно этого Витовт и боялся, поскольку понимал, что ему предоставляется случай не просто продемонстрировать силу, но добиться гораздо большего – разгромить Тевтонский орден. Для Литвы это было жизненно важным вопросом, а сделать это без помощи Польши он не мог. Итак, Витовт ждал от

Ягайло сигнала к началу битвы, а Ягайло не спешил отдавать приказ. Поведение Ягайло, отстаивавшего мессы, раздражало Витовта, роптать начали даже польские рыцари. Витовт решил рискнуть и первым бросил в бой литовское войско.

Военачальники Тевтонского ордена не замедлили воспользоваться временным одиночеством литовцев. Войско Ордена стояло тремя боевыми линиями, две из которых (одна напротив поляков, вторая напротив литовцев) составляли фронт. С началом битвы на литовцев был брошен клин тяжелой кавалерии, состоявшей из «гостей» (союзников) и наемников Ордена, под предводительством великого комтура Куно фон Лихтенштейна. Литовское войско целый час сдерживало этот натиск, неся огромные потери. Когда ситуация стала совсем критической, воины Витовта начали отступление. Обычно в средневековых битвах использовалась стандартная тактика: столкнувшись с мощным контрударом, войско отступало и, воспользовавшись своей маневренностью, нападало на противника с флангов. Но сейчас литовцы не могли использовать этот прием, поскольку поляки все еще не вступили в бой и обнажение их крыла могло быть расценено как предательство. Витовту было необходимо дождаться момента вступления в бой польской армии, которая должна была сковать правое крыло крестоносцев – и этот час нужно было оплачивать человеческими жизнями. Витов был вынужден остановить отступавшие хоругви.

К счастью, на левом фланге войска союзников сражение, наконец, развернулось по всему фронту. В последний момент литовцы получили возможность для маневра, и часть литовской армии сымитировала бегство с поля боя. Крестоносцы бросились в беспорядочную погоню, раздробив свои ряды. Неожиданно литовцы прекратили отступление и снова ринулись в бой. Крестоносцы были вынуждены бежать, но обратный путь им уже преградили поляки. Так было полностью уничтожено левое крыло войск Тевтонского ордена. Тем временем в бой вступила тяжелая польская кавалерия. Воспользовавшись численным перевесом, она начала теснить правое крыло Ордена, и великому магистру Ульриху фон Юнгингену не осталось ничего иного, как бросить в бой свои резервы. Однако резервные войска имелись также и у поляков, и у литовцев – они совместно ударили по обоим флангам немецкого войска и, таким образом, определили исход битвы. Армия крестоносцев была окружена и уничтожена, в бою погибли сам великий магистр Ульрих фон Юнгинген и бóльшая часть командования, были убиты более 200 орденских и множество других рыцарей, что означало многотысячные потери, поскольку вместе с рыцарем обычно погибала и вся его свита.

Победа в Грюнвальдской битве изменила геополитическое положение Литвы и Польши. И хотя для окончательного признания Жемайтии за Литвой понадобились еще две войны, но именно Грюнвальдская битва нанесла решающий удар по гегемонии Тевтонского ордена, который теперь уже не представлял опасности ни для Польши, ни для Литвы. Грюнвальдская битва вошла в историю как одно из величайших сражений Средневековья. Литовцы и поляки разделили военную добычу – пленных, бороды убитых комтуров, знамена, а также территорию Тевтонского ордена. Литва, вне сомнения, является таким же равноценным победителем Грюнвальдской битвы, как и Польша.

Никто не предполагал подобного разгрома – ни крестоносцы, ни сами союзники. Большие потери понесло и объединенное литовско-польское войско: в Литву вернулся лишь каждый второй воин. Витовт, который утром 15 июля 1410 г. не обладал славой полководца, к вечеру стал победителем эпохального масштаба и иногда ставится в один ряд с величайшими полководцами Европы – французским маршалом Анри де ла Тур д'Овернь де Туренем, австрийским военачальником Евгением Савойским, прусским королем Фридрихом II, русским маршалом Александром Суворовым. Еще при жизни Витовта его сравнение с великими полководцами Александром Македонским и Юлием Цезарем стало одним из двух важнейших атрибутов образа этого литовского князя. Вторым элементом стала традиция почитания его как святого правителя.

Таким образом, Грюнвальдская битва и Витовт являются одной из важнейших составляющих традиции ВКЛ и его идейного наследия. Выстояв в двухсотлетнем противостоянии с Западом, ВКЛ смогло преодолеть трагичную экзистенциальную коллизию, хотя Европа отводила ВКЛ всего лишь роль барьера или границы между Востоком и Западом. Однако Витовт прекрасно знал, к чему стремится, – он боролся не с Западом, а за место на Западе, и тем самым проложил Литве путь в Европу.

Святой правитель

Витовт верил, что в одной из проигранных им битв он был чудом спасен самой Пресвятой Девой Марией, и сразу после той битвы заложил в Ковне (также Ковно, совр. Каунас) церковь во славу Богородицы. Вообще, большинство основанных Витовтом церквей освящались во имя Пресвятой Девы Марии. Можно сказать, что традиция почитания Девы Марии в Литве берет свое начало во времена Витовта, хотя в акции по крещению Литвы его церковную политику затмил своими действиями Ягайло. Основной целью Витовта было становление

Литвы равноправной частью католической Европы, чему мешал осуществиться Тевтонский орден. Однако после Грюнвальдской битвы Витовт начал активно строить церкви и монастыри, обратил Жемайтию в христианство (1413), учредил Жемайтийскую епархию (1417), а на Западе проводил широкую информационную кампанию о своей деятельности с целью представления Литвы как католической страны.

Кроме того, он попытался добиться для Литовской католической церкви статуса самостоятельной провинции, учредить Литовскую православную митрополию или епархию и объединить ее с Католической церковью. Однако папы римские весьма неохотно давали разрешения на учреждение архиепископств и церковных провинций, а объединить Восточную и Западную церкви не смогла даже Флорентийская церковная уния, подписанная в 1439 г., вскоре после смерти Витовта. Однако церковная политика Витовта заложила основы для дальнейшей христианизации Литвы.

Основным яблоком раздора с Тевтонским орденом была Жемайтия. Суть этого конфликта разъясняет одна интересная деталь: во время переговоров на острове Салине (неподалеку от Ковны) 28 января 1413 г. у князя Витовта состоялся любопытный разговор с главой посольства Тевтонского ордена маршалом Михаэлем Кюхмейстером фон Штернбергом: когда маршал заявил, что Литва не соблюдает условия Первого Торуньского мира, согласно которым она обязалась разрушить Велюонский замок и вернуть эту землю Ордену, Витовт отрезал: «Вы хотите вырвать из наших рук наследие предков и отнять Велюонский замок, но прежде чем я отдам его вам, многие сложат свои головы». Кюхмейстер возразил, что Орден может подтвердить свои требования «верными грамотами и доказательствами», на что Витовт вспылил: «Прусские земли – тоже мое наследство, и я буду требовать их вплоть до самой реки Осы, потому что все это – наследие моих предков». Вдобавок он язвительно поинтересовался у маршала: «А где же находится наследие предков вашего Ордена?»

Отвергая притязания Тевтонского ордена на Жемайтию, Витовт прибег к историческим и этническим аргументам – по его мнению, прежние документы о передаче Жемайтии утратили юридическую силу после перехода Литвы в христианство. Своей вотчиной он называл почти все прусские земли до правого притока Вислы – реки Осы, южнее которой уже была только Хелминская земля, подаренная немцам Мазовецким князем. Здесь Витовт повторяет установку предыдущих литовских правителей на расширение государства по всему балтскому пространству. Однако позднее он умерил свои претензии и тре-

бовал передачи Литве всей Жемайтии до Немана, то есть с Мемелем (Клайпедой), а также Занеманья.

Таким образом, Жемайтия оставалась основной причиной конфликта Витовта с Тевтонским орденом даже после Грюнвальдской битвы, принесшей Литве и Польше военную, но не идеологическую победу – на Западе распространялись пасквили о «фальшивой» победе Ягайло и Витовта, которые якобы одержали верх только за счет язычников и татар-мусульман. Поэтому в 1413 г. Витовт и Ягайло начинают крестить жемайтов. В 1418 г. Витовт направляет в Констанцу уже упомянутую нами выше православную делегацию во главе с Г. Цамблаком. Перед делегацией стояла задача обосновать желание Литовской православной митрополии жить в унии с Католической церковью. Экуменическая служба, проведенная Г. Цамблаком в Констанцском кафедральном соборе, произвела на современников такое сильное впечатление, что они подробно описали ее в своих хрониках, а Литва в числе других европейских стран, шествующих к кресту, попала на страсбургскую фреску, изображающую христианское сообщество государств.

Таким образом, вся политика Витовта была ориентирована на церковную стратегию и преобразование Литвы, которое историки зачастую слишком формально завершают так называемым крещением Жемайтии. Создается впечатление, что вся политика Витовта была направлена на создание образа «святого правителя» в подражание венгерскому монарху Иштвану, который за несколько сотен лет до Витовта получил более высокий статус, чем просто «Великий», став «Иштваном Святым». Поскольку на долю Витовта выпала действительно серьезная задача по преобразованию страны – не только обратить в христианство языческие земли Литвы, но и найти формулу сосуществования с православной, или византийской, традицией, то проект по его коронации следует рассматривать в контексте христианизации и европеизации Литвы.

Витовт начал стремиться к коронации сразу после решения первостепенного по важности вопроса своей политики – в 1422 г. Тевтонский орден окончательно отказался от притязаний на Жемайтию и больше не представлял опасности для Литвы. Теперь наступило время для решения проблемы отношений между Литвой и Польшей. В конце двадцатых годов XV в. Витовт стал вести себя как самостоятельный правитель. В 1427 г. он отправился в поход на помощь своему внуку, московскому князю Василию II – тогда демонстрации силы оказалось достаточно. Возвращение из похода Витовт использовал для проверки восточных окраин своего государства, попутно присоединив к Литве Псков (1426) и Великий Новгород (1428). Казалось, что для достиже-

ния второй цели своей политики – Королевства Литовского – ему не хватает лишь короны. Поскольку в регионе царила гегемония Польши, а не Литвы, и после Мельнского мира основной политической проблемой стали литовско-польские отношения, то реализация задуманного Витовтом проекта коронации имела не только местное, но и международное значение, так как решение важных региональных вопросов было невозможным без участия Литвы.

Специально для встречи правителей Литвы и Польши – Витовта и Ягайло – с королем Венгрии и императором Священной Римской империи Сигизмундом I Люксембургским для совместного обсуждения политических проблем Центральной и Восточной Европы и предназначался съезд в Луцке, проходивший с 9 по 29 января 1429 г. На съезд также прибыли посланники великого князя московского и князя тверского, князья Рязанского, Одоевского, Новгородского, Псковского княжеств, папский легат, послы Тевтонского ордена, Золотой Орды, Молдавского княжества, датского короля и византийского императора. Съезд в Луцке продемонстрировал значение ВКЛ и Витовта для региона, а в литовскую историю вошел прежде всего благодаря плану коронации Витовта. Этот план поддержал Сигизмунд I Люксембургский, а также Тевтонский орден, стремившиеся создать в регионе противовес Польше. Решение Витовта принять предложенную императором корону и заявление, что он делает это «без чьего-либо спросу», означало его превращение в суверенного правителя.

Съезд в Луцке логичным образом завершил сложный политический путь Витовта, намеченный им в конце XIV в. и приведший к конечной цели: в европейской политической системе вот-вот должна была появиться и литовская монархия. Однако хотя нюрнбергские ювелиры уже изготовили короны для Витовта и его жены Иулиании, церемония не состоялась – польская знать вынудила Ягайло отозвать данное им согласие на коронацию. В 1430 г. Витовту все же удалось добиться от Ягайло согласия, после чего оставалось лишь заручиться поддержкой польских вельмож. К сожалению, Витовт скончался 27 октября 1430 г., так и не успев стать королем Литвы. И хотя полностью план не был осуществлен, политика Витовта все же достигла важнейшей цели: отсталое и изолированное Литовское государство сумело устранить величайшие опасности, узаконить свое существование, войти в Европу, приобщиться к ней и удержаться в Европе.

При Витовте Литва ближе всего подошла к той форме государственного устройства, которую сейчас иногда называют империей. Впоследствии она все больше и больше ослабевала, поэтому во времена

Луцкий съезд. Худ. Й. Мацкявичюс, 1934 г.

невзгод и бедствий, во времена необходимости в национальном сплочении фигура Витовта стала легендой, придававшей сил, пробуждавшей чувство национальной гордости и патриотизма. Культ князя Витовта зародился еще при его жизни. Эней Сильвий Пикколомини в своей «Книге о мужах, прославленных своею жизнью» посвятил Витовту такие слова: «Как велик Ты и как велика Твоя родина!» Расцвет культа Витовта приходится на XVI в., когда литовское общество начало искать идеологическую опору против польского плана (плана Ягеллонов) по созданию союза двух государств во главе с Польшей.

ВЕЛИКОЕ КНЯЖЕСТВО ЛИТОВСКОЕ НА ПУТИ К ЗАПАДУ

При Витовте были созданы предпосылки для «цивилизационного скачка» Литвы, т. е. для сближения литовского общества с Центральной Европой. Литва должна была быстро перенять у Западной Европы достижения Средневековья: трехпольное земледелие, феодальную систему, принципы сословного общества и монархии, цеховую организацию ремесленников, церковную систему и школы, письменность и ее «индустрию».

Такой прыжок не приходилось делать ни одному европейскому государству, а Литве удалось совершить его за какие-то сто лет. Важную роль в этом процессе сыграло направление литовской молодежи в

Краков, а позднее в Германию и Италию для обучения в университетах. Это обучение, как и усвоение европейской культуры в целом, дало конкретные результаты в конце XV – первой половине XVI в. В 1499 г. за пределами государства была выпущена первая подготовленная в Литве книга, около 1500 г. в Вильне был построен шедевр готической архитектуры – костел Св. Анны, в 1522 г. книгопечатание появилось уже в самой Литве (Франциск Скорина), в 1529 г. был разработан свод законов – Литовский статут, который по своей систематизации и ренессансному «оформлению» превзошел достигнутый в то время в Европе уровень кодификации и оказал влияние на развитие юриспруденции в соседних странах – Ливонии, Москве и Польше. В 1547 г. была напечатана первая литовская книга. В конце эпохи Литва уже оперативно реагировала на вызовы Реформации (начало протестантского движения – 1539 г.), а это доказывает, что к тому времени Литва уже стала страной европейской структуры.

Для Литвы характер этой эпохи был обусловлен ее сближением с Польшей. За небольшими исключениями Литвой управляли те же люди, что и Польшей (личная уния), хотя формально государства были отдельными. Престол Польши и Литвы занимала династия Ягеллонов литовского происхождения (до 1572 г.), которая в конце XV – начале XVI в. заняла также престолы Чехии и Венгрии. Таким образом, в этот период восточная часть Центральной Европы стала «ягеллонской Европой», а династия Ягеллонов – основным конкурентом династии Габсбургов. Ягеллонская Европа начала играть роль «форпоста христианства», правда, не всегда успешно. С помощью Польши Литве удалось одержать победу над православной Москвой в сражении под Оршей в 1514 г., но, например, Венгрия потерпела сокрушительное поражение в битве с турками при Мохаче в 1526 г., после чего была стерта с карты Европы. А после того как Чехия «отпала» от династической системы Ягеллонов, в ней, как и прежде, остались только Польша и Литва.

Невзирая на культурные потери (Литва не успела сформировать модель литовской письменности), в XVI в. общество ВКЛ выходит на европейский уровень и вливается в западную цивилизацию.

Христианизация и св. Казимир. Готика

Крещение Литвы (1387) и Жемайтии (1413–1417) стало только первым небольшим шагом на пути к христианскому обществу, поскольку тогда были уничтожены лишь самые главные языческие святыни, между тем как локальные места отправления культа продолжали

существовать. И хотя языческие капища в то время представляют собой альтернативу католическим церквям, но и они уже становятся результатом совместного развития с христианством. Церковь стремилась интегрировать языческие верования, однако католические святые довольно медленно вытесняли языческих богов, которые еще долго продолжали жить в сознании людей наряду с новыми представлениями. Тем не менее, в начале XVI в. христианство уже охватило все дворянское сословие, а в крестьянскую среду проникло лишь в XVII в.

Символом христианизации Литвы стало формирование традиции почитания св. Казимира (1458–1484), сына великого князя литовского Казимира IV. Уже в начале XVI в. королевича Казимира почитали как святого в окрестностях Вильны, а культ св. Казимира начал вытеснять культ покровителя Польши св. Станислава. После своей смерти королевич Казимир прославился как чудотворец и был канонизирован: народ верил, что именно он спас Литву в войнах с Москвой: способствуя тому, чтобы литовское войско одолело врага под Полоцком в 1518 г., выиграло сражение на Западной Двине в 1519 г. Культ св. Казимира показывал, что в Литве сформировалось устойчивое, ориентированное на Западную Европу религиозное самосознание. После канонизации в 1604 г. св. Казимир стал важнейшим покровителем Литвы и Вильнюса и основным ее святым, а традиция проведения народной «ярмарки Казюкаса» в день памяти этого святого сохранилась со времен ВКЛ до наших дней.

Европеизация Литвы была бы невозможной без создания церковной организации. Сразу после крещения в ВКЛ наряду с уже действующими православными епархиями были сформированы четыре католических епархии (Виленская, Жемайтская, (Жемайтийская), Луцкая и Киевская), основывались монастыри. К середине XVI в. в Литве обосновались семь монашеских орденов (наиболее известные из них – францисканцы и бернардинцы), располагавшие 18 монастырями – четыре находились в Вильне, по два – в Ковне и Гродно. В Литве началось строительство пышно украшенных монастырских храмов с роскошными алтарями и множеством картин, скульптур и фресок, а с конца XV в. в костелах начали появляться орга́ны. Везде, даже в самых отдаленных уголках литовских епархий учреждались приходы и возводились храмы. В середине XVI в. сеть католических приходов уже охватила почти всю Литву.

Готика – это европейский архитектурный и художественный стиль, появившийся в XII в. Расцвет этого направления в искусстве приходится на середину XIII в. Вертикальные линии готических церквей и уходящие в небеса башни символизировали стремление человека к Богу. В конце XIV в., когда готика только начала свое проникновение в Литву,

в Европе она уже насчитывала около полутора веков существования, перешла в зрелую стадию и затронула все области творческой деятельности человека. В различных регионах Европы сложились самобытные региональные особенности готического искусства, которые наиболее ярко проявились в архитектуре сакральных сооружений. В Западной и Северной Европе здания возводились из камня, а в бедных строительным камнем областях основным строительным материалом стал кирпич. Таким образом, в Европе выделились два региона, различавшиеся по типу готической архитектуры – каменной и (красной) кирпичной. Литва переняла у Европы кирпичную готику.

Распространение готической архитектуры в первую очередь было обусловлено принятием страной христианства и начатой после крещения программой Витовта по строительству каменных храмов (вильнюсские Кафедральный собор, костел Святых Иоаннов, францисканский костел Вознесения Пресвятой Девы Марии, каунасские костел Святых апостолов Петра и Павла, костел Св. Георгия, костел Св. Гертруды, костел Св. Николая). Одним из наиболее хорошо сохранившихся культовых зданий является костел Витаутаса Великого в Каунасе. Особенностью литовской готической архитектуры является ее оборонительный характер: даже сакральные здания были оснащены сторожевыми башнями или амбразурами – во времена Витовта чаще всего строили именно оборонительные сооружения. Витовт перестроил или построил каменные замки в Вильнюсе, Тракай, Каунасе, Гродно, Новогрудке и Луцке. Парадный зал Тракайского островного замка с крестовыми готическими сводами свидетельствует о том, что готика проникла и в оборонительную архитектуру.

Подлинная готическая революция произошла, по-видимому, в конце XV – первой трети XVI в., когда были сооружены самые значительные памятники в Каунасе и особенно в Вильнюсе. Готика начала проникать в строительство жилых зданий, достигла отдаленных районов (Кедайняй, Запишкис), воцарилась даже в архитектуре православных храмов. Литовская готическая архитектура переняла основные черты этого стиля – высокие пространства (центральный неф Бернардинского костела в Вильнюсе) и грациозность (вильнюсский костел Св. Анны). Правда, эти храмы возводились искусными приезжими мастерами. Таким образом, в архитектуре проявлялись общие тенденции эпохи европеизации – основные вещи «импортировались». Местные мастера также включились в творческий процесс, однако их здания пока еще не могли сравниться, например, с костелом Св. Анны, построенным в то же время. В середине XVI в. в Литву начнет проникать новый архитектурный стиль – ренессанс, в котором был выполнен Нижний вильнюс-

Самый восточный в Европе шедевр готической архитектуры – вильнюсский костел Св. Анны. Фото А. Бальтенаса

ский замок, но среди местных мастеров готическая традиция просуществует вплоть до начала XVII в.

Уже во времена Витовта в Литве сформировался определенный эпицентр готического стиля – это современные Вильнюс, Тракай и Каунас, готические замки строились также и вдали от этнической Литвы, на русинских землях ВКЛ: в Черной Руси (Гродно, Новогрудок), в Подляшье (Мельник, возможно Брест) и даже на Волыни (Луцк). На пограничье двух вероисповеданий, да и на православных землях тоже начали появляться готические католические костелы. В этом регионе готика стала стилем даже православных или будущих грекокатолических (униатских) церквей.

Известный деятель того времени Константин Острожский перестроил в готическом стиле несколько церквей в Вильнюсе и Новогрудке и донес готику до своей вотчины – Волыни. Стиль готических церквей ВКЛ отражается и в архитектуре резиденций (Мирский замок под Несвижем), а вместе с тем, можно сказать, является феноменальным и во всей европейской культуре в целом, поскольку так далеко на восток готика проникла только в исторической Литве, образовав рубеж европейского значения. Москва в XV–XVI вв. следовала византийской традиции, а Запад если и оказывал на нее какое-то влияние, то лишь

фрагментарное, и оно не включало в себя готику (итальянские архитекторы и стиль ренессанса в Кремле конца XV в.).

Письменность

В процессе формирования сословного общества ВКЛ и развития сложного аппарата государственной власти на стыке XIV–XV вв. Литве срочно потребовалась письменность. В Западной Европе потребности этого этапа общественного развития удовлетворялись при помощи монастырей, однако в Литве их не хватало, в то время как нужда в письменности стремительно росла. Канцелярии стали производителями и собирателями культурной продукции, а также школами для будущих писарей. Их деятельность внесла огромный вклад в проникновение грамотности в быт дворян и мещан ВКЛ. Культура Литвы XV – начала XVI в. иногда характеризуется как канцелярская культура.

В конце XIV в. в ВКЛ появилась и постоянная институция, сплотившая самых образованных людей того времени – великокняжеская канцелярия. До тех пор письменные документы использовались лишь для ведения дел с другими государствами. Дипломатические грамоты писались монахами на латыни, во внутренней жизни указы великих князей обнародовались в устном виде. Однако в XV–XVI вв. внутренняя жизнь ВКЛ становилась все более интенсивной, административный аппарат страны начал расти, что повлекло за собой расширение великокняжеской канцелярии и ее персонала. Писари сопровождали великого князя в поездках, а по возвращении включали составленные в пути документы в канцелярские книги. Эти книги вошли в историю под названием Литовской метрики. В канцелярии были созданы и другие памятники письменности ВКЛ – статуты и летописи, да и первые литовские литераторы, например Михалон Литвин (Миколас Летувис), были писцами.

По мере расширения функций центральной власти в первой половине XV в. была учреждена должность канцлера (начальника канцелярии) ВКЛ, который отвечал за ведение Литовской метрики. Этот сановник являлся хранителем государственных печатей, следил за соответствием составляемых в канцелярии актов государственным законам. Самостоятельная канцелярия ВКЛ, подвластная канцлеру Литвы, действовала вплоть до Люблинской унии 1569 г.

Литовская метрика представляет собой архив великокняжеской канцелярии за период с конца XIV в. до 1794 г., включающий в себя все исходящие и входящие документы ВКЛ. В великокняжеской канцелярии хранились и в Литовскую метрику попали и документы общегосударствен-

ного характера, и жалованные грамоты (привилеи), выданные различным областям и городам ВКЛ, и грамоты, подтверждающие дворянское достоинство, и акты о сделках с земельной собственностью, описи, завещания, судебные решения, внутренняя и международная корреспонденция на русинском, латинском, немецком (для Пруссии и Ливонии), арабском и чешском языках. Таким образом, документы Литовской метрики представляют собой важнейшие источники исторических сведений о политической, культурной и общественной жизни, хозяйственной и судебной системе ВКЛ. В настоящее время Литовская метрика хранится в Москве, став символом распыления или расхищения исторического наследия Литвы, отражением судьбы древнего Литовского государства.

Основным языком Литовской метрики, да и в целом письменным языком ВКЛ был русинский язык, т. е. язык православного населения ВКЛ, предков современных белорусов и украинцев. Это было обусловлено стремительным ростом потребности в письменности во времена Витовта. Литовский язык к тому времени еще не создал традиций письменности, тогда как у православных подданных уже была древняя традиция церковной письменности, уходящая своими корнями в эпоху Киевской Руси. В православных монастырях ВКЛ записи велись на церковнославянском (восходящем к болгарскому) языке, а в великокняжеской канцелярии начала формироваться письменная традиция, которая отличалась от вышеназванного церковного языка. Современники их четко различали. Русинский / белорусский книгопечатник Василий Тяпинский во второй половине XVI в. даже печатал тексты в два столбца – на церковнославянском и русинском языках. Иногда этот вариант русского языка называют западнорусским письменным языком, порой – староукраинским или старобелорусским языком, а в Литве он больше известен как славянский язык великокняжеской канцелярии (хотя он вышел за пределы и канцелярии, и самого ВКЛ, проник в Польшу и Венгрию и, что немаловажно, отличался от другого славянского языка ВКЛ – польского). В начале XV в. в нем было много украинских заимствований, позднее в него стали проникать белорусские слова. Русское население Московского государства четко отличало этот язык от своего и называло его «литовским», поскольку в Москве вплоть до XVII–XVIII вв. письменный язык был один – церковнославянский. Сегодня этот язык Литовской метрики иногда даже называют «старолитовским». Это историческая точка зрения. По мнению филологов, письменный язык великокняжеской канцелярии следует называть русинским языком, а восточных славян, проживавших на территории ВКЛ и Польского государства, – русинами. Следует учесть, что половина Киевской Руси

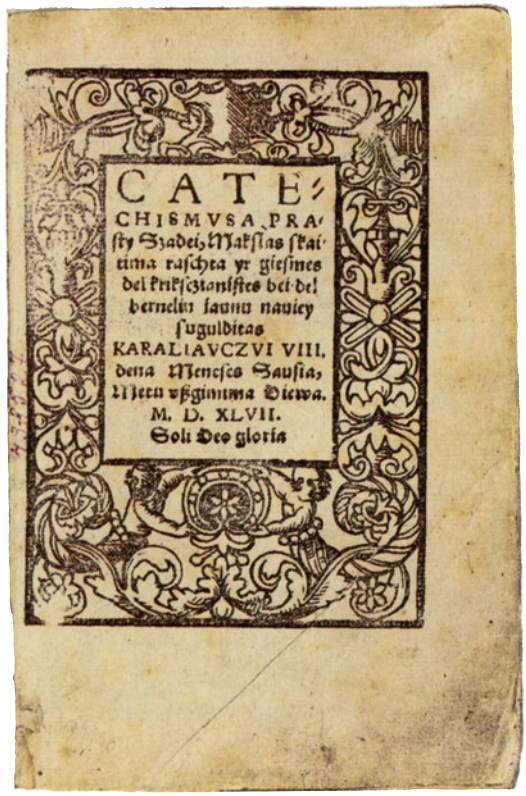
вошла в состав Литвы и Польши, и с XIV в. самосознание древнерусских дворян и князей развивалось под влиянием проходивших в этих государствах процессов. В XVI в. русины ощутили себя совершенно особой нацией, отличной от русских Московской Руси. Восточные славяне ВКЛ называли жителей Руси московитами, а московиты, в свою очередь, называли восточных славян ВКЛ литовцами (литвинами). Местные славяне Великого княжества Литовского сами себя называли русскими (*руськие*), осознавая себя целостной этнической группой, а правителя Литвы считали своим правителем. Таким образом, русины сначала отделились от российских русских, а еще позднее – в XVII в. – разделились на две народности: украинцев (на юге) и белорусов (на севере).

Из русинской культурной среды происходил и литовский первопечатник Франциск Скорина (1490–1541), который родился в Полоцке в купеческой семье, выпускник Падуанского университета, получивший там степень доктора медицины. В 1517–1519 гг. он подготовил и отпечатал в Праге псалтырь и 22 книги Ветхого Завета под общим названием «Библия руска». В 1522 г. Ф. Скорина основал свою типографию в Вильне.

Еще через четверть века, в 1547 году, Литва созрела для первой книги на литовском языке – знаменитого «Катехизиса» Мартинаса Мажвидаса. Эта книга была напечатана в эмиграции, в городе Кёнигсберге (ныне Калининград), но предназначалась для литовцев и для Литвы. Общество ВКЛ в то время еще не созрело для книг на литовском языке.

Еще одну типографию в 1553 г. в литовском Бресте основал Николай Радзивилл Черный. Это событие было напрямую связано с движением Реформации. Через десять лет здесь появился великолепный образец книгопечатного искусства – «Брестская Библия». Позднее Николай Радзивилл Черный открыл еще одну типографию – в Несвиже (1562), а в 1569 г. с Радзивиллами на этом поприще начали конкурировать и Ходкевичи: они открыли свою типографию в Заблудове, где приютили первого московского книгопечатника Ивана Федорова, что и определило православную направленность этой типографии. С началом Контрреформации в издательскую деятельность включились и католики – сын Николая Радзивилла Черного Николай Христофор Радзивилл Сиротка перешел обратно в католичество и в 1575 г. перенес брестскую типографию в Вильну, передав ее создававшемуся иезуитскому университету. Книгопечатание в Литве стало непрерывным процессом.

В ходе усвоения западных культурных идей литовское общество познакомилось с традицией составления хроник, у него появилась потребность в познании собственной истории. Литва также переняла и распространенную в Европе времен Ренессанса традицию выведения


CATE-
CHISMVSA PRA-
sty Szadei, Maksias skai-
tima raschta yr giesines
del krikszcianistes bei del
bernelin iaunu nauiey
suguldites
KARALIAVCZVI VIII.
dena Meneses Sausia,
Metu vßgimima Diewa.
M. D. XLVII.
Soli Deo gloria

Первая литовская книга –
«Катехизис» Мартинаса Мажвидаса. Кёнигсберг, 1547 г.

родословной своего правителя от мифического прародителя-чужеземца. Следует отметить, что условия для этого складывались весьма благоприятные: древняя история была не известна, литовский и латинский языки сходны между собой. Все это позволило создать теорию о происхождении литовцев от древних римлян, зафиксированную даже в литовских летописях («Хроника Быховца»). Легенда гласит о бегстве знатных римлян с родины на литовскую землю, упоминает о наличии в этом крае людей, не знавших латыни, – и это все, что мы узнаем из хроники о простых местных жителях. Для автора этой летописи народ – это исключительно люди благородного происхождения. В легенде не поднимается и проблема языка: в те времена язык не был важнейшим отличительным национальным признаком, поскольку литовская нация тогда существовала не как этническое, а как политическое образование, чьей основной чертой была принадлежность к знати ВКЛ. Литовские

летописи были посвящены происхождению и истории именно этих людей. Теория о происхождении литовцев от древних римлян, переплетенная с употреблением латинского языка, на протяжении всего периода XVII–XVIII вв. была определенным признаком сопротивления процессу спонтанной полонизации, а прилагательное «палемонский» (восходящее к имени мифического родоначальника литовских князей, племянника римского императора Нерона) стало использоваться в произведениях высокого стиля как соответствие слову «литовский»: Вильнюсский университет именовали «Палемонским университетом», Вильнюс – «столицей палемонских городов Литвы».

Другой сюжет исторического самосознания литовского дворянского общества формировался путем превознесения князя Витовта и периода его владычества. Уже первая литовская поэма, истинное творение ренессансной культуры – «Песнь о мощи, дикости зубра и охоте на него» Николая Гусовского (1523) – рассказывала о временах князя Витовта как об идеале, к которому должно стремиться современное общество. Те же идеи мы находим и в рассуждениях Михалона Литвина о государственном устройстве («О нравах татар, литовцев и москвитян», около 1550 г.), где ригоризм и аскетизм обычаев периода правления князя Витовта противопоставляется царящим в современном автору обществе апатии, пьянству и безалаберности. Михалон Литвин предлагает сменить язык – отказаться от русинского языка и перейти на латынь. Однако все решило еще одно обстоятельство – самое большое влияние на литовскую культуру оказывалось польской цивилизацией. Ее воздействие выражалось в различных формах: в организации церковной системы, в обучении в Краковском университете, в усвоении административной системы, в реформе хозяйства. Польша была учителем ВКЛ. Беда Литвы состояла в том, что она часто не успевала или была лишена возможности достичь более «глубинной» Европы, и европеизация заканчивалась полонизацией. Это обстоятельство особенно ярко проявилось во времена Реформации, когда стало возрастать значение живых языков.

Ренессанс и Реформация

Люди с гуманистическими идеями и ценностями встречались уже при дворе великого князя Александра на рубеже XV–XVI вв., однако перелом произошел в 1519 г., после женитьбы Сигизмунда I Старого на дочери миланского герцога Боне Сфорца. Это она привезла в Польшу и Литву итальянских архитекторов, художников и музыкан-

тов, воспитала в духе Ренессанса своего сына Сигизмунда Августа, вместе с ним построила Нижний виленский замок, внедрила множество новых вещей, начиная с «итальянских прогулок» (бальных танцев) и заканчивая… вилкой, которой в то время не знали не только в Литве, но и в Скандинавских странах. Литовская аристократия начала постепенно перенимать «итальянскую моду». Ренессансные книги уже можно было найти не только у Сигизмунда Августа, но и в библиотеках литовских дворян и мещан. На основе прежнего представления о происхождении литовцев от римлян сформировалась идея о том, что латынь является настоящим, то есть родным, литовским языком.

Движение Реформации, начатое Мартином Лютером в 1517 г., считается одним из наиболее значительных проявлений Нового времени. В XVI в. Реформация охватила всю Европу, расколола Католическую церковь и породила новое направление христианства – протестантизм. Литва приняла католичество на 1000 лет позже, чем страны Западной Европы, а Реформация запаздывала лишь на 22 года: в 1539 г. в Вильне начало ей положил лютеранин Абрахам Кульвец (Абраомас Кульветис). Такая последовательность событий не только доказывала, что Литва стала страной европейской структуры, но и демонстрировала масштаб личности самого А. Кульвеца. В Вильне он учредил школу для знатной молодежи на 60 мест, читал проповеди с критикой в адрес Католической церкви и привлек на свою сторону множество народу, в результате чего в 1542 г. был вынужден эмигрировать в протестантскую (с 1525 г.) Пруссию, где его приютил герцог Альбрехт. Используя идеи Реформации о важности родного языка при общении с Богом, А. Кульвец сформулировал такую культурную программу, которая должна была сделать литовский язык основой всей образовательной системы, поднять его на уровень государственных интересов и таким образом воспитать собственную литовскую интеллигенцию. Эту программу А. Кульвец пытался осуществить в эмиграции, где они вместе со Станисловасом Раполёнисом (Станислав Рафайлович) стали первыми профессорами только что основанного Кёнигсбергского университета (1544). Частью их учебной программы следует считать изданный в 1547 г. «Катехизис» Мартинаса Мажвидаса. А. Кульвец прекрасно понимал проблематичность сложившейся культурной ситуации: литовская аристократия, не обладая собственной письменной традицией и пренебрегая русинским письменным языком, выбирала польский язык не только для письменности, но и для общения. Это значит, что литовское общество было еще не готово перейти к письменности на литовском языке и предоставить литовскому языку официальный статус.

Николай Радзивилл Черный, гравюра из каталога
Якоба фон Шренка «Armamentarium Heroicum». Инсбрук, 1603 г.

На втором этапе в Реформацию включились вельможи. Они выбрали для себя другую ветвь протестантизма – кальвинизм, который лучше соответствовал их планам по ослаблению власти великого князя, опиравшейся на авторитет Церкви, и влияния самой Католической церкви. Наиболее яркой и влиятельной фигурой литовской Реформации был канцлер ВКЛ, Виленский воевода Николай Радзивилл Черный (1515–1565), который в 1563 г. издал «Брестскую Библию» на польском языке. Все литовские вельможные роды по традиции были фундаторами (основателями и покровителями) множества церквей, и когда в 50–60-е гг. XVI в. почти все литовские вельможи перешли на сторону Реформации, они секуляризировали и возведенные на их средства храмы – а это составляло около половины всех костелов в стране. Позднее кальвинизм в

Литве начал утрачивать позиции, но, тем не менее, сохранился здесь до наших дней. Биржайские евангелисты-реформаторы являются прямыми наследниками тех кальвинистов, которых после смерти Радзивилла Черного возглавил его кузен Николай Радзивилл Рыжий.

Реформация стала новым толчком к полонизации. Радзивилл Черный в 1563 г. заявил, что Библию надо переводить на польский (а не на какой-либо другой) язык с тем, чтобы она «была понятна народу». И хотя в это время начала также складываться и традиция письменности на литовском языке, политическая элита ВКЛ не стала дожидаться литовской культурной программы и выбрала польскоязычную. Литовский язык сохранился лишь в среде мелкопоместного дворянства (шляхты) и в наибольшей степени – среди крестьянства. Невзирая на потери для литовского национального самосознания, в XVI в. в отношениях собственности закрепляется ленное право, в социальной структуре хозяйствования – рыцарское поместье (феод) и крепостное право, в политико-социальной структуре – дворянское сословие и сословная монархия, в городском хозяйстве – цехи, в образовании – европейская система обучения (епископальные, или кафедральные, школы с программой тривиума, включающей грамматику, риторику и диалектику, коллегии и университет). Христианский менталитет начинает преобладать, по крайней мере в среде элиты (идея *antemurale christianitatis* – оплота христианства – была направлена против православной Москвы), и в Литве складывается дворянская нация, обладающая историческим самосознанием и родословной.

Раздел II

ДИНАСТИЧЕСКИЙ СОЮЗ ЛИТВЫ И ПОЛЬШИ

В XVII–XVIII вв. европеизированная Литва уже стала частью Центральной Европы. Правда, в то время как северные регионы Западной Европы стремительно двигались в сторону современного общества, капитализма и Просвещения, в центральных и южных областях Западной Европы еще сохранялись аграрный строй, феодализм, приверженность католичеству и барокко. Поэтому и историю Литвы в XVII–XVIII вв. мы описываем через понятия эпохи барокко, придавая ей то же значение, каким в Западной Европе обладали эпохи Ренессанса и Просвещения. Символическим началом эпохи литовского барокко можно считать появление ордена иезуитов в Литве в 1569 г. Иезуиты принесли в Литву Контрреформацию (идею обновления и очищения католичества) и при поддержке государства подняли образование в стране на новый уровень, создав сеть особых учебных заведений – коллегий, и поставив во главе этой системы Виленский университет (основан в 1579 г.). Стремление Литвы к интеграции в Центральную Европу привело к появлению солидной и оригинальной школы военной инженерии, давшей миру такое значительное научное достижение, как труд Казимира Семеновича «Artis magnae artilleriae» («Великое искусство артиллерии», 1650 г.), заложивший основы современной артиллерии и даже космонавтики – в нем излагается теория многоступенчатых ракет.

Барочный ландшафт архитектуры и искусства XVII–XVIII вв. также определили иезуиты. И если в XVII в. преобладало «импортное», особенно итальянское, барокко, то в XVIII в. уже была создана оригинальная, так называемая виленская школа барокко. Главный представитель этой школы – архитектор Иоганн Кристоф Глаубиц (Йонас Криступас Глаубицас) – может быть смело включен в историю европейского барокко.

Аграрный характер общества и слабость городов привели к формированию в Польше и Литве своеобразной разновидности сословной монархии – шляхетской республики или даже анархии. Согласно праву *liberum veto* решения дворянского парламента – Сейма – должны были приниматься единогласно, что весьма контрастировало с абсолютистскими порядками Западной Европы и мешало укреплению и

централизации государства. С другой стороны, такой анахроничный (с современной точки зрения) строй позволял существовать в обществе не только католикам, но и множеству других этноконфессиональных общин – кальвинистам, лютеранам, православным и униатам, еще позднее – бежавшим из России старообрядцам, а кроме того, караимам, татарам и евреям, жившим в Литве еще со времен князя Витовта.

Цивилизационному движению Литвы по барочной обочине Европы мешали мощные удары со стороны соседей: во времена правления шведской династии Ваза (1587–1668) Литву и Польшу захлестнул «потоп» инвазии Швеции и России (1654–1667), а во времена правления саксонской династии Веттинов (1697–1763) Литва была превращена в театр боевых действий Северной войны между Россией и Швецией (1700–1721). Следствием этой войны стало прямое вмешательство России во внутренние дела Польши и Литвы, что, в конце концов, привело к разделу и уничтожению Польско-Литовского государства.

РЕСПУБЛИКА ОБОИХ НАРОДОВ

Люблинская уния

Сближение Литвы и Польши началось в 1386 г., с бракосочетания великого литовского князя Ягайло и дочери польского короля Ядвиги. Метафора «священного брака» часто применяется ко всему процессу последовательных уний, приведших к Люблинской унии 1569 г. об объединении ВКЛ и Польши в одно государство – Речь Посполитую (Республику) Обоих народов. Это было оригинальное государственное образование, которое сегодня иногда даже называют предшественником Европейского Союза. Победы в Грюнвальдской битве не могло быть без сближения Польши и Литвы и объединения их войск, а успешного окончания Ливонской войны в XVI в. – без Люблинской унии.

В Польше Литву традиционно считают частью Польши даже до Люблинской унии, а созданное в результате этой унии государство называют не Речью Посполитой Обоих Народов, а Речью Посполитой Польской. Но такой алогизм традиционной польской исторической мысли вызывает улыбку: если уния представляет собой «священный брак», то где тогда второй супруг? А может, это вовсе и не уния, а только идея польской цивилизационной миссии, может, Польша стремилась просто поглотить Литву? Вот почему в литовской исторической памяти отрицательный образ польской «культурной миссии» затмил положи-

тельные стороны унии. Там, где литовцы традиционно видели эрозию литовского государства и его культуры, поляки усматривали цивилизационную победу Польши.

Великому княжеству Литовскому с трудом удавалось удерживать восточный фронт в Ливонской войне. Об этом свидетельствует и приезд в Польшу Жемайтского (Жмудского) старосты Яна Иеронимовича Ходкевича (Йонас Ходкявичюс) в 1562 г. с просьбой о военной помощи, а вместе с ней и об унии, по поручению витебского «военно-полевого» сейма. О том же говорит и потеря Полоцка в 1563 г. – Литва остро нуждалась в польской помощи. В феврале 1569 г. перед лицом польского Сейма в Люблине литовская и польская делегации вступили в переговоры. Литовцы представили свой проект союза двух равноправных государств, тогда как поляки стремились к присоединению Литвы. Поскольку соглашение не было достигнуто, литовская делегация 1 марта покинула Люблин. И тогда Литве был нанесен болезненный удар – король Сигизмунд II Август поддержал Польшу и издал указы о присоединении к Польше почти половины территории Великого княжества Литовского (Подляшского, Волынского, Киевского и Подольского (Брацлавского) воеводств). Дворяне присоединенных областей были вынуждены принести присягу на верность Польше и прислать своих представителей для участия в польском Сейме. В случае отказа от присяги дворяне теряли свои земли – Литве грозила утрата суверенитета.

Я. И. Ходкевич осознавал трагическую дилемму: либо Литва свяжет себя с Польшей, либо будет завоевана Россией. Он выбрал первый путь, однако постарался добиться как можно более выгодных условий. На Люблинском сейме Я. И. Ходкевич 28 июня 1569 г. принял идею унии и даже единой государственной печати, т. е. идею присоединения Литвы к Польше. Это был жестокий компромисс. Обращаясь к Сигизмунду II Августу, он сказал: «По велению Вашей королевской милости мы были вынуждены склониться с великою болью и стеснением сердца нашего, но как все это нам больно, невозможно этого выразить словами! Потому что мы, как верные сыны своего отечества, должны заботиться о его благе по мере сил своих. И если сейчас мы не можем защитить его, то лишь потому, что вынуждены отступить перед преградами, судьбой и временем».

После этих слов литовцы с плачем упали перед королем на колени, и даже поляки не могли сдержать слез. По-видимому, горестная речь Я. И. Ходкевича была дипломатической уловкой. Во время переговоров Жемайтский староста, ловко манипулируя двусмысленными формулировками, сумел свести вопрос унии к вопросу печатей: какие печати

Карта Польско-Литовского государства серед. XVIII в., на которой обозначены и границы ВКЛ (Варшавский королевский замок)

будут скреплять грамоты правителя – только печать Польши (что означало бы для Литвы присоединение к Польше и, в лучшем случае, статус ее автономной провинции) или и печать Литвы тоже? Он сначала соглашался с мнением поляков, одобрял использование единой печати, и тут же умолял их не уничтожать литовские государственные печати. Очевидное противоречие. Благодаря этой тактике Я. И. Ходкевич добился отсрочки решения конкретных вопросов об определении взаимных

связей Польши и Литвы или даже об образовании унии, что оставляло надежду на сохранение литовской государственности. Люблинский сейм отложил решение этих проблем, что дало литовской стороне возможность требовать от следующих правителей Речи Посполитой признания литовских печатей. Таким образом, Я. И. Ходкевич нашел выход там, где его, казалось бы, не было.

Разумеется, во время Люблинской унии поляки и Сигизмунд II Август оказывали известное давление, стремясь уничтожить литовскую государственность и получить часть территории Литвы. Однако даже такой исход Люблинской унии был компромиссом, который представители ВКЛ были вынуждены принять (хоть и со слезами на глазах). Тем не менее, в его обоснованности никто серьезно не сомневался еще последующие двести лет. Польза от заключения Люблинской унии не заставила себя ждать. Когда правителем Польши и Литвы стал князь Трансильвании Стефан Баторий (правил с 1576 по 1586 г.), Польско-Литовское государство смогло добиться решающих побед в Ливонской войне против Москвы, и русская угроза была отсрочена более чем на полвека (в 1609–1611 гг. Польша и Литва даже заняли Москву). Однако важнейшим результатом компромисса, достигнутого Люблинской унией, стала Речь Посполитая Обоих Народов, которая просуществовала еще два века. И не только просуществовала, но и дала Европе хлеб, веротерпимость, дворянскую демократию, искусство барокко и конституцию.

ВКЛ в Европе эпохи барокко. Шляхетская демократия

Куда в XVII–XVIII вв. исчезло величие Италии – лидера европейской цивилизации эпохи Ренессанса? Средиземное море утратило свое экономическое значение после великих географических открытий и экспансии Османской империи. А что случилось с Португалией и Испанией – пионерами великих географических открытий? Ведь с геополитической точки зрения в XVI в. с Испанией не могло сравниться ни одно государство: во владениях испанской короны никогда не заходило солнце. Одной из причин, по которым Испания и Португалия лишись лидерских позиций, была слишком сытая жизнь: реки золота, текущие из Латинской Америки, позволяли испанцам не заниматься развитием своих городов и экономики. Закат испанского могущества ознаменовало поражение Непобедимой армады в 1588 г. Хотя высадке в Англии помешала случайная буря, Испания так и не повторила этот поход.

В XVII–XVIII вв. старая Западная Европа раскололась на две части – южную католическую и северную протестантскую. Католичество было предпосылкой для распространения культуры итальянского и испанского барокко в католических странах Западной Европы – во Франции, Баварии, Фландрии, особенно при монарших и аристократических дворах (Фландрия дала миру одного из самых известных живописцев эпохи барокко Питера Пауля Рубенса).

Протестантизм, в свою очередь, позволил бывшей средневековой периферии – Северной Европе (Скандинавии) – догнать динамично развивающуюся северную часть Западной Европы (Голландию, Англию) и в XVII–XVIII вв. обогнать католическую Центральную Европу с ее более слабыми городами и меньшей (по сравнению с протестантизмом) потребностью в письменности, которая тяготела к католическим странам южной части Западной Европы (Италии, Испании, Португалии). В XVI–XVII вв. это казалось неплохим выходом – Рим, Мадрид и Лиссабон оставались оплотом католичества и распространяли свет культуры барокко вплоть до Мексики и Парагвая. Другой – самой северной – окраиной этого мира была Литва.

Начало эпохи барокко в Литве можно датировать не только Люблинской унией, но и появлением иезуитов, которые в 1579 г. учредили здесь Виленский университет. Строительство барочной церкви Несвижской иезуитской коллегии было начато в 1586 г., а подлинным манифестом барокко обычно считается виленский костел Св. Казимира. Искусство барокко, иезуиты и Виленский университет – вот основные слагаемые культуры той эпохи. Они были связаны и с дворянским сословным строем, возобладавшим в стране с 1566 г., и с волочной померой – аграрной реформой по введению фольварочно-барщинной системы хозяйства, что позволяет использовать такие понятия, как барочный уклад и барочное хозяйство.

Барокко постепенно сменялось классицизмом, который, однако, расцвел лишь в самом конце XVIII в. Реформы Антония Тизенгауза (Антанас Тизенгаузас) 1767 г., Павловская республика Павла Ксаверия Бжостовского 1769 г., упразднение ордена иезуитов и создание Эдукационной (Образовательной) комиссии в 1773 г. – все эти события иногда считаются началом эпохи Просвещения.

С точки зрения государственной истории эпоха барокко – это союз Польши и Литвы, образованный в результате Люблинской унии. У объединенного государства было официальное название – Речь Посполитая Обоих Народов (даже литовцы иногда называют его Жечьпосполита, от польского *rzeczpospolita* – «республика»; мы же сокращенно будем назы-

вать Польско-Литовское государство ПЛГ). Название, казалось бы, указывает на равноправный союз двух государств. В действительности же в этом союзе главенствовала Польша. Верховным органом власти наряду с королем был общий Сейм, состоявший из Сената и Посольской избы (палаты представителей) и обладавший полномочиями по выбору монарха. Литва получила в Сейме лишь 1/3 мест, т. е. приравнивалась к одной из польских провинций, которых до этого было две – Великая Польша с центром в Познани и Малая Польша с центром в Кракове.

Однако Литва смогла сохранить не только отдельный титул и территорию ВКЛ, но и самостоятельную исполнительную власть – канцлера, казначея, гетмана и др. (общие органы исполнительной власти начали появляться лишь во второй половине XVIII в.), отдельную казну, армию, суды и судебную систему, узаконенную Третьим статутом Великого княжества Литовского 1588 г. Таким образом, Речь Посполитая Обоих Народов представляла собой не унитарное государство, а федерацию, в которой общими были только верховные органы власти – король и Сейм. С другой стороны, при заключении Люблинской унии литовским дипломатам удалось добиться сохранения большой печати ВКЛ, без которой решения польского короля не имели силы в Литве. Кроме того, перед совместными сеймами литовские депутаты сначала проводили собственные «сеймики» для выработки единой позиции. С течением времени на сеймах ПЛГ утвердился принцип *liberum veto* (свободного вето, согласно которому решения могли приниматься только единогласно), и поэтому общий Сейм никак не мог навязать Литве свою волю. Таким образом, поляки стремились к созданию унитарной державы, а пришли к федеративному (в теории) или конфедеративному (на практике) государству с общей внешней политикой.

Эту юридическую и политическую ситуацию изменила полонизация литовской элиты. Хотя в то время в Литве существовали русинская, латинская и литовская модели языковой культуры, все большее распространение получал польский язык, чье использование обусловливалось интеграционными процессами в общественной жизни. Одной из важнейших начальных точек полонизации стала «Хроника польская, литовская, жомойская и всей Руси» Матея Стрыйковского, изданная на польском языке и ставшая подручной книгой всего литовского дворянства. Процесс полонизации Литвы является одним из важнейших явлений эпохи барокко. Перенимается не только язык, но и культура, и образ жизни. В результате этого процесса литовскую культуру того времени называют «вторым изданием польской культуры». В качестве аналогии подобного явления можно привести английскую культуру

Один из наиболее величественных и пышных интерьеров ВКЛ эпохи барокко – убранство вильнюсского костела Св. апостолов Петра и Павла (вторая пол. XVII в.). Фото А. Бальтенаса

в Ирландии (не говоря уже о США и Австралии), датскую культуру в Норвегии, французскую культуру в канадском Квебеке, испанскую культуру в Мексике или Аргентине.

Сословный строй был определен и закреплен Литовскими статутами. Таким образом, в Литве был единственный привилегированный социальный слой – дворяне, у которых были политические права и свои представители в Сейме. Поскольку от этих представителей зависел выбор монарха, может сложиться впечатление, что формой правления была уже не монархия, а республика, тем более что официально это государство так и называлось. Это означало бы, что государственный строй ПЛГ приближается к Новейшему времени, сравним с Голландией (где республика начала складываться во второй половине XVI в.) и опережает английскую конституционную монархию, окончательно установившуюся к 1689 г. Однако то, что государственный

строй ПЛГ опирался лишь на 7 % своего общества (столько в нем было дворян), доказывает его сугубо сословный характер – хотя монарх и выбирается шляхтой, но суверенную власть получает от Бога. Таким образом, в 1566–1795 гг. литовская «шляхетская демократия» представляет собой сословную монархию, которую можно сопоставить с государственным устройством Англии и Франции XIII–XV вв. К сожалению, в этом укладе было больше анархии, чем порядка – современники даже говорили: «Государство держится на беспорядке». Дело в том, что на сеймах ПЛГ, где сформировалось право *liberum veto*, каждый делегат мог наложить вето на решения Сейма и парализовать его работу. С 1573 г. по 1763 г. было проведено 137 сеймов, причем 53 из них разошлись, так и не приняв никакого решения, поскольку их работа была прекращена отдельными представителями.

В западных странах сословные монархии использовали в качестве противовеса дворянству третье сословие, т. е. городское население, но в Польше и Литве в связи со слабостью городов сословная монархия превратилась в анархию, а точнее – в феодальную децентрализацию, или раздробленность. Малонаселенность городов не позволила государственному строю Польши и Литвы приобрести черты абсолютизма и отменить сословное представительство.

Издревле Литва гордится своими Статутами, которые по уровню систематизации действительно оставили далеко позади правовые системы стран Центральной Европы, а также инициаторами создания Статутов – Альбрехтом Гаштольдом (Альбертас Гоштаутас) и Львом Сапегой (Ляонас Сапега). Однако политическими правами обладало лишь дворянское сословие (хотя даже в XIX в. в конституционной и развитой Великобритании процент правоспособных граждан был не больше). Конечно, эгоизм дворянского сословия цвел пышным цветом, тем не менее, нельзя не отметить и его консенсусную политическую культуру, которая иногда даже позволяла запускать руку в собственный карман и в случае необходимости облагать налогами самих себя. Понятно, что в XVIII в. чем дальше, тем этой культуры становилось меньше, однако без такой культурно-политической традиции дворянские реформы были бы необъяснимы.

Государственная религия или десять конфессий?

Историки характеризуют веротерпимость Польши XVI–XVII вв. как не имеющую аналогов в Европе, а Польшу – как крупней-

шую в Европе гавань толерантности. Мультикультурализм и многоконфессиональность иногда считаются величайшим вкладом Польши в европейскую культуру. С 1387 г. ВКЛ стало, как и Польша, католическим государством, но если в Польше к 1500 г. насчитывались лишь три православные епархии, то в ВКЛ их было шесть, и все эти епархии подчинялись той же Киевской митрополии, причем резиденции митрополита находились не только в Киеве, но и в Новогрудке и в Вильне. Таким образом, управление польскими православными епархиями осуществлялось из ВКЛ, а удельный вес литовского православного населения превратил ВКЛ в актуальное пространство для осуществления церковной унии. Поэтому в XV–XVI вв. именно в ВКЛ, а не в Польше были сосредоточены многочисленные попытки церковной унии, завершившиеся Брестской унией 1596 г. В результате Брестской унии большинство польских и литовских православных стало так называемыми грекокатоликами (католиками византийского обряда). Однако митрополитами Грекокатолической церкви опять стали киевские митрополиты, которые отныне обрели постоянную резиденцию в Вильне. Таким образом, как православные, так и грекокатолики играли в ВКЛ более важную роль, чем в Польше.

Лютеранство, пришедшее в Литву как самая ранняя ветвь реформации в 1539 г., с течением времени привлекало к себе все больше местных немцев, поэтому лютеранские общины стали называть немецкими. Правда, в Литве это направление было слабее, чем в Польше, где жило больше немецких колонистов. Однако в Литве сформировалась более многочисленная и сильная Церковь евангелистов-реформаторов (Кальвинистская церковь). Это привело к тому, что магнаты ВКЛ (высший социальный слой) приняли именно эту веру. Почти все вельможи-католики, а также часть православной знати перешли в кальвинизм и секуляризировали почти 50 % католических храмов. Со временем, однако, кальвинизм начал ослабевать.

ВКЛ также отличалось и наличием других христианских и нехристианских конфессий, которые существовали здесь уже с XIV в. Прежде всего, это были «посреднические меньшинства» – армяне (католики) и евреи (иудеи). Эти меньшинства переселились в ВКЛ из Польши и, может быть, из Венгрии, поэтому естественно, что здесь их было меньше. Однако в XVII–XVIII вв. Вильна в данном отношении сравнялась или даже превзошла такие центры еврейской культуры, как Краков, Люблин и Львов (именно тогда зародилось представление о Вильне как о «Литовском Иерусалиме»). Но даже если роль евреев и особенно армян в ВКЛ была скромнее, чем в Польше, зато в Польше

не было таких ярких мусульманских (татарских) и караимских общин, как в Литве, куда их переселил еще великий литовский князь Витовт (Витаутас). Именно караимская община ВКЛ дала миру знаменитого теолога-полемиста Исаака бен Авраама Трокского (1525–1586), часто упоминаемого в работах по истории толерантности. Не было в Польше и старообрядцев, которые во второй половине XVII в. отвергли российскую церковную реформу и, спасаясь от преследований со стороны властей, переселились в ВКЛ. Культурное разнообразие ВКЛ усиливалось благодаря этническому аспекту: хотя некоторые конфессиональные и этнические границы и совпадали (у евреев, татар, караимов, отчасти и старообрядцев), но нередко одно вероисповедание могло охватывать несколько сообществ различной этнической отнесенности.

Еще до унии с Польшей ВКЛ превосходило ее по культурному и конфессиональному разнообразию, а в объединенном государстве это разнообразие стало еще более явственным (например, в Литве были татары-мусульмане, которых в Польше до тех пор не было). С точки зрения разнообразия вероисповеданий (десять различных конфессий) ВКЛ в XVI в. лидировало даже по сравнению с самыми пестрыми европейскими странами – Польшей и Трансильванией. ВКЛ выделяется из всей Центрально-Восточной Европы скоростью узаконивания или юридического оформления многоконфессиональности. В Польше это произошло только после Люблинской унии, а точнее – в результате так называемой Варшавской конфедерации 1573 г., тогда как в Литве указ (привилей) об уравнивании в правах всех христианских конфессий был издан Сигизмундом II Августом (Жигимантас Аугустас) еще в 1563 г. – эта правовая норма закреплена во Втором и Третьем статутах. Даже Первый статут (1529), составленный еще до Реформации, предназначался не только для католической, но и для православной знати. И хотя это законодательно гарантированное равноправие и не затрагивало напрямую нехристианские религии (иудеев, караимов и татар-мусульман), их этнические общины и религия беспрепятственно существовали в Литве с конца XIV в. Впоследствии как в Польше, так и в Литве границы веротерпимости все более сужались, но изменения происходили медленно и без насилия, а многоконфессиональность сохранилась вплоть до XX в. Ситуацию в Западной Европе XVI в. отлично характеризует Варфоломеевская ночь в Париже (1572), ставшая символом религиозной нетерпимости в европейской истории. Разве всего вышесказанного не достаточно для вывода, что Литва в середине XVI в. была колыбелью европейской толерантности?

Народы, языки, письменности

Начнем с письменности на литовском языке. Прежде всего, это культурная программа Абрахама Кульвеца (Абраомас Кульветис) и Мартинаса Мажвидаса, давшая нам первую литовскую книгу и положившая начало традиции литовской письменности, которая, однако, создавалась в эмиграции – в Пруссии – и осталась невостребованной литовской элитой.

В 1595 г. Микалоюс Даукша подготовил первую в ВКЛ литовскую книгу – «Катехизис», а в 1599 г. выпустил и второе литовское издание – «Постиллу». В предисловии к этой книге он обратился ко всему литовскому обществу, призывая его творить на литовском языке: «Где же, говорю я, есть на свете такой народ, столь жалкий и презренный, чтобы не имел этих трех своих словно бы и врожденных вещей: земли, обычаев и языка предков?» Ведь «на этом языке обычно все пишут законы, на нем издают старые и новые истории своего и чужих народов, на нем обсуждают все государственные дела, его изысканно и с достоинством используют по разным случаям в Церкви, на службе, дома». М. Даукша поднял вопрос не о повседневном использовании литовского языка, а о необходимости создания официальной культурной модели на этом языке. Его уникальная деятельность осталась гласом вопиющего в пустыне, поскольку продолжатели его дела уже не ставили перед собой таких целей. Хотя спорадическое издание литовских книг не прекращалось на протяжении всей эпохи барокко, их было гораздо меньше, чем изданий на польском или латинском языке. Положение литовского языка хорошо отражает труд Константинаса Сирвидаса с красноречивым названием «Словарь трех языков» (1620). Этот словарь предназначался для учащейся молодежи, и в нем польские слова пояснялись по-латински и лишь затем – по-литовски.

Литовские проповеди К. Сирвидаса, изданные позднее песенни-ки («Песни» Соломона Славочинского, 1646 г.) или грамматики (Грамматика литовского языка, 1737 г.) предполагали функционирование литовского языка только на повседневном – церковном и школьном – уровне. Поэтому программа М. Даукши по внедрению литовского языка не была осуществлена. Жизнь требовала все больше литовских слов, но вместо их создания в язык привносились польские слова. Таким образом, литовский язык, который не успевал создавать новообразований в соответствии с требованиями жизни, сначала остался позади русинского, а потом и позади польского языка, ставшего языком инте-

Фрагмент карты с первыми строками молитвы «Отче наш» на всех европейских языках, в том числе и на литовском языке (обведено красной линией). Нюрнберг, 1741 г.

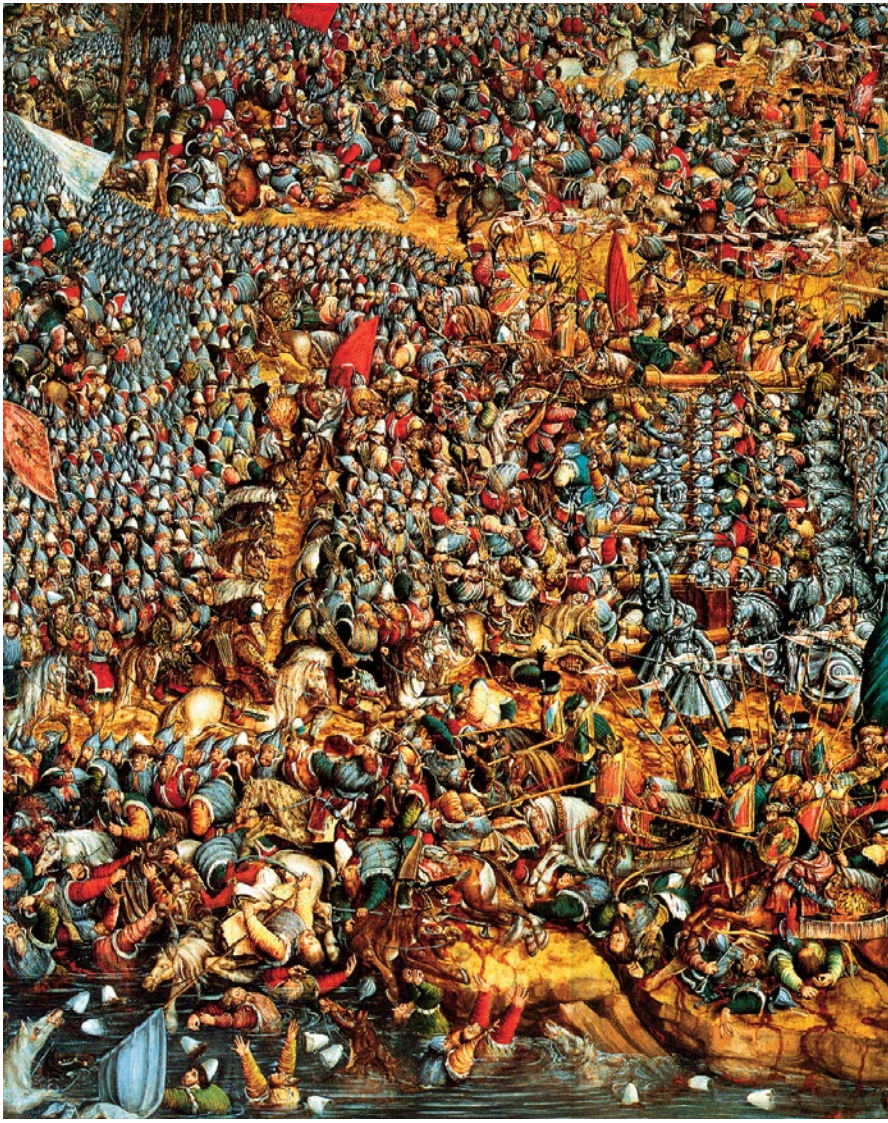
грации литовского дворянства и средством распространения западной культуры на русинских землях в составе ВКЛ.

Хотя Литва не оставляла попыток использовать в письменном творчестве латинский и даже литовский язык, процесс полонизации постепенно охватил всю ее политическую и культурную элиту. Роль польского языка в литовской культуре хорошо обобщил один из Радзивиллов в своем письме 1615 г.: «Хотя литовцем я родился и литовцем мне доведется умереть, но в своем отечестве должно нам использовать польский язык». Польский язык постепенно приобретал статус общегосударственного языка – на Сейме 1697 г. он был

Польско-литовское войско сокрушает турок в Хотинской битве 1673 г. Илл. к изданной в Вильне поэме Я. Беннета «Мощь десницы Господней», 1674

признан официальным канцелярским языком вместо использовавшегося ранее русинского письменного языка. Таким образом, польский язык был узаконен по требованию самого литовского дворянства, т. е. это было выбором литовского общества, а не полонизацией. Формирование литовской письменности естественным образом приостановилось.

В XVII–XVIII вв. сформировалось и общее польское самосознание Речи Посполитой Обоих Народов, но с четким выделением внутри этой Польши «другой Польши». И, тем не менее, даже в эти поздние века литовская нация и «политическая национальность» ВКЛ все еще продолжали существовать. Это подтверждается и сложными двусоставными формулами национальной идентификации: например, «gente polonus, natione lituanus», «Ліцвіны грэцкага закону людзі», «Ліцвіны руськага рода». Общая внутриполитическая жизнь, совместные сеймы и сеймики, правовые нормы ВКЛ, сформированные тремя Статутами (1529, 1566, 1588) – все это взращивало представление, что литовец (литвин) – не тот, кто говорит по-литовски, а тот, кто защищает свободу и руководствуется Литовскими статутами. Предпосылки рождения



Литовско-польское войско под предводительством Константина Острожского 8 сентября 1514 г. сокрушает русское войско под Оршей. Картина неизвестного художника, современника битвы

политической национальности ВКЛ были созданы военными победами Литвы в битвах под Грюнвальдом (Жальгирисом), Клецком, Оршей, Киргхольмом (ныне Саласпилс, Латвия), Хотином, где литовцы сражались плечом к плечу с русинами.

Чисто литовским происхождением среди самых знатных родов XVI в. могут похвастать разве что Гаштольды (Гоштаутасы) и Радзивиллы (Радвилы), а все остальные – Ходкевичи, Сапеги, Воловичи, Тышкевичи, Огинские и др. – русины, считавшие себя гражданами ВКЛ. Иногда русинские роды даже создавали легенды о своих литовских корнях (например, Ходкевичи или Сапеги). Таким образом, истоки формирования политической нации можно искать уже в XVI в. или даже в XV в., когда литовское дворянство повсеместно начало вести свой род от римлян. Созданная литовскими летописями легенда о бегстве в Литву римского патриция Палемона и его потомков дала не только литовскому, но и русинскому дворянству основание выводить свой род от Палемона или связывать себя с реальной династией Гедиминовичей. Так разнообразная по своему этническому составу знать формировала дворянский слой с общим литовским национальным самосознанием. По происхождению они (чаще всего) были русинами, по вероисповеданию – грекокатоликами, по политическому самосознанию – литовцами, а говорили по-польски.

Виленский университет

Старая поговорка гласит: «Когда говорят пушки, музы молчат». Однако Стефан Баторий во время Ливонской войны позаботился о создании пристанища муз – Виленского университета. Понятно, что потребность в высшем учебном заведении уже назревала в обществе, большое влияние на решение об учреждении университета оказала конкуренция между Реформацией и Контрреформацией. Литовские католики – и сам виленский епископ Валериан Протасевич (Валерийонас Протасявичюс) – старались опередить протестантов в их намерении основать коллегию. Поэтому иезуиты, прибывшие в 1569 г. в Вильну по приглашению епископа, получили средства на открытие своей коллегии и предусмотрели возможность ее преобразования в университет. Официально коллегия была открыта 17 июля 1570 г. Иезуиты ставили перед собой грандиозные цели – посредством Виленского университета распространять науку и католицизм не только в Великом княжестве Литовском и соседних странах, но и в Скандинавии и даже в далеких восточных краях (вплоть до Китая!).

Стефан Баторий учреждает Виленский университет.
Худ. В. Смоковский, 1828 г.

Для превращения коллегии в высшее учебное заведение требовалось немало средств, нужны были квалифицированные преподаватели. Непременным условием являлось также согласие папы римского Григория XIII, которое было получено в 1577 г. Однако важнейшую роль сыграла поддержка правителя. 1 апреля 1579 г. король Стефан Баторий, одобряя замысел и усилия епископа Валериана Протасевича, издал привилей на открытие Виленской академии, а 29 октября 1579 г. папа римский Григорий XIII издал буллу, подтверждающую преобразование Виленской коллегии в университет. Новая школа называлась Академия и университет виленский Общества Иисуса (*Academia et Universitas Vilnensis Societatis Jesu*).

Виленский университет вплоть до своего закрытия в 1832 г. был не только главным литовским учебным заведением, но и важнейшим культурным центром. Иезуиты, определившие культурное содержание эпохи барокко, распространяли свои идеи через Виленский университет. Считается, что уровень образования в старинном университете ничем не уступал университетам Праги, Кракова, Вены или Рима. Профессора, приглашенные в Виленский университет из этих и других католических

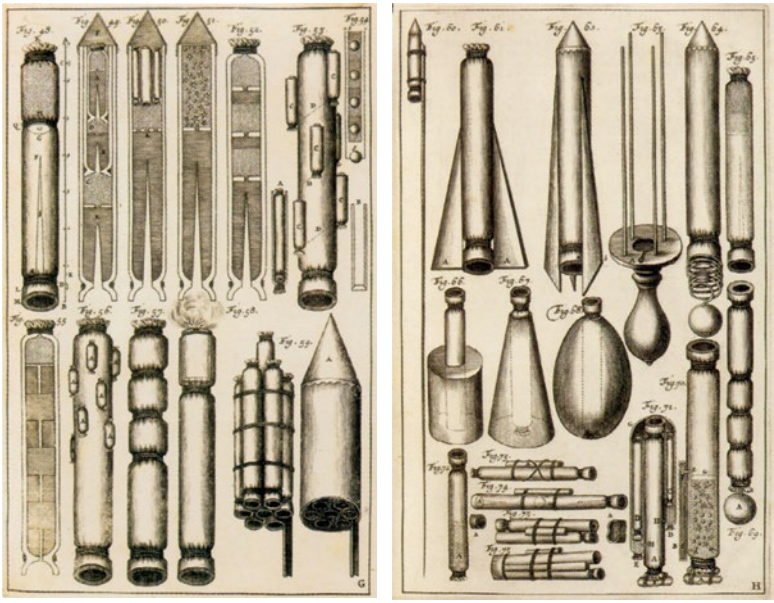
Большой двор Виленского университета и костел Св. Иоаннов. Из «Виленского альбома» Я. К. Вильчинского. Худ. Ф. Бенуа, А. Байо, 1850 г.

университетов Западной и Центральной Европы, принесли с собой принципы обучения, высокие требования, систему интенсивного обучения, сформировавшиеся под влиянием реформы католицизма, а влияние виленских ученых ощущалось не только во всей Литве (в первую очередь это труды по литуанистике К. Сирвидаса и Альберта Виюка-Кояловича (Альбертас Виюкас-Коялавичюс), но и далеко за пределами этнической Литвы и многонационального и мультиконфессионального ВКЛ. Деятельность иезуитского Виленского университета оказывала

Фронтиспис труда «Artis magnae artilleriae» известнейшего военного инженера ВКЛ, создателя теории многоступенчатых ракет К. Семеновича, 1650 г.

воздействие на всю Европу – это касается его школ теологии, философии, логики, риторики и поэтики. Труды профессоров Виленского университета достигли даже протестантской Англии – например, на «Логику» Мартина Смиглецкого (1618) ссылались ученые не только Сорбонны, но и Оксфорда, а поэзия Матея Казимира Сарбевского в 1646 г. была переведена с латыни на английский язык и читалась в европейских университетах вместо привычного Горация.

Виленский университет является одним из древнейших университетов в Центральной Европе – старше его лишь университеты Праги, Кракова, Пешта, Буды и Кёнигсберга. Следует, однако, отметить, что в Вильне университет был основан спустя всего лишь двести лет после крещения страны, тогда как в более прогрессивной Чехии это событие



Чертежи ракет К. Семеновича. Амстердам, 1650 г.

произошло через 400 лет после крещения. Существует и второй аспект исторического значения старинного Виленского университета. С XIV в. и на протяжении двух веков самым восточным университетом во всей Европе был Краковский университет, а с XVI в. на последующие 200 лет (до учреждения Московского и Санкт-Петербургского университетов) это звание по праву перенял Виленский университет. Что такая роль университета была далеко не формальной, понимали уже учредители академии – иезуиты. Один из них тогда писал: «Не следует также забывать, что отсюда нам широко открываются двери в Московию, а оттуда через татар мы сможем достичь и Китая. Кроме того, не стоит забывать о Швеции и Ливонии». Эти планы перестают казаться географической наивностью, если вспомнить воспитанника Виленского университета Андрюса Рудамину, который донес идеи Общества Иисуса до самого Китая, где проповедовал в 1626–1634 гг. и писал труды по аскетике на китайском языке. Самый северный католический и самый восточный европейский – вот в чем заключается важнейшее значение старинного иезуитского университета.

Самая восточная и самая северная в Европе архитектура барокко

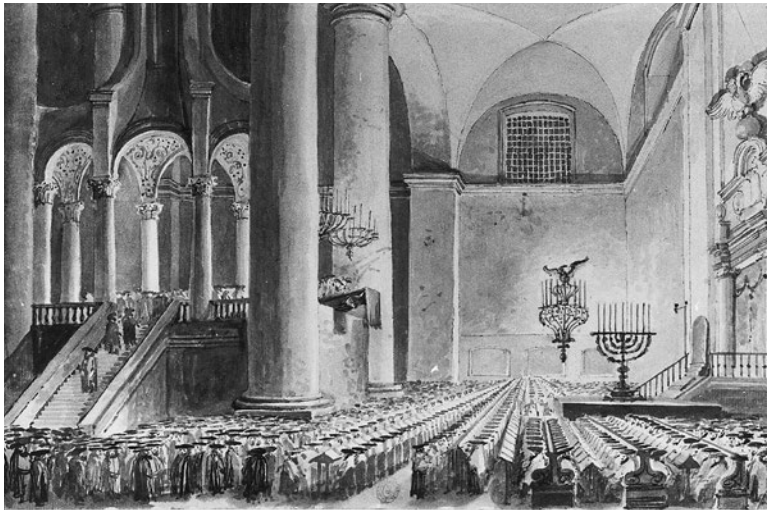
Понятие барокко, как мы уже упоминали, пришло из истории изобразительного искусства и архитектуры, а само название «барокко» связывают с испанским словом *barrueco* или португальским словом *barroco*, означающими жемчужину неправильной формы. В Литве барокко особенно ярко проявляется в архитектуре, в первую очередь – в архитектуре культовой. Этот стиль прошел несколько стадий развития – от скромного барокко, еще ощущавшего на себе влияние Ренессанса, до позднего, утонченно-пышного барокко и рококо, от этапа «импорта» к самобытной виленской школе барокко и провинциальному деревянному барокко, от элитарного искусства к народному барочному творчеству. Стиль барокко ворвался в каменные храмы прежних стилей и изменил их внутреннее убранство, стал доминирующим стилем скульптуры и живописи, принес в страну новый вид искусства – театр, проник даже в быт, наложив свой отпечаток на предметы повседневности – мебель, посуду, одежду, книги. С барокко связаны такие значительные явления народного творчества, как придорожные деревянные столбы-часовенки с резными изображениями скорбящего Христа, Девы Марии с мертвым Иисусом на коленях (пьеты) и скульптурками святых. В стране сформировался и барочный ландшафт с характерными для него храмами, монастырями, кальвариями (комплексами сооружений для паломничества, повторяющего Крестный путь Иисуса Христа), часовнями, скульптурами святых, крытыми сакральными столбами – «святой пейзаж», органически вписавшийся в природную среду. Одно из примечательных направлений литовского народно-прикладного искусства, сохранившееся до наших дней, – крестоделие – также пришло к нам из барокко.

В течение 200 лет, прошедших с момента строительства Несвижской иезуитской церкви в 1586 г. и до возведения скульптур на фасаде Виленского кафедрального собора в 1784–1787 гг., Литва жила духом барокко. В стране были созданы произведения общеевропейского значения: часовня Св. Казимира при Вильнюсском кафедральном соборе, костел Святых апостолов Петра и Павла в Вильнюсе, архитектурный ансамбль монастыря в Пажайслисе близ Каунаса. В первой половине XVIII в. сформировалась уникальная виленская школа барокко. Основоположником этой школы был лютеранин Иоганн Кристоф Глаубиц (около 1700–1767 г.), прибывший в Литву из немецких земель и прослывший наиболее продуктивным архитектором XVIII в. не только

в Вильне, но и во всем ВКЛ. Он отлично вписался в мультиконфессиональную Вильну, где стал творить не только для своей лютеранской общины, но и для католиков, грекокатоликов, православных, евреев. И. К. Глаубиц сформировал редкостную разновидность архитектурного стиля, не имеющую аналогов, – виленскую школу барокко, которая отличалась своеобразным сочетанием декоративных, композиционных и архитектурных элементов. Основной ее особенностью были очень высокие и стройные башни главного фасада. Костелы с двумя изящными башнями с разнообразным декором пролетов стали неотъемлемой чертой католического пейзажа и отмечали восточную границу католичества, а одновременно – и всей Центральной Европы. Тридцать лет творчества И. К. Глаубица (1737–1767) стали одним из ярчайших явлений былой литовской цивилизации, знаком ее принадлежности к западному миру, что позволяет причислить И. К. Глаубица к ряду самых значительных деятелей литовской истории, поскольку перед его заслугами меркнут даже деяния правителей той эпохи.

Виленский Гаон и «Северный Иерусалим»

Виленский Гаон Элияху бен Шломо Залман (1720–1797), прославивший родной город, является одной из величайших фигур в истории мирового еврейства. Древнееврейское слово *гаон* означает «величие», «гордость», «гений». О Виленском Гаоне нельзя рассказать без упоминания о его исторической роли по прекращению распространения в Литве реформистского движения хасидизма, что оказало огромное влияние на еврейство в целом. Сторонники хасидизма, распространившиеся в окрестных государствах и в юго-восточной части ВКЛ вплоть до Вильны, предлагали реформировать ортодоксальный раввинизм – усилить значение личности и личного переживания Бога, смягчить строгие, регламентирующие весь еврейский быт законы. Хотя хасидизм был более либеральной и демократичной ветвью иудаизма, отказ от строгих религиозных и нравственных норм, а также от устоявшегося образа жизни представлял собой опасность для сохранения самого духа еврейства. Виленский Гаон не только санкционировал акции против хасидизма и объявил хасидов еретиками, но и приложил немало усилий и употребил весь свой авторитет для того, чтобы воспрепятствовать распространению хасидизма в Литве. Таким образом, граница между ортодоксальным раввинизмом и более либеральным и реформистским хасидизмом проходила именно по территории ВКЛ.



Интерьер Большой виленской синагоги.
Худ. Ф. Смуглевич (П. Смуглявичюс), 1786 г.

Хотя хасиды сегодня составляют около половины всех евреев в мире, но жизнеспособность ортодоксального раввинизма хорошо иллюстрирует значение традиции для евреев, а вместе с тем раскрывает и феномен Виленского Гаона как величайшего духовного авторитета.

По предложению Виленского Гаона была проведена реформа преподавания иудейской теологии в иешивах (религиозных учебных заведениях) и усилено изучение Талмуда на языке идиш. Он написал труды почти во всех областях еврейской науки того времени: от комментариев к Священному Писанию до грамматики иврита и библейской географии. Величайшей заслугой Виленского Гаона является редактирование и составление комментариев к Вавилонскому Талмуду.

Авторитет Виленского Гаона, по-видимому, привел к тому, что литовских евреев – литваков – стали считать особо выдающимися евреями, отличающимися от других строгим соблюдением религиозных традиций, интеллектуальной рациональностью и уважением к образованности. Недаром ходили слухи, что все виленские мудрецы наизусть знают все 64 тома Талмуда. Кроме того, изучение Талмуда происходило на северо-восточном, или литовском, диалекте идиша – так называемом литвише. Более того, с течением времени именно диалект литвиш стал основой для нормативного языка идиш. И до сих пор понятие «литвак» связано с местом происхождения – это еврей из Литвы (имеется в виду историческая Литва – ВКЛ после Люблинской унии).

Однако вместе с тем литваками начали называть и евреев, для которых был характерен своеобразный уклад жизни, сохранившийся и после уничтожения ВКЛ.

Таким образом, Вильнюс в XVIII в. стал символом постоянства еврейской жизни и расцвета еврейской культуры, за что и получил название Литовского Иерусалима (*Jerušalaim de Lite*). Сегодня наука относит Вильнюс на рубеже XVIII–XIX вв. к первому десятку мировых центров еврейской культуры (наряду с Амстердамом, Лондоном, Варшавой, Львовом, Салониками, Стамбулом, Тунисом и Багдадом).

ПЕРВАЯ В ЕВРОПЕ КОНСТИТУЦИЯ И ЕЕ УПРАЗДНЕНИЕ

Усиление российского влияния привело в 1722 г. к первому разделу Речи Посполитой между Россией, Австрией и Пруссией Это обстоятельство, а также распространение идей Просвещения повлекли за собой реформы, направленные на укрепление государства через отказ от «шляхетской демократии», которая очевидным образом не смогла соответствовать политическим реалиям того времени. Вершиной этих попыток стала принятая Сеймом Польши и Литвы Конституция 3 мая 1791 г., отменяющая принцип выборности монарха и закрепляющая принцип наследования престола, хотя король все еще оставался не более чем выразителем воли нации.

В основу проекта Конституции 3 мая 1791 г. была положена Декларация прав человека и гражданина, принятая во время Великой французской революции (1789). Таким образом, польские и литовские реформаторы несомненно ориентировались на Великую французскую революцию. Недаром летом 1791 г. король Польши и Литвы Станислав Август Понятовский написал Французскому учредительному собранию, что, кроме Франции, «есть и еще одна нация в Европе». Красноречивые слова в эпоху неизжитого абсолютизма. Государственное устройство, закрепляемое польско-литовской конституцией, должно было равняться на устройство, введенное в Англии 100 лет назад (правда, в Англии конституция так и не была принята). Первой в мире стала конституция США (1787). Конституция ПЛГ стала второй в мире и первой в Европе, на несколько месяцев опередив французскую конституцию.

Весь мир (и даже часть литовцев) до сих пор считают эту конституцию чисто польской, хотя литовские депутаты осенью 1791 г. внесли существенную поправку от 20 октября, обеспечив Литве половину всех должностей в государственных органах власти.

В ВКЛ приходит Просвещение

Постоянные стычки с турками, а особенно войны с Великим княжеством Московским (позднее – Россией) за восточные территории, попытки выйти к Балтийскому морю и закрепиться в Ливонии провоцировали конфликты между ПЛГ, Россией и Швецией, чья военная мощь в XVII в. значительно возросла. В Ливонских войнах 1558–1583 гг. Литва и Польша завоевали значительную часть Ливонии, включая Ригу. Однако Швеция стремилась к господству на Балтийском море (*dominium maris Baltici*), что повлекло за собой военные действия между Швецией и ПЛГ, а также между Швецией и Россией.

В XVII в. ПЛГ воевало со Швецией два раза: в 1600–1629 и в 1655–1660 гг. Война осложнялась тем, что короли Речи Посполитой из шведской династии Ваза претендовали на шведский трон. В наибольшей степени в борьбе за Ливонию была заинтересована Литва, у которой не было своего крупного порта, тогда как у Польши был собственный порт – Гданьск. В 1605 г. литовское войско добилось большой победы над шведами в битве при Кирхгольме (ныне Саласпилс, Латвия), но с течением времени Швеция сумела в ходе военных действий отнять Ригу и завладеть Балтийским побережьем.

В 1655–1660 гг. шведы уже воевали на территориях Литвы и Польши, а в 1655 г. литовские магнаты даже заключили со Швецией Кейданскую унию, однако Швеции все же не удалось закрепиться в Литве. Именно на данный период приходится начало возвышения России, которая в ходе Северной войны (1700–1721) разгромила армию шведского короля Карла XII, заняла всю Ливонию и получила Балтийское побережье от Выборга до Риги. Эта война привела к экономическому и политическому ослаблению Литвы и Польши, их территории были разорены своими и чужими войсками, в стране начались первые проявления анархии и внутренних разногласий между магнатами, кроме того, шведы разрушили небольшие литовские порты Поланген (Паланга) и Свенту (Швентойи). Борьба со шведами оставила глубокий след в литовской народной памяти, о чем свидетельствуют различные преданиях и рассказы о шведах, «шведских могилах» и пребывании шведов в Литве.

Польше и Литве угрожала не только усиливающаяся Россия Петра I, но ставшая в 1701 г. королевством Пруссия – именно эти централизованные государства впоследствии и определят дальнейшую судьбу ПЛГ.

После падения саксонской династии Веттинов правителем Речи Посполитой Обоих Народов в 1764 г. был выбран Станислав Август

В битве при Кирхгольме (близ Риги) 1605 г. армия Великого княжества Литовского (слева) с конницей из 3 тысяч всадников под предводительством Я. К. Ходкевича побеждает 12-тысячное шведское войско. Худ. П. Снайерс, около 1620 г.

Понятовский. Хотя он и не относился к тем монархам, которые определяют ход истории, но именно его правление (1764–1795) стало исторической эпохой – это и попытки перемен и реформ, и закат барокко, и агония и уничтожение государства.

Почти в одно и то же время в литовской культуре отмечаются два новых явления – в 1759 г. был выпущен первый букварь литовского языка, а в 1760 г. начали издаваться первые в Литве газеты – «Курьер Литовский» и «Литературные известия» (на польском языке). Самым значительным событием стало учреждение в 1773 г. Эдукационной

(Образовательной) комиссии, председателем которой стал Виленский епископ Игнатий Масальский (Игнотас Масальскис). Это первое в Европе учреждение, по функциям сопоставимое с современным министерством просвещения. Комиссия должна была перенять систему образования у упраздненного к тому времени ордена иезуитов и реформировать ее в целях создания единой системы просвещения. Страна была разделена на Польскую и Литовскую учебные провинции, которые, в свою очередь, были поделены на учебные округа. Делами Литовской учебной провинции ведал реформированный Виленский

университет. Эдукационная комиссия модернизировала и секуляризировала учебную программу (ввела обязательное письмо и счет, начала совмещать общеобразовательные элементы с формированием практических навыков в сельском хозяйстве или ремеслах), ввела изучение естественных и точных наук. Существенные перемены в сфере науки и образования произошли и в Виленском университете. Началась новая жизнь таких наук, как физика, биология и медицина, астрономия стала отдельной специальностью. И хотя литовскому языку учили только в начальной школе, а средняя школа и университет перешли с латинского языка на польский, тем не менее новая система образования способствовала разрушению сословных барьеров.

С политическими переменами и первыми шагами Просвещения совпало и начало деятельности Антония Тизенгауза (Антанас Тизенгаузас), принесшей большие перемены в литовское хозяйство. Он предпринял радикальные реформы королевских экономий: учредил фольварки, вместо чинша (денежного оброка с земли или дома) ввел 2 дня барщины в неделю, разделил земли на категории в зависимости от их качества, положил начало мелиорации полей, прокладке дорог, выращиванию новых (голландских) пород домашнего скота. А. Тизенгауз посылал молодежь в Англию для изучения агрономии, открыл в Гродно школы землемеров, бухгалтеров, строителей, ветеринаров, учредил в Гродненской экономии текстильную, бумажную, галантерейную, оружейную, каретную мануфактуры. Реформы А. Тизенгауза стали одним из важнейших явлений жизни Литвы конца XVIII в.

Проявлением идей Просвещения в литовском хозяйстве следует считать и случаи освобождения крепостных крестьян, предоставления им личной свободы. Наиболее ярким проявлением этой тенденции считается Павловская (по имению Павлово) Республика П. К. Бжостовского. Четырехлетний (Великий) сейм ПЛГ в 1791 г. даже утвердил устав этой республики, продемонстрировав, таким образом, благосклонность к «эксперименту» по внедрению республиканского образа жизни. В то время даже говаривали, что в стране существуют три республики: Польская, Литовская и Павловская. Это показывает, какое особое значение придавало общество этому беспрецедентному явлению, не имевшему аналогов в Центральной Европе. Павловская Республика стала одной из самых радикальных крестьянских реформ в Польско-Литовском государстве второй половины XVIII в.

Классицизм в Европе считался детищем законодательницы мод – Франции. В Литве черты классицизма и Просвещения, по сути, были

Литовские крестьяне. Худ. Ф. Смуглевич, 1800 г.

элементами одного и того же исторического процесса. В 1769 г. один из основоположников архитектуры классицизма в Литве Мартин Кнакфус (около 1740–1821 г.) стал архитектором будущего первого председателя Эдукационной комиссии Виленского епископа Игнатия Масальского и начал строить в предместье Вильны Верки (Веркяй) епископский дворец, ставший одним из самых живописных памятников литовского классицизма. В 1769 г. обрушилась башня Виленского кафедрального собора, накренилась и башня Виленской ратуши. Жизнь словно сама помогала классицизму занять главенствующее место в столице Литвы. Самый известный представитель литовского классицизма – литовец Лауринас Гуцявичюс (Вавжинец Гуцевич, 1753–1798) в 1782 г. начал реконструкцию Виленского кафедрального собора, а в 1786 г. – и реконструкцию Виленской ратуши. И хотя для переднего фасада собора еще создавались последние детали в стиле барокко – скульптуры и тимпан, но в 1786 г. в его портале уже была поставлена колоннада – символ литовского классицизма. В 1792 г. были завершены скульптуры покровителя Литвы св. Казимира, покровителя Польши св. Станислава и св. Елены, водруженные над фронтоном собора.

Виленский кафедральный собор. Из «Виленского альбома» Я. К. Вильчинского. Худ. И. Деруа, 1847 г.

Строительство Виленского кафедрального собора и ратуши совпало с глобальными переменами, обусловленными деятельностью Четырехлетнего сейма. На защиту Конституции 3 мая 1791 г. встанет сам Л. Гуцявичюс, возглавив виленскую гвардию во время восстания Т. Костюшко. Для литовской истории Л. Гуцявичюс стал не только фигурой, соединившей в своей деятельности идеи Просвещения и классицизма, но и одним из ярчайших творцов, связавших свою судьбу с судьбой родного края.

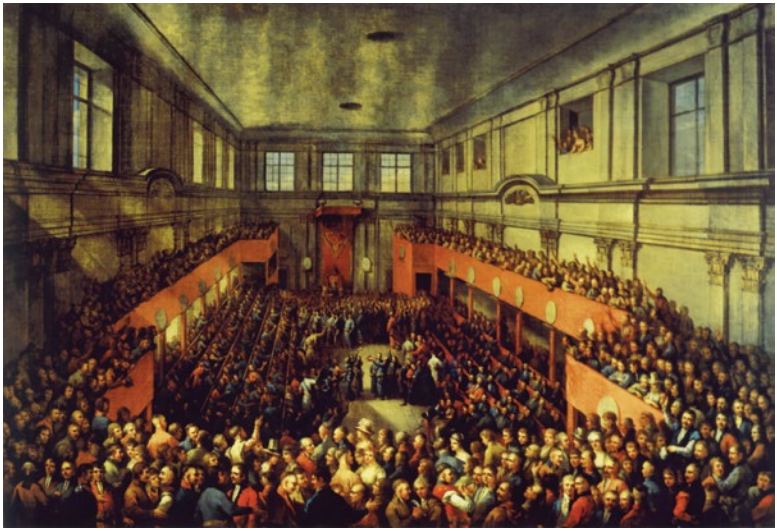
Конституция 3 мая 1791 г. и Закон о гарантиях двух народов

В 1788 г. к работе приступил Четырехлетний (Великий) сейм, на котором и была принята Конституция 3 мая 1791 г. Но перед этим Сейм провел очень важные социальные реформы – он впервые попытался предоставить мещанскому сословию почти равные с дворянами права или хотя бы начать этот процесс. Права городского населения и легли в основу Конституции 3 мая 1791 г., в которой также впервые было упомянуто и о государственной защите крестьян в их отношениях с помещиками. Таким образом, используемый в конституции термин «нация» уже означал не только «шляхетскую нацию», а равно включал в себя дворянство, мещанское сословие и

крестьянство. При определении политического устройства государства конституция опиралась на принцип разделения властей Шарля Монтескьё. Законодательным органом был Сейм, аннулировалось право *liberum veto*, когда любой депутат мог заблокировать решения Сейма и парализовать его работу. Хотя председателем Сейма являлся король, его законодательные возможности были ограничены, зато возросла роль монарха в исполнительной власти. Конституция отменяла принцип выборности монархов, ввергший Польшу и Литву в болото анархии, престол стал наследуемым. В решении государственных дел властителю должно было помогать правительство, именуемое Стражей законов, в которое, помимо короля, вошли председатели (министры) новых, общих для Польши и Литвы, центральных органов власти – комиссий, ведавших делами казны, армии и полиции. Конституция завершается идеей нации как целостного и суверенного государства. Не монарх с армией, а каждый гражданин государства должен защищать свободу своей нации. Таким образом, ПЛГ получило основной закон, провозглашающий конституционную монархию в соответствии с духом Нового времени и принципами гражданского общества.

Иногда высказываются сомнения в том, распространялась ли Конституция 3 мая 1791 г. на Литву. Странно слышать подобное мнение, поскольку эта конституция говорит о преобразовании не одной лишь Польши, а использует словосочетание «государства Речи Посполитой (Республики)» – именно во множественном числе, т. е. включая в них и Литву. Невзирая на все унитарные тенденции, в главе III и IV текста Конституции черным по белому написано: «государства Речи Посполитой» – Польша и Литва. Здесь упоминаются не только общие правители, но и великий литовский князь Витовт (Витаутас) и привилегии, данные им литовскому дворянству.

В дискуссиях, начавшихся после принятия Конституции 3 мая 1791 г., литовские представители говорили о том, что считают конституцию своей уступкой во имя укрепления государства (за конституцию проголосовало 30 из 50 депутатов ВКЛ). 16 мая 1791 г. был принят закон о проведении каждого третьего сейма в Гродно, а также об отдельных сессиях литовских депутатов, а 24 июня был издан указ о возвращении к историческим терминам Короны (так поляки называли Королевство Польское в составе Речи Посполитой) и ВКЛ. Понятие Речи Посполитой Обоих Народов появляется в названиях комиссий, ведутся работы по упорядочению кодификации. Позиция литовских депутатов была следующей: ВКЛ должно остаться отдельным по-



Принятие Конституции 3 мая 1791 г.
Худ. К. Войняковский (по рис. Ж.-П. Норблена), 1806 г.

литическим образованием с собственным правом, а Литовский статут должен быть сохранен как залог тождественности ВКЛ.

20 октября 1791 г. литовская делегация вытребовала у Четырехлетнего сейма поправку к конституции, получившую название Закона о гарантиях двух народов. Эту поправку Сейму представил Казимир Нестор Сапега, а ее автором, скорее всего, был судья Виленского земского суда Тадас Корсакас (Теодор Корсак). Согласно этому закону, представители ВКЛ могли иметь равное с поляками число членов в главных общих органах исполнительной власти, введенных Конституцией 3 мая 1791 г., т. е. в Военной комиссии и Финансовой комиссии, а на должность председателей комиссий поляки и литовцы должны были назначаться поочередно. Хотя в законе и говорится об «общей Родине – Польской Республике», но везде также упоминаются «два народа» и ВКЛ. Таким образом, в конституцию вернулся принцип государственного дуализма – федерация. Тем не менее, авторы поправки к конституции и современники признавали, что она являлась продолжением идей Люблинской унии, только приспособленных к потребностям нового общества. Положение о равноценности состава комиссий даже превзошло принципы Люблинской унии, поскольку «Литва как по численности населения, так и по достоянию не составляет и третьей части Короны» (Гуго Коллонтай). С точки зрения правовой системы Польско-Литовского государства Закон о гарантиях двух на-

родов стал частью *pacta conventa:* так с 1573 г. назывались обязательства избираемого монарха перед шляхтой. А это означало, что все будущие правители и их наследники перед восшествием на престол должны будут присягать на верность этому закону. Таким образом, в иерархии правовых норм Закон о гарантиях двух народов поднялся даже выше Конституции 3 мая 1791 г. – его не могли изменить даже экстраординарные сеймы, которые каждые 25 лет имели право вносить поправки в конституцию.

В силу этого Конституция 3 мая 1791 г. осознавалась как акт о возрождении Литвы. «Славная Конституция Польши и Литвы» снова дала Литве утраченную было «надежду на будущее величие». Реформы не только направили социальное и политическое развитие литовского общества в сторону прогресса, но и означали новые возможности для развития культуры на литовском языке. Не случайно Конституция почти сразу была переведена и на литовский язык (недооцененный факт в истории литовской культуры), хотя до того времени на литовском языке издавались лишь тексты религиозного и художественно-литературного содержания. Таким образом, перевод Конституции 3 мая 1791 г. является первым политико-юридическим документом на литовском языке. В феврале 1792 г. депутаты 27 уездных шляхетских сеймиков ВКЛ из 33 собравшихся присягнули на верность Конституции, а оставшиеся шесть ее одобрили. В этом отношении Конституция получила больше сторонников в Литве, чем в Польше, где из 45 сеймиков всего 10 присягнули Конституции, а остальные 27 сеймиков ее лишь одобрили.

На основании Конституции 3 мая 1791 г. был учрежден пост министра хранителя печати (канцлера) для ведения иностранных дел. 8 июня 1791 г. эта функция была возложена на вице-канцлера РПОН от ВКЛ Иоахима Литавора Хрептовича. Он укомплектовал первое Министерство иностранных дел, которое формально начало работу 19 июня 1791 г. Первым заданием МИДа стало выяснение реакции европейских стран на события в РПОН после обнародования конституции. Особое внимание уделялось посольствам в Берлине и Санкт-Петербурге. Первый срок полномочий МИДа был коротким – в ноябре 1792 г. он разделил участь своего государства…

Хотя по радикальности Конституция 3 мая 1791 г. не может сравниться с документами Великой французской революции, именно ее следует считать границей между устаревшим шляхетским строем и Новым временем, т. е. водоразделом между эпохами барокко и Просвещения. Все восстания Польши и Литвы против России в XIX в. проходили под знаменем идей Конституции 3 мая 1791 г.

Уничтожение Великого княжества Литовского

Реформы Конституции 3 мая 1791 г. вызвали ожесточенное сопротивление со стороны аристократии и всей консервативной части общества. Однако гнездо оппозиции находилось в Санкт-Петербурге: Екатерина II созвала и приняла под свое покровительство всех самых яростных противников реформ. В Санкт-Петербурге созрел и был составлен акт Тарговицкой конфедерации (Тарговица – местечко на Украине, где собирались противники реформ), обнародованный 14 мая 1792 г. Вскоре на помощь конфедератам пришла российская армия: 22 мая она вступила в пределы ВКЛ под Полоцком, положив начало русско-польской войне 1792 г. Численность так называемой «литовской» части российской армии составляла 33,7 тыс. человек, против которых ВКЛ с помощью Польши могло послать лишь 18 тыс. (численность «украинской» части российской армии составляла 64 тыс. воинов, против которых Польша выставила 26 тыс. человек). Силы были неравны, поэтому командование предполагало отступление сопротивляющейся армии к Варшаве. Первое серьезное сражение произошло 11 июня под Миром, а уже 14 июня Вильна была сдана без боя. В конце июля оборона сосредоточилась под Брестом, но как раз в это время – 24 июля – из Варшавы пришло известие о капитуляции короля Станислава Августа Понятовского и его присоединении к Тарговицкой конфедерации.

23 июля 1792 г. в Варшаве правитель Польско-Литовского государства Станислав Август Понятовский провел заседание с 12 дигнитариями – министрами (по 6 представителей от Польши и Литвы). Король был склонен не противиться более российской армии, которая на тот момент стояла под Варшавой, и принять ноту Екатерины II, полученную 21 июля. Семь министров поддержали короля, пять были против – они предлагали не сдаваться и продолжить переговоры, добиваясь более выгодных условий для государства. В сущности, перевес сторонников капитуляции был очень небольшим, и ее могло бы не произойти, если бы один из предводителей так называемой Патриотической партии Г. Коллонтай неожиданно не поддержал бы позицию правителя. Представители Литвы повели себя даже более достойно, чем поляки – из пяти сторонников сопротивления три голоса принадлежали Литве: это были маршал великий литовский Игнатий Потоцкий (Игнотас Потоцкис), маршал надворный литовский Станислав Солтан (Станисловас Солтанас) и маршал литовской половины Сейма ПЛГ

Аллегория раздела Польско-Литовского государства.
Худ. И. И. Нильсон, 1773 г.

К. Н. Сапега. История осудила пораженческую позицию Станислава Августа: возможности Литвы к сопротивлению в мае – июле 1792 г. были еще далеко не исчерпаны. Правда, очевидный перевес сил был на стороне России – на литовском и украинском фронтах у нее было 98 тыс. воинов, тогда как численность польской и литовской армии составляла 55–56 тыс. Однако при отступлении к Варшаве армия ПЛГ не понесла значительных потерь, а под Варшавой собрала еще более 40 тыс. человек. У армии ВКЛ были большие сложности с военачальниками (в отличие от польской армии на Украине, которой командовал Юзеф Понятовский), она не успела полностью подготовиться к войне, однако сумела оказать сопротивление под местечком Мир, Брестом и без больших потерь отступила к Варшаве, потеряв лишь семь из семидесяти двух орудий.

А под Варшавой все уперлось в позицию Станислава Августа, который так и не появился на фронте, не использовал возможность всеобщей мобилизации и не стал формировать городское ополчение. Несомненно, ПЛГ в 1792 г. все равно проиграло бы войну, но поражение в войне еще не означает потерю государства. А если бы король решился на сопротивление? Победители, конечно, урезали бы польские и литовские территории, и даже не единожды, но само государство могло бы уцелеть. Решительное сопротивление государства означает, что оно представляет собой субъект истории. Таким образом, 1795 г. прежде всего является годом фиаско Станислава Августа, что явилось естественным следствием всей его предшествующей биографии и личностных качеств. Желая укрепиться во власти, он заигрывал с Россией, вернее, с посольством России в Варшаве, не привлекая к этому посольство ПЛГ в Санкт-Петербурге. Чрезмерные амбиции толкали его на мелкие интрижки и рассорили со всем окружением, так что в судьбоносные моменты он оставался в одиночестве, а общество, отказавшееся от принципа выборности монархов и так уповавшее на этого короля и на Конституцию 3 мая 1791 г., чувствовало себя разочарованным и преданным.

В конце XVIII в. судьба отказала Польше и Литве в более достойном правителе, а история с перевесом всего в два голоса отклонила возможность иного пути. 25 июня 1792 г. Виленская (т. е. литовская) конфедерация под предводительством великого литовского гетмана Шимона Коссаковского (Симонас Косаковскис), его брата Ливонского епископа Юзефа Коссаковского (Юозапас Косаковскис) и Виленского епископа И. Масальского одобрила Тарговицкую конфедерацию. 11 сентября в Бресте Тарговицкая и Виленская конфедерации объединились в одну Конфедерацию Обоих Народов и объявили своим центром город Гродно. Пруссии (тогдашнему союзнику ПЛГ) не нравилось возможное укрепление этого государства в результате реформ, а российскую императрицу Екатерину II беспокоил призрак французского якобинства, уже достигший границ России.

23 января 1793 г. (практически сразу после казни Людовика XVI во Франции, состоявшейся 21 января 1793 г.) Россия вместе с Пруссией провела второй раздел ПЛГ. Великому княжеству Литовскому оставили только этнические литовские территории и западную часть белорусских земель. Между тем Россия вынудила Станислава Августа созвать 17 июня 1793 г. Сейм в подвластном Тарговицкой конфедерации Гродно – этот Сейм должен был одобрить новый мирный договор между ПЛГ и Россией и тем самым утвердить второй раздел Речи

Посполитой. Сейм попытался было воспротивиться, но после того как несколько депутатов были арестованы, русские войска окружили Сейм, а в зал заседания были введены русские офицеры, Сейму не оставалось ничего иного, как утвердить 19 августа результаты раздела. Итак, Гродненский сейм и Станислав Август были вынуждены отозвать Конституцию 3 мая 1791 г. и восстановить доконституционный уклад «золотых свобод».

В 1794 г. в Польше началось восстание под командованием уроженца ВКЛ и участника Войны за независимость США генерала Тадеуша Костюшко. В Литве восстание вспыхнуло 16 апреля 1794 г. в городе Шавли (Шяуляй), а вождем повстанцев стал Якуб Ясинский (Йокубас Ясинскис). В апреле повстанческие войска освободили Вильну от русских войск и на Ратушной площади провозгласили Акт восстания Литвы, на основании которого было учреждено повстанческое правительство – Высший национальный совет Литвы. Повстанцы действовали решительно – повесили великого гетмана литовского Ш. Коссаковского, арестовали более или менее значительных деятелей Тарговицкой конфедерации. Предводители восстания обратились к крестьянам (это первое воззвание на литовском языке) с призывом к началу партизанской войны против российской армии и обещанием освободить крепостных.

Для Польши и Литвы кульминацией восстания стала казнь некоторых участников Тарговицкой конфедерации, среди которых были Виленский епископ И. Масальский и Ливонский епископ Ю. Коссаковский – они были повешены в Варшаве 28 июня. Повстанцы словно повторяли ход Великой французской революции – идея казни возникла в Якобинском клубе, находившемся в официальной оппозиции к повстанческим властям. Посредством различных манифестаций этот клуб вынудил суд объявить указанные смертные приговоры. Все это охладило пыл многих польских и литовских дворян и стало поводом для действий со стороны российской армии под командованием А. Суворова. Летом российские и прусские вооруженные силы перехватили инициативу: в июне прусская армия заняла Краков, а в августе российская армия – Вильну. 5 ноября 1794 г. сдалась Варшава, которую защищали и отступившие сюда остатки литовских повстанцев. При защите Варшавы погибли предводитель литовских мятежников Я. Ясинский и автор поправки к Конституции 3 мая 1791 г. Т. Корсакас.

Провал восстания ускорил финал – 24 октября 1795 г. Россия, Австрия и Пруссия подписали в Санкт-Петербурге конвенцию о третьем разделе Польско-Литовского государства. Часть территории

ВКЛ, т. е. этнические литовские земли, отошли России (и принадлежали ей вплоть до Первой мировой войны). Пруссия присоединила к себе Занеманье, назвав его «Новая Пруссия» (Занеманье принадлежало Пруссии до 1806 г., когда Наполеон основал Великое герцогство Варшавское; в 1815 г. Занеманье отошло к России). В разделе польских и литовских территорий приняла участие и Австрия: юго-западный угол ВКЛ был присоединен к Австрии, а в 1815 г. он, как и Занеманье, отошел к России.

26 января 1797 г. Россия, Пруссия и Австрия подписали новую Петербургскую конвенцию, которой утвердили третий раздел ПЛГ, уничтожили остатки его государственности и очертили точные границы. К конвенции был приложен акт об абдикации (отречении от престола) Станислава Августа Понятовского. И хотя 29 августа 1918 г. все акты о разделах ПЛГ были отменены Советской Россией как правопреемницей Российской империи, бывшая держава восстановлена не была. На ее месте образовались два новых самостоятельных государства – Литва и Польша.

Раздел III

ЛИТВА ПОД ВЛАСТЬЮ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (1795–1915)

Действительно, никакой другой язык мира не получил столько высочайших похвал, как литовский. Литовский народ следует чествовать за то, что он создал, отточил детали и использование высокоразвитого человеческого языка со своеобразной красивой и ясной фонологией. Кроме того, согласно сравнительному языкознанию, литовский язык в наибольшей степени способен быть представителем изначальной арийской цивилизации и культуры.

ИММАНУИЛ КАНТ.
Предисловие к «Литовско-немецкому и немецко-литовскому» словарю Кристионаса Готлибаса Милкуса

В течение этого периода Литва (за исключением Занеманья) принадлежала самодержавной Российской империи (если не считать полугодовой «интерлюдии» Наполеона Бонапарта во второй половине 1812 г.). Это история разделенного, оккупированного, расколотого, аннексированного, приспособившегося и борющегося края, период дилеммы восстановления былой государственности и превращения этнических литовцев в самостоятельное политическое и культурное общество.

В первой трети этого периода еще действовал крупнейший в Российской империи Виленский университет, достигший европейского уровня науки и образования. Однако с 1864 г., когда власти попытались изменить культурную и национальную идентификацию Литвы (якобы для исправления ошибок и обид, нанесенных предшествующими 500 годами исторического развития), напечатанные латинским алфавитом литовские книги, газеты или молитвенники, даже без какого-либо политически криминального содержания, стали контрабандным товаром. Учиться читать и писать по-литовски приходилось тайно, укрываясь от жандармов, полиции и чиновников, рискуя быть сосланным на далекие просторы России. Вместе с тем это история эпохальных переломов, период становления национальной самоидентифика-

ции, политических конфликтов. Крестьяне, составлявшие почти 80 % жителей Литвы, жили в крепостной зависимости от помещиков. После раздела Речи Посполитой литовская знать оказалась отстранена от политической власти, но продолжала господствовать в социальной жизни общества, а не стоит забывать, что дворянское сословие в Польше и Литве было гораздо более многочисленным, чем в любой другой европейской стране, и составляло около 6,5 % от всего населения (средний показатель для Европы и России в то время был около 1 %). Однако дворяне-помещики составляли лишь четверть местной шляхты, тогда как большинство из них были малоземельными или безземельными дворянами, по большей части польскоязычными, и лелеяли память и традиции былой государственности. Они обладали двойственным национальным менталитетом – называли себя одновременно и литовцами, и поляками (дворяне ВКЛ не согласились полностью интегрироваться в старое Королевство Польское, хотя и не были склонны от него отделяться). За пределами Литвы литовских дворян считали просто поляками. Так же их трактовали и власти Российской империи.

1864 г. – условная разделительная черта, когда царская власть подавила последнее восстание под предводительством дворянства, поднятое ради возрождения бывшего Польско-Литовского государства. В то время царизм уже начал объявленный ранее процесс освобождения крестьян от крепостной зависимости. Крестьяне стали номинально свободными людьми, получили право на свой надел земли, что сделало их низшим, но самостоятельным сословием крестьян-земледельцев. Посредством грубой и дискриминационной русификации власти стремились превратить аннексированные польские и литовские земли в Западную Россию.

Более радикально настроенные дворяне не смирились с утратой своего государства и предпринимали попытки к его восстановлению – во время наполеоновских войн и путем восстаний 1830–1831 гг. и 1863–1864 гг. Отсюда же берет свое начало и движение этнических литовцев за национально-культурную самостоятельность. Через несколько десятилетий оно возобновилось и стало политически значимой силой, а этнические литовцы, или литовский народ, – самостоятельным культурным и политическим обществом, в 1905 г. потребовавшим автономии.

ТЯГОТЕНИЕ К БЫЛОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Культурная автономия в тени Наполеона

Присоединение территорий ВКЛ к России означало переход во власть империи с монархической и самодержавной формой правления, реализуемой при помощи централизованного бюрократического аппарата, напрямую подчиненного монарху. Управление на местах осуществлялось следующим образом: самой крупной административно-территориальной единицей была губерния, которой управлял присланный из центра или из другой губернии губернатор, назначенный царем, но подчинявшийся службе внутренних дел. Губерния делилась на уезды во главе с начальниками уездов – их назначал губернатор. Кроме того, в столичных и окраинных областях России существовало еще промежуточное звено между центральными и губернскими властями – генерал-губернаторство. Генерал-губернатора назначал лично царь для контроля деятельности нескольких губернских администраций. Генерал-губернатору подчинялись и дислоцированные в этих губерниях воинские части.

Со времен Екатерины II в цепочку местного управления были включены и органы самоуправления на уровне отдельных сословий – губернские и уездные дворянские собрания, а также городские думы и управы отдельных городов, занимавшиеся делами различных слоев городского населения. Эти органы были несамостоятельными единицами местной власти и находились в подчинении местной администрации, осуществляя вспомогательные функции. Губернское дворянское собрание выбирало некоторых чиновников, ответственных за общественный порядок, судей низшего звена. Такая система местного управления была введена в 1795 г. и на присоединенных к России землях ВКЛ, где жило более 1,8 млн человек, из которых 1,1 млн – на территории этнографической Литвы. Около 250 тыс. человек проживали в литовском Занеманье. Население Вильны в то время составляло около 25 тыс. человек, что делало его третьим по величине городом Российской империи (хотя он и был почти в 10 раз меньше Санкт-Петербурга и Москвы). Перед отменой крепостного права население Вильны приблизилось к 60 тыс. человек.

Сначала на аннексированных территориях планировалось создать две губернии, однако всего через год они были объединены в одну Литовскую губернию. В 1801 г. эта губерния снова была разделена на две: Литовско-Виленскую и Литовско-Гродненскую губернии, которые

были подчинены учрежденному в том же году генерал-губернаторству. В 1819 г. от Виленской губернии был отделен узкий отрезок литовского побережья – Поланген (Паланга), Свента (Швентойи) и их окрестности – и передан Курляндской губернии.

С историко-этнографической точки зрения почти вся территория Виленской губернии, разделенная на 11 уездов, была литовской. Литовскими были и северные окраины Гродненской губернии. Однако восточные и юго-восточные окраины этой территории уже были охвачены процессом двуязычия и языковой славянизации (белорусификации) с утратой литовского менталитета без формирования белорусского этнического самосознания – жители этих областей просто считали себя местными («тутейшими»). Дело в том, что с прагматической точки зрения местный белорусский говор был удобнее, поскольку позволял понимать и говорящих по-польски панов, и ксендзов, и российских чиновников. Еще большее ускорение этот процесс приобретет во второй половине XIX в., а остановлен будет авторитетными деятелями литовского национального движения, в большинстве своем – католическими священнослужителями.

В 1843 г. из семи уездов северо-западной части Виленской губернии была создана Ковенская губерния с центром в городе Ковна (Каунас), а к Виленской губернии были присоединены три уезда, которые до этого принадлежали Минской и Гродненской губерниям. В итоге царские власти стали считать этнографически литовской только Ковенскую губернию, между тем как Виленскую губернию отнесли к исконно белорусским землям, хотя в западной части Виленской губернии все еще преобладало население с родным литовским языком.

С 30-х гг. XIX в. российская система административно-территориального деления была введена и на польских территориях, включенных в состав Российской империи. Литовское Занеманье принадлежало губернии, которая сначала была названа Августовской, а в 1867 г. переименована в Сувалкскую – это примерно шестая часть территории современной Литвы. До 1807 г. Занеманье принадлежало Пруссии, а с 1807 г. по 1814 г. – Варшавскому герцогству, которое было основано по воле Наполеона Бонапарта и впоследствии по большей части отошло к России, получив официальное название Царства Польского. С формальной политико-административной точки зрения оно не считалось «органичной» частью Российской империи. Хотя политические условия развития большей части этнической Литвы и Занеманья различались между собой, формирование современной нации шло в одном направлении.

Участник восстания 1794 г., автор последнего проекта восстановления ВКЛ князь Михаил Клеофас Огинский. Худ. Ф. К. Фабр, 1805–1806 гг.

Присоединение к России земель, составлявших ядро Великого княжества Литовского, в сущности, никак не изменило положение крестьян. Самым большим несчастьем стала для них рекрутская повинность – 25 лет службы в российской армии (ежегодно в рекруты набиралось 5–7 мужчин подходящего возраста с тысячи душ, в случае войны эта норма удваивалась). Местечки утратили автономию, а их жители стали по большей части крепостными. Губернские центры не утратили самоуправления, а уездным центрам ее вернули. Еврейские общины также пользовались самоуправлением (кагалы) до 1840 г., когда евреи были подчинены общему городскому управлению. Евреям было запрещено заниматься сельским хозяйством, была введена черта оседлости, им не разрешалось селиться в обеих российских столицах, за исключением образованных и высококвалифицированных представителей этой нации.

Конечно, шляхтичи утратили свое государство, но получили права российских дворян и стали привилегированными подданными империи. Имения потеряли совсем немногие, а получить свои земли обратно могли даже бывшие сторонники Т. Костюшко – достаточно было вернуться из эмиграции и присягнуть на верность российскому императору. Одним из таких «возвращенцев» стал крупный помещик, композитор, автор знаменитого полонеза «Прощание с Родиной» (в России больше известного как «Полонез Огинского») Михаил Клеофас Огинский. Дворяне получили самоуправление на губернском и уездном уровне (были сохранены так называемые сеймики, выполнявшие роль вспомогательного аппарата политической власти). В силе остался Литовский статут, польский язык был разрешен к употреблению в местных органах самоуправления, в уездной администрации, в судах нижнего звена, в системе образования, а в Виленском университете как раз в то время произошел переход от преподавания на латинском языке к преподаванию на польском языке. Словом, край приобрел культурную автономию.

Переправа наполеоновской армии через Неман
в походе на Россию 1812 г.
Худ. Жан-Батист Маду, 1827 г.

В начале XIX в. виленская интеллигенция приняла участие в подготовке общероссийской реформы образования, ориентируясь на модель Эдукационной комиссии ПЛГ. В рамках реформы был учрежден огромный Виленский учебный округ, охвативший все бывшие земли ПЛГ, вошедшие в состав России, и 9 млн жителей. Центром учебного округа стал Виленский университет, реорганизованный в 1803 г. в соответствии с популярной европейской университетской моделью и получивший статус Императорского университета. Вплоть до 1824 г. попечителем университета был отпрыск знатного польского рода Адам Ежи Чарторыйский (1770–1861), личный друг императора Александра I, некоторое время занимавший пост министра иностранных дел России. Для А. Е. Чарторыйского Виленский учебный округ был подготовительной частью плана по восстановлению Польского (или Польско-Литовского) государства под покровительством Российской империи. Однако этот план шел вразрез с надеждами тех, кто с конца XVIII в. ориентировался на звезду Наполеона Бонапарта, восходившую на небосклоне послереволюционной Франции.

В 1807 г. на карте Европы появилось Великое герцогство Варшавское – полунезависимое государство под протекторатом наполеоновской Франции, образованное из польских территорий и литовского

Отступление французской армии через Вильну.
Из «Виленского альбома » Я. К. Вильчинского.
Худ. Я. К. Дамель, 1846 г.

Занеманья, ранее отошедших к Пруссии. К 1809 г. это государство самостоятельно отвоевало у Австрии большинство польских земель. В стране был введен Кодекс Наполеона (кодекс гражданского права Франции), крестьяне получили свободу (правда, без права собственности на землю и без права покидать место жительства и свое хозяйство без ведома землевладельца).

В июне 1812 г. Наполеон начал войну с Россией и вскоре подчинил своей власти значительную часть бывших земель ВКЛ. Наполеон позволил учредить в Вильне Временное правительство ВКЛ (под контролем своих чиновников) для поддержания общественного порядка и организации военных подразделений, вступавших в наполеоновскую армию, треть которой составляли полки Варшавского герцогства. В июле 1812 г. в Виленском кафедральном соборе при участии делегации Варшавского герцогства было объявлено о желании Литвы воссоединиться с Польшей и вернуть утраченные земли ВКЛ. Однако Наполеону пришлось отступить из Москвы, потеряв почти всю свою армию. В конце 1812 г. Литву снова заняли российские войска.

Восстание 1830–1831 годов

Хотя литовское дворянство нарушило свою клятву верности Российской империи, Александр I отказался от мести, и все осталось на своих местах – за исключением болезненных последствий для экономики, разрушенной двумя маршами огромных армий всего за полгода.

Когда в 1815 г. решением Венского конгресса из большей части земель Варшавского герцогства, включая литовское Занеманье, было образовано Царство Польское, престол этого государства по праву наследования был передан правящей российской династии. Литовское дворянство выразило желание присоединиться к новому образованию, однако получило отказ от Александра I.

Средоточием всей общественной и культурной жизни на землях исторической Литвы стал Виленский университет, превратившийся в выдающийся центр польской культуры за пределами этнографической Польши. Это было время необыкновенного расцвета университета, когда число студентов возросло с 200 до 1 300 человек, а в университете трудились известные ученые: историк Иоахим Лелевель (1786–1861), философ Ян Снядецкий (1756–1830), химик и биолог Анджей Снядецкий (1768–1838), биологи Людвиг Генрих Боянус и Эдуард Карл Эйхвальд, австрийский клиницист Иоганн Петер Франк и его сын Йозеф Франк – их работы приобрели международную известность. С университетом также связаны и многочисленные периодические издания того времени. После 1812 г. в Литве все большую популярность начинает приобретать масонское движение. В масонские ложи почти поголовно вступала более или менее интеллигентная публика. Самая известная ложа носила название «Ревностный литвин». В университете действовало немало студенческих организаций, чья деятельность была направлена на культурное и нравственное совершенствование, воспитание преданности правде, свободе и

Адам Мицкевич.
Худ. С. Хейман, 1897 г.

отечеству. Среди членов этих организаций был и А. Мицкевич, писавший, находясь в изгнании: «Литва, моя отчизна!»

В 1822 г. в Вильне вышел первый сборник его поэзии, и вскоре стихи А. Мицкевича прославили его на всю Европу.

Хотя эти организации и не плели никаких заговоров, царящая в них атмосфера никак не содействовала духу покорности властям. Царская администрация заинтересовалась их деятельностью и начала расследование, вылившееся в самый крупный по европейским меркам того времени судебный процесс против студентов и учащейся молодежи. К суду было привлечено более 100 человек, из которых двадцать (в том числе и А. Мицкевич) были отправлены в ссылку, остальные забриты в солдаты. Из университета были уволены и политически неблагонадежные преподаватели, в том числе И. Лелевель, а попечитель Виленского учебного округа и Виленского университета А. Е. Чарторыйский был вынужден подать в отставку. Границы Виленского учебного округа были сужены, надзор же со стороны императора Николая I стал еще более пристальным после учреждения тайной полиции.

В конце ноября 1830 г. в Варшаве было совершено покушение на главнокомандующего польской армией, брата императора Николая I, и польскую столицу охватило восстание. Сейм Царства Польского принял постановление о низложении императора Николая I с польского престола и о передаче суверенитета нации, что означало объявление независимости и начало войны с Россией. В Литве восстание вспыхнуло спонтанно после объявления о наборе рекрутов в Жемайтии ранней весной 1831 г. Поэтому в повстанческих отрядах под руководством представителей местного мелкопоместного дворянства было множество (иногда даже большинство) крестьян, в связи с чем в воззваниях на польском и литовском языках выдвигалось и требование об отмене крепостного права. Общего штаба восстания в Литве не было, многие командиры распоряжались в пределах своего уезда, а одно из таких «правительств» даже объявило себя правительством Жемайтии. К маю повстанцы захватили власть почти на всей территории к западу и северу от Вильны.

В июне 1831 г. в Литву по стратегическим соображениям была направлена регулярная армия Царства Польского – около 12,6 тыс. человек под предводительством генерала Антония Гелгуда. Он с легкостью занял Ковну, но на Вильну идти не спешил, поскольку занимался формированием Временного польского правительства на территории Литвы. В конце концов поляки все же решились атаковать Вильну, надеясь, что в городе вспыхнет восстание, однако ничего подобного не

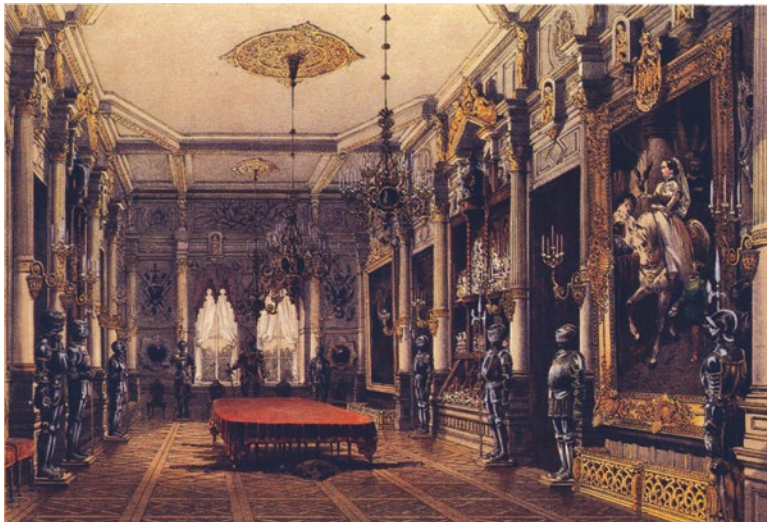
произошло. На подступах к Вильне польская армия и повстанческие отряды были разбиты российскими войсками. Некоторым польским подразделениям удалось прорваться обратно в Польшу, а остатки других частей перешли границу с Пруссией. Осенью Российская империя вернула себе и Царство Польское.

Помимо польской армии, участие в восстании на территории Литвы приняло около 30 тыс. человек. Легендой восстания стала юная графиня Эмилия Плятер-Броэль, сражавшаяся против царских войск в мужской одежде и верхом на коне. Осенью, при отступлении повстанцев вглубь Польши, она заболела и умерла.

Царская власть: «Польши здесь не будет»

После восстания Царство Польское лишилось политической автономии, а на бывших землях ВКЛ царская власть прибегла к политике «искоренения польских начал». Идеологической базой этой политики стала известная еще со времен Ивана Грозного претензия на земли ВКЛ как на якобы законное наследие России по принципу «исторического первенства». После смерти Сигизмунда II Августа и пресечения мужской линии династии Ягеллонов Иван Грозный будто бы имел право на польский престол как ближайший наследник по женской линии. Позиция России подкреплялась утверждением, что ВКЛ до католического крещения своих языческих земель и Кревской унии с Польшей было одним из сильнейших русских государств, которое конкурировало с Москвой за объединение русских земель. Поэтому с течением времени создатели этого государства – этнические литовцы – и сами стали бы русскими, между тем как Люблинская уния сделала ВКЛ не более чем польским владением. Таким образом, «вернув» себе то, что принадлежит ей по пресловутому «праву исторического первенства», Россия якобы вправе, пусть даже и насильственно, «восстановить историческую справедливость». Поэтому царская власть начала уничтожать все, что отличало этот край от остальной России, польский язык был запрещен к употреблению в местных административных органах, в школе вместо него также повсеместно вводился русский язык. Местные дворяне могли занимать посты в местных органах управления только после десяти лет работы в других российских губерниях.

В 1832 г. было принято решение о закрытии Виленского университета – «гнездилище литовского вольнодумства», по словам инициаторов



Реминисценция былых времен – интерьер дворца в Верках.
Из «Виленского альбома» Я. К. Вильчинского.
Худ. Ф. Бенуа, 1848 г.

закрытия. Правда, после этого на базе двух университетских факультетов были созданы две отдельные высшие школы под надзором российского Министерства внутренних дел: Виленская медико-хирургическая академия и Виленская духовная римско-католическая академия. Спустя десять лет в Вильне не останется и их: Духовная академия будет переведена в Санкт-Петербург, а Медико-хирургическая академия закрыта. В 1840 г. был отменен Литовский статут, а судебная система русифицирована. Из названий Виленской и Гродненской губерний было изъято определение *Литовская*, бывшие земли ПЛГ стали считаться Западной Россией, а бывшая территория ВКЛ получила название Северо-Западного края.

Изменился государственный курс и по отношению к церкви. По обвинению в помощи повстанцам было закрыто немало католических монастырей. В 1839 г. была ликвидирована Униатская церковь, а униаты были насильно возвращены в лоно Русской православной церкви. Царские власти пока еще не стремились к полному запрету книгопечатания на польском языке – в 1835–1841 гг. в Вильне на польском языке вышла девятитомная «История литовского народа» военного инженера и историка Теодора Нарбута, посвященная истории Литвы до Люблинской унии. В Вильне продолжали работать продуктивные польские писатели, например патриот Литвы (ВКЛ) Ю. И. Крашевский,

который в 1841–1851 гг. выпускал в Вильне журнал культурно-просветительского характера «Athenaeum».

Отсутствовал также и формальный запрет на литовский язык. В 1841 г. власти дали разрешение на создание при костелах Тельшевской (Жемайтийской) епархии школ, где было разрешено учить детей читать и писать на литовском языке и преподавать им Закон Божий. Кроме того, существовало распоряжение об обучении в этих школах русской азбуке, т. е. власти были склонны трактовать их как подготовительный этап к государственному русскому начальному училищу.

Поражение России в Крымской войне (1853–1856) побудило нового императора Александра II начать подготовку к отмене крепостного права и смягчить национальную политику. Весной 1861 г. император подписал манифест о даровании крепостным людям прав состояния свободных сельских обывателей, а также законодательные акты, регламентировавшие порядок распределения наделов и их обязательного выкупа в собственность. Крестьянскую реформу предполагалось начать через два года. Вскоре в Варшаве и в Вильне поднялась волна патриотических манифестаций, схлынувшая только после введения царскими властями военного положения в конце лета.

В 1862 г. в Царстве Польском и Литве были созданы «красные» организации по подготовке восстания. «Красные» представляли собой демократически настроенную дворянскую молодежь, рассчитывавшую на помощь крестьян, которые, как они надеялись, должны были разочароваться в последствиях крестьянской реформы. Хотя литовские «красные» группировки и выступали за равноправную федерацию с Польшей, некоторые из них видели будущее государство как федерацию трех или даже четырех «наций» (Польша, Литва, Россия; или поляки, литовцы, белорусы и украинцы). В своей пропаганде «красные» на польском, литовском и белорусском языках обещали крестьянам свободу и право собственности на всю обрабатываемую ими землю без всяких выкупов. Они рассчитывали, что с началом крестьянской реформы волнения вспыхнут и на селе в России, а это помешает царской власти бросить в Литву на подавление восстания крупные военные силы. Кроме «красных» в подготовке восстания участвовали и организации «белых», объединявшие в основном крупных помещиков – эти группировки не были склонны к решению крестьянского вопроса, а на восстание смотрели как на возможность оказать давление на императора с целью вернуть Царству Польскому автономию. «Белые» надеялись, что с началом восстания западные великие державы, победители Крымской войны, выступят в этом отношении на их стороне.

Восстание 1863–1864 годов

В конце января 1863 г. был объявлен новый рекрутский набор, под который могли попасть многие заговорщики. «Красным» не оставалось ничего иного, как поднять восстание, хотя подготовка к нему еще не была закончена. Временное национальное правительство вышло из подполья и 22 января объявило о начале восстания. 1 февраля воззвания повстанцев на польском и литовском языках объявили о начале восстания и на бывших территориях ВКЛ. Опасаясь радикализма литовских «красных» группировок, польский штаб доверил командование повстанцами на территории Литвы «белым».

Как и во время первого восстания, большинство повстанческих отрядов сформировались и действовали на территории этнографической Литвы. На этот раз власти были готовы к подавлению восстания – в Виленском военном округе стояла стотысячная российская армия, в 1863 г. увеличенная еще в 1,5 раза – после Крымской войны царская власть не была уверена, что бывшие противники не начнут военных действий на Балтийском побережье. У повстанческих отрядов не было возможности контролировать обширные территории. Весной главнокомандующим повстанческими силами был назначен бывший капитан Генерального штаба российской армии Сигизмунд Сераковский (Зигмантас Серакаускас). Он предпринял попытку сконцентрировать в Ковенской губернии отдельные отряды и создать из них армию, что дало властям возможность обескровить восставших одним ударом. В начале мая под городом Биржи (Биржай) армия Сераковского была разбита, сам он был ранен, попал в плен и вскоре был публично повешен в Вильне. После смерти С. Сераковского военачальником повстанческой армии Ковенской губернии (восставшие называли ее воеводством) был назначен молодой ксендз, ревностный литовец Антанас Мацкявичюс. Повстанцы уже не пытались объединять отряды, а перешли на тактику партизанской войны и разрозненных нападений.

Поскольку Англия и Франция с началом восстания ограничились дипломатическими нотами в адрес России с призывами избегать кровопролития, российское правительство действовало решительно. Виленским генерал-губернатором был назначен Михаил Муравьев, уже обладавший опытом подавления предыдущего восстания. Получив от царя все полномочия, он прибег к демонстративной жестокости и террору. Кроме того, он хитроумно выбил из рук повстанцев крестьянскую карту, добившись благоприятных послаблений для

Известный художник М. Э. Андриолли так изобразил восстание 1863 г. – он сам выносит погибшего соратника с поля боя у дер. Дубичи (5 мая)

крестьянской реформы в Литве и ее проведения без какого-либо согласования с помещиками, которое предусматривалось в законодательных актах 1861 г. Хотя в июле польский штаб вернул «красных» к командованию повстанцами, поставив во главе литовской повстанческой армии Константина Калиновского (Константинас Калинаускас), горячего патриота Литвы и сторонника белорусского национального возрождения, восстание уже пошло на убыль. В конце 1863 г. власти схватили А. Мацкявичюса, затем К. Калиновского и вскоре публично казнили их через повешение.

С военной точки зрения у повстанцев не было ни единого шанса победить, их надежды на крестьянское восстание в России были иллюзорны, а Запад тоже не собирался проливать свою кровь за «польские дела». В боях на территории бывшего ВКЛ погибло более 6 тыс. повстанцев, тогда как потери российской армии составили всего около 320 человек. На каторгу и в ссылку было отправлено 25 тыс. человек, по преимуществу молодых мужчин. Власти конфисковали множество поместий, закрыли католические монастыри и костелы

и пришли к выводу, что настал момент для окончательного решения «польского вопроса».

«Духовное княжество» епископа М. Валанчюса

В конце XVIII в. Великая французская революция породила новую концепцию нации, согласно которой нация как политическое и культурное общество состоит не только из представителей высшего света и образованных людей, но из всех граждан и подданных государства; простой люд составляет основу нации и должен через просвещение приобщаться к высокой культуре. Возникает вопрос: на каком языке следует просвещать народ, чтобы он стал частью нации – на языке этого народа или на языке высшего общества? Большинство дворян не сомневалось, что языком просвещения должен стать язык знати, а простонародный язык может использоваться в народных начальных школах, которые, однако, должны учить всех и языку высокой культуры. Такая установка победила в большинстве стран Западной Европы, ее придерживалась и польская элита бывшего ПЛГ вплоть до самого 1831 г.

Однако в Центральной и Восточной Европе распространение получила позиция Иоганна Готфрида Гердера и других представителей немецкого романтизма, считавших, что национальный дух заключен в народном языке и культуре, что каждый язык и каждая культура являются ценным достоянием всего человечества. Отдельная нация – это все те, кто говорит на одном языке, обладает общей историей и культурой, поэтому народный язык следует развивать и как отдельный язык высокой культуры. Если это будет сделано, то народный язык вскоре станет доминирующим языком высокой культуры, а представителям элиты придется выбирать, остаться ли культурным меньшинством со своим прежним языком или влиться в процесс создания новой культуры.

Сторонники подобных идей появились и в Литве, тем более что некоторые европейские лингвисты уже установили необыкновенную архаичность языка, на котором говорят литовские крестьяне – это был один из архаичнейших, как мы сказали бы сегодня, живых языков индоевропейской языковой семьи. В 1808 г. Варшавское общество друзей науки издало книгу литовского священнослужителя и богослова Франтишека Ксаверия Богуша «О началах народа и языка литовско-

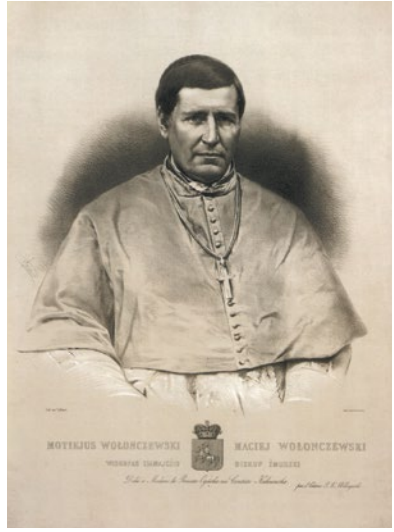
го», в которой впервые прозвучала мысль, что литовский язык может быть самостоятельным языком высокой культуры. Это утверждение подтолкнуло некоторых интеллигентов в Жемайтии начать писать стихи на родном жемайтийском или литовском языке (Дионизас Пошка, Сильвестрас Валюнас). Не менее значительным событием стало издание в 1818 г. в Кёнигсберге поэмы «Времена года» литовского пастора из Малой Литвы Кристионаса Донелайтиса, умершего за несколько десятилетий до этого. Его поэма (с переводом на немецкий язык) увидела свет стараниями известного ученого Людвикаса Резы. Это произведение сразу было признано общественно значимым явлением, произведением высокой художественной ценности.

В Виленском университете тогда же сплотилась группа интеллигентов, происходивших по большей части из Жемайтии (Симонас Даукантас, Симонас Станявичюс и некоторые другие), которые решили целенаправленно работать над созданием произведений высокой культуры на литовском (жемайтийском) языке, а одновременно заниматься просвещением литовского и жемайтийского народов на их родном языке (в то время жемайтов иногда называли отдельным, хотя и родственным литовцам, этносом, но сами себя они считали частью одного двойного литовско-жемайтийского этноса). Эта группа и стала зачинателем литовского национально-культурного движения. В это время был написан и издан новаторский по тем временам букварь на литовском языке (жемайтийском диалекте), поэт Симонас Станявичюс (1799–1848) выпустил сборник поэзии с одой «Слава жемайтов», воспевавшей стойкость жемайтийского (литовского) народа. Это стихотворение стало практически гимном или поэтическим манифестом литовского национального движения. Историк и юрист Симонас Даукантас (1793–1864) в 1822 г. написал первую обширную историю Литвы на литовском языке – среди энтузиастов она распространялась в списках. Позднее С. Даукантас переехал в Санкт-Петербург и устроился на работу в архив российского Сената, чтобы получить доступ к литовским историческим доку-

Симонас Даукантас.
Худ. Й. Зенкявичюс, 1850 г.

ментам, после чего написал на литовском языке еще две фундаментальные книги по истории Литвы, издал обширный беллетризованный труд по литовской народной культуре «Обычаи древних литовцев, аукштайтов и жемайтов», серию просветительских книг для грамотных сельских хозяев. Он составлял словари, даже написал на литовском языке учебник для средних школ.

Именно С. Даукантас уговорил своего земляка Мотеюса Валанчюса (1801–1875), в то время преподавателя Санкт-Петербургской духовной римско-католической академии, переведенной в Россию после закрытия Виленского университета, написать и издать на литовском языке историю Жемайтийской епархии. В 1848 г. эта книга, автор которой в том же году был назначен епископом Тельшевской (Жемайтийской) епархии (утвержден Ватиканом через год), вышла в Вильне на литовско-жемайтийском языке, удивив всех своей необычностью – ведь такие книги было принято издавать исключительно на польском. Если С. Даукантас в своих трудах в духе романтизма восхищался дохристианским прошлым Литвы, то М. Валанчюс – политически прозорливый человек с практическим складом ума – был, несомненно, сторонником европейской католической цивилизации. Свою первую инаугурационную проповедь М. Валанчюс произнес и на литовском, и на польском языках. Литовский (жемайтийский) язык из уст епископа прозвучал под сводами кафедрального собора чуть ли не в первый раз за всю историю Литвы.



Мотеюс Валанчюс. Из «Виленского альбома» Я. К. Вильчинского. Худ. А. Лафосс, 1857 г.

М. Валанчюс требовал от католических священнослужителей изучения народного языка и чтения проповедей по-литовски, прививал им уважительное отношение к литовскоязычным прихожанам, распорядился об открытии литовских школ при костелах. А его епархия в то время включала в себя не только Жемайтию, но значительную часть этнической Литвы. Эти школы стали гораздо более популярны, чем государственные русские училища. В некоторых областях количество грамот-

ного населения возросло до 60 %, что в условиях крепостной деревни представляет просто фантастическую цифру. Более того, в 1858 г. М. Валанчюс, опираясь на распространявшиеся в то время в других католических странах идеи, основал у себя в епархии Общество трезвости. Через несколько лет это движение охватило более 80 % всего католического населения епархии – литовцы бросили пить водку, что сразу привело к повышению их благосостояния, укреплению семей, люди начали тянуться к образованию. Такого размаха движение за трезвость не достигало ни в одной европейской стране.

Успех инициатив М. Валанчюса и сплоченность вокруг него людей начали пугать царскую администрацию, епископа прозвали Жемайтийским князем. М. Валанчюс нигде не высказывался против царской власти, уважительно общался с ее представителями, но в то же время жестко и упорно отстаивал интересы Католической церкви. Он видел, что царская власть не только открыто покровительствует Русской православной церкви, но и стремится укрепить ее позиции в католической среде, причем основной силой в этой борьбе становится простой люд. Это проявится после 1863 г., когда тайно вдохновляемый епископом народ не прельстится обещаниями царских властей и на корню разрушит замысел по русификации края. Люди прислушивались к призывам епископа, потому что он всей своей прежней деятельностью завоевал доверие народа и стал для него близким и непререкаемым авторитетом в полном смысле этого слова. Таким образом, не будучи политиком, епископ М. Валанчюс в XIX в. оказал больше влияния на политические процессы в Литве, чем кто-либо иной. Взращивая верность народа своему языку и культуре, он никогда не высказывался против поляков, свой дневник вел на польском языке и подписывался на польский манер – Волончевский.

В условиях крепостного права ориентированное на народ национально-культурное движение не могло выйти на авансцену культурной и политической жизни общества. Однако представитель второго поколения этого движения, аукштайт, католический священник и поэт, будущий епископ, автор шедевра литовской литературы, поэмы «Аникщяйский бор», Антанас Баранаускас (1835–1902) в 1859 г. написал: «Науки со всех концов света я литовцам принесу, / Сочинения и книги всего мира на литовский я переведу. / Литовцы мудрецами станут, / Всему миру во всех науках путь укажут». Это представление о цивилизованном народе с собственной высокой культурой. Правда, идеалистическое. К сожалению, в европейской истории почти нет примеров искренней поддержки таких целей со

стороны доминирующих политических сил. Хотя до 1863 г. царская власть и заявляла среди своих целей защиту литовских крестьян от полонизации, она в то же время не давала разрешения на издание литовской газеты, отклонила проект М. Валанчюса по созданию литовской средней школы. Кстати, один из рецензентов этого проекта отметил, что «России не станет легче от того, что ее новые упорные враги перестанут говорить по-польски, зато будут издавать свою заговорщицкую литературу, прокламации и подпольные инструкции на жемайтийском языке».

НАРОД ПРЕВРАЩАЕТСЯ В НАЦИЮ

Хотя внутренняя политика Российской империи по отношению к регионам с «инородным» населением и «окраинам» империи тогда еще не была пронизана безоглядным русским национализмом (который станет господствующим принципом внутренней политики империи в царствование Александра III (1881–1894), но оба восстания вызвали волну русского национализма и полонофобии в высших кругах российского общества. В имперской политике решение «польского вопроса» было отдано в руки тех, кто считал, что в этом регионе необходимо действовать силой и не искать консенсуса с местным обществом. Они надеялись изменить саму культурную почву, на которой рос польский сепаратизм, и считали, что этого возможно будет достичь после отмены крепостного права и превращения крестьянства в самостоятельный социальный слой. По их мнению, сепаратизм процветал в первую очередь среди местной шляхты, считавшей себя отдельной политической нацией, тогда как крестьяне не считались членами этой нации – таким образом, русификаторы надеялись на победу и дополнили политику «искоренения польских начал» политикой по «укрепление русской народности».

Политика русификации в 1864–1904 годах

К этой политике и прибег один из ее инициаторов – усмиритель восстания виленский генерал-губернатор М. Муравьев, призвавший для этого в помощь своего старого знакомого Ивана Корнилова, назначенного попечителем Виленского учебного округа.

Аллегорическая композиция «Литовская школа 1864–1904», изображающая обучение родному языку в период запрета на литовскую печать латиницей.
Скульпт. П. Римша, 1906 г.

Программа состояла из комплекса специальных экономических и культурных мер, которые должны были ослабить экономические позиции местных помещиков и обеспечить искоренение из общественной жизни на аннексированных землях ПЛГ (которые теперь официально толковались как «исконные русские земли») польского языка и внедрение русского языка, обретение Русской православной церковью доминирующих позиций, а также включение крестьянских детей в русскую культурную традицию.

К категории «польских начал» была отнесена и Католическая церковь, однако из политических соображений царская власть не могла предпринять прямолинейную акцию по ее ликвидации. Тогда были предприняты различные шаги по ограничению деятельности Католической церкви, дискриминации католиков и по вовлечению католиков в православие. Сторонники политики «укрепления русской народности» разошлись во мнениях по поводу тактики, которую следовало применять в отношении этнических литовцев. Победили те, кто не доверял местным жителям и не поручил им внедрение

«русских начал», в результате чего литовский язык не был допущен в учебные заведения. Насаждать «русские начала» должны были русские учителя, зачастую присланные из российской глубинки. Сначала в большинстве своем это были воспитанники православных духовных семинарий. Кроме того, сторонники этой тактики руководствовались установкой, что литовскому языку со временем все равно суждено исчезнуть – на нем говорит всего пара миллионов человек, нет хоть сколько-нибудь значимой письменности, так что властям не стоит с ним и возиться.

Тем не менее, даже властям было понятно, что обучение русскому языку в литовских деревенских школах, когда учитель не знает литовского языка, будет продвигаться очень медленно, поэтому такому учителю понадобятся двуязычные буквари с переводом русских слов на литовский язык, но не на традиционной для этого языка латинице, а на кириллице. Отсюда и родилась идея о переводе литовского языка с латинской основы на кириллическую. В 1864 г. по распоряжению М. Муравьева традиционная литовская письменность на латинице оказалась под запретом, который был распространен на всю территорию Российской империи и действовал вплоть до весны 1904 г.

На территории Царства Польского речи о полном вытеснении польского языка и культуры из общественной жизни и учебных заведений не было. Русский язык внедрялся в обязательном порядке как средство «сближения поляков с русскими». Предполагалось, что поляки в конце концов перестанут мечтать о восстановлении своего государства и поймут, что жить им, как славянам, под крылом Российской империи гораздо лучше, чем их соотечественникам, попавшим под власть немецких государств. В то же время царские власти использовали стратегическую установку на сближение поляков с русскими для защиты от полонизации непольского населения Царства Польского. В литовском Занеманье учреждались русские училища с преподаванием литовского языка как одной из дисциплин (разумеется, литовский язык изучался по учебникам на кириллице). В качестве необязательного предмета литовский язык был допущен и в несколько средних училищ Занеманья, а в Московском университете было выделено десять государственных стипендий для воспитанников этих училищ с отметкой об изучении литовского языка в аттестате. Так власти надеялись воспитать из литовцев участников российского культурного процесса, протянув связующую нить между литовской и русской культурой.

Российская империя проводила свою политику в Царстве Польском и на аннексированных землях бывшего ПЛГ в течение 40 лет, но «достижения» отличались от запланированных. Хотя во всех уездных центрах и более или менее крупных городах и городках были построены православные храмы, но прихожан в них почти не было. В Вильне было построено и «восстановлено» (в тех местах, где они стояли до XVII в.) около 10 церквей. Этим власти хотели показать, что центр Северо-Западного края – не менее православный, чем католический. Костел Св. Казимира был превращен в православный кафедральный собор, а строительство новых и ремонт старых католических костелов были запрещены. Это особенно возмутившее католиков распоряжение было отозвано царским указом только в конце XIX в., а привлечь к православию сколько-нибудь значительное количество католиков так и не удалось.

В этнических литовских городах появились и очаги русской культуры, которые, однако, остались частью культурной жизни лишь политически господствующего русского меньшинства. Властям не удалось привлечь на свою сторону крестьянство, потому что усилиями епископа М. Валанчюса большинству жителей этнических литовских деревень была дана установка на обучение чтению и письму на родном языке. Когда после восстания 1863–1864 гг. в Литве было позволено открывать только училища с преподаванием на русском языке, епископ через верных ксендзов призывал крестьян не отдавать детей в русские училища, а чтобы те не остались неграмотными, самим создавать в деревнях тайные школы и самостоятельно обучать детей чтению и письму. Такие школы массово распространились по литовским местечкам и деревням и назывались «дарактoрными» (от искаженного слова «директор»), а их учителя – «дарактoрами». Хотя дарактoрные школы преследовались полицией, а дарактoры в случае ареста зачастую отправлялись на несколько лет в ссылку в российскую глубинку, но это никого не остановило – потребность в обучении сформировала соответствующую традицию.

Среди всех европейских областей Российской империи этнические литовские территории выделялись одним из самых низких показателей посещаемости официальных начальных училищ детьми школьного возраста – в конце XIX в. в европейской части Российской империи начальные школы посещало примерно 66 % мальчиков и 18 % девочек, а в Ковенской губернии эти цифры составляли соответственно 21 % и 4 %. Однако Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. показала, что почти половина этнических литовцев (48 %)

умеют читать, хотя только каждый пятый из них умеет читать на русском языке. По уровню грамотности этнические литовцы почти в два раза превышали средний показатель по России и уступали, не считая евреев, только латышам и эстонцам, которые имели право легально учиться на родном языке. Кстати, при подведении итогов переписи специалистов поразило, что в Ковенской губернии уровень грамотности среди женщин был выше, чем среди мужчин: соответственно 55 % и 52 %.

Провалились и планы властей по замене традиционной для литовской письменности латиницы кириллицей. Если бы власти разрешили литовские начальные училища и допустили в них литовских учителей, не применяли бы дискриминационных мер в отношении Католической церкви и не сманивали католиков в православие, то бойкота кириллической азбуки могло и не быть. М. Валанчюс, поняв замысел властей, распространил через ксендзов мысль, что чтение таких навязанных империей книг является грехом. Поэтому их почти никто и не читал. А поскольку литовские книги на кириллице так и не нашли свою аудиторию, то и выпущено их было всего около 60 наименований.

Призывая к бойкотированию навязываемых властями книг, епископ тайно организовал в Восточной Пруссии (Малая Литва) выпуск литовских букварей и нелегальное их распространение в Литве. Так сформировалась устойчивая традиция «контрабандного книгоношества», и к концу XIX в. количество книг на литовском языке, доставленных в Литву из Восточной Пруссии и нелегально распространяемых книгоношами, постоянно увеличивалось. Хотя власти и жандармы ловили и наказывали книгонош еще жестче, чем учителей тайных школ, но это не остановило поток литовских книг в Литву. В период запрета на литовскую

Книгоноша.
Скульпт. Ю. Зикарас, 1939 г.

печать в Восточной Пруссии для распространения в Большой Литве было издано более 1 800 наименований литовских книг общим тиражом в 6 млн экземпляров. Большую часть этих книг составляла религиозная литература и буквари, а к концу века стало увеличиваться и число научно-популярных, политических и художественных произведений.

Властям не удалось также ослабить позиции польского языка и польской культуры на территории бывшего ВКЛ – Российская империя не достигла тут желаемых целей. Социальная база империи в этом регионе или в большей его части не укрепилась, но, вполне вероятно, данная политика оказала определенное влияние на то, что традиция былой государственности ПЛГ уже не соотносилась с новыми нациями, появлявшимися на пространстве этого бывшего государства.

Гимн «Литовцами мы родились»

Через 20 лет после восстания 1863 г. литовское национальное движение снова возродилось. Его воскресили разночинцы, воспитанники российских высших учебных заведений, зачастую родом из Занеманья. Хотя сначала они и придерживались так называемых униатских взглядов, т. е. идеи общего Польско-Литовского государства, но при виде успешного развития национальных движений латышей и эстонцев, чехов или болгар (которые, правда, действовали почти легально) литовская интеллигенция не могла не задуматься над вопросом особенно несправедливого отношения властей к этническим литовцам. А борьба за справедливость – дело чести для интеллигента.

Итак, в 1883 г. группа интеллигентов начала выпускать в Восточной Пруссии первое предназначенное для Большой Литвы периодическое издание на литовском языке и на традиционной латинице – ежемесячник «Аушра» («Заря»). Первым его редактором стал Йонас Басанавичюс (1851–1927). Он был родом из Занеманья, окончил Медицинский факультет Московского университета, очень интересовался индоевропейскими и балтийскими древностями и литовской культурой и на тот момент проживал в Праге. Тайно издаваемый и нелегально распространяемый ежемесячник стал новым средством привлечения сил к делу национального возрождения и находился в оппозиции к официальной власти, требуя признать за этническими литовцами хотя бы такие же культурные и образовательные возможности и условия, какими в Российской империи располагали латыши и эстонцы. Хотя ежемесячник уделял повышенное внимание литовской истории, вместе

с тем он отмежевывался от традиций Люблинской унии. Как заветная мечта высказывалась идея о независимой Литве – прежде всего как о государстве людей, говорящих на литовском языке.

Эта идея высекла искру под ядерным зарядом литовского национального менталитета. Хотя через три года журнал «Аушра» закрылся из-за внутренних идейных разногласий и финансовых трудностей, ряды продолжателей дела по воспитанию литовского самосознания продолжали расти, стали выходить и новые периодические издания на литовском языке. В 1889–1890 гг. литовское национальное движение и печать разделились на два направления: секуляризированное – либеральное и католическое – консервативное. В 1889 г. идеи журнала «Аушра» подхватил журнал «Варпас» («Колокол»), основанный варшавским обществом литовских студентов «Литва».

Его бессменным редактором до самой своей смерти был врач Винцас Кудирка (1858–1899), который, по его признанию, едва не стал поляком, и лишь попавший ему в руки номер ежемесячника «Аушра» вскоре изменил его образ мыслей, заставив «почувствовать себя литовцем». В. Кудирка был поэтом, написал стихотворение «Национальная песнь» и положил его на музыку – впоследствии это произведение станет гимном Литвы. Журнал «Варпас» придерживался либерально-демократических позиций, иногда с уклоном в социал-демократию, на его страницах обсуждались вопросы политического устройства, критиковался царский режим и культурная политика, шло формирование общенационального литовского литературного языка. В нем публиковалась качественная художественная литература, поэзия – как оригинальная, так и переводная, научно-популярные статьи. В той же редакции издавалась и крестьянская газета «Укининкас» («Сельский хозяин»).

Патриарх литовской нации д-р Йонас Басанавичюс

Печать католической направленности уделяла основное внимание вопросам сопротивления политике русификации, но, в соответствии с общей церковной

доктриной, занимала лояльные позиции по отношению к царской власти. Самым популярным католическим изданием стал «Тевинес саргас» («Страж Отчизны»), чьим *spiritus movens* был тогда еще молодой ксендз Юозас Тумас (Вайжгантас), позднее ставший известным писателем, воплощением толерантности и благожелательности.

Свое издание на литовском и польском языках выпускала и первая политическая партия, связанная с литовским национальным движением, – Литовская партия социал-демократов, созданная в 1896 г. В свою программу она включила стремление к суверенному Литовскому государству, связанному узами свободной федерации (т. е. конфедерации) с соседними странами.

Огромное влияние на развитие национального самосознания, на так называемое «национальное крещение» широких народных масс литовскоязычного крестьянства, т. е. на их осознание себя не только членами народа, но и нации, оказало творчество польских романтиков (А. Мицкевича, Ю. Крашевского), а самой романтичной, напевной, лиричной и по-своему боевой была поэзия ксендза Йонаса Мачюлиса-Майрониса на литовском языке. Когда в 1895 г. были изданы книги Майрониса «Весенние голоса» и «Молодая Литва», его стихи сразу же превратились в народные песни. Национальное самосознание пробуждали стихи и сатирические рассказы В. Кудирки, метко высмеивающие царских чиновников, и сочная реалистическая социальная проза Юлии Жимантене-Жемайте – писательницы, происходившей из обедневшего дворянского рода. В нелегальной литовской печати публиковались художественные произведения других народов, в первую очередь соседних, особенно творчество литовских патриотов первой половины XIX в., писавших на польском языке.

По данным переписи населения 1897 г., число жителей на территориях, приблизительно соответствующих территории современной Литвы (за исключением Мемельского края) достигало примерно 2,7 млн человек. Около 1,6 млн (58 %) из них были этнические литовцы (к литовцам себя относили и около 28 % дворян – тогда дворянство составляло 5,3 % всех жителей края), 13 % – евреи, 10 % – поляки, 15 % – белорусы, русские и украинцы вместе взятые. В городах жило около 13 % населения. Среди городского населения самую многочисленную этническую группу составляли евреи – около 42 %, далее шли поляки – около 24 %, потом литовцы – 8 %. Хотя в то время уже наблюдалось проникновение литовцев в торговлю, предпринимательство, производство, но в отдельных областях достижения еще были скромными – литовских купцов, например, было всего 14,

тогда как еврейских – 3 853. В Вильне в то время проживало 155 тыс. человек (перед Первой мировой войной – уже 200 тыс. жителей), в Ковне – более 70 тыс. человек.

Абсолютное большинство населения составляли крестьяне, около 26 тыс. литовцев работало на промышленных предприятиях и занималось ремеслами, к интеллигенции условно было отнесено около 5 тыс. литовцев: ксендзы, учителя, врачи, служащие, дворяне – вот та часть литовского просвещенного общества, которая прокладывала литовцам дорогу к превращению в современную нацию. В середине XIX в. экономическое развитие ускорилось: появились первые телеграфные линии, по Неману были пущены пароходы. В шестидесятых-семидесятых годах XIX в. через Литву прошли железнодорожные линии Санкт-Петербург – Варшава (позднее была проложена ветка в Кёнигсберг через Ковну), Либава – Ромны. В восьмидесятых годах XIX в. были проложены первые телефонные линии, а в начале XX в. появились и первые автомобили. Тысячи литовцев двинулись на заработки в Ригу, Санкт-Петербург, Одессу, но самая массовая экономическая эмиграция с 1868 г. шла в США. В 1910 г. в США (Пенсильвании, Чикаго, Нью-Йорке) проживало 207 тыс. литовцев, которые свободно и беспрепятственно учреждали свои печатные издания, общества и организации, выражавшие социалистические и христианско-демократические идеи (первая местная литовская газета в США вышла в 1879 г.), развивали художественную самодеятельность, создавали хоры. Американские литовцы финансово поддерживали культурную жизнь Литвы, готовили политические акции, чтобы обратить внимание на национальные притеснения в Российской империи.

В конце века немецкий политик, ученый, полиглот сорбского (серболужицкого) происхождения Георг Зауэрвайн, защитник литовского языка в Восточной Пруссии, написал гимн Малой Литвы с такими словами: «Литовцами мы родились, / Литовцами хотим мы быть. / Та честь дана нам от рожденья / Ее не можем погубить». Гимн немедленно стал популярным и в Большой Литве, так что теперь литовцы по обе стороны Немана распевали его в твердой уверенности, что теперь они уже точно не пропадут.

Другая Литва стремится к автономии

В начале XX в. литовское национальное движение продолжало нелегально ширить свою культурную деятельность и достигло значительных побед. Теперь уже не единичные произведения, а культура на литовском языке в целом почти достигла порога высокой культуры и уже удовлетворяла минимальные культурные потребности цивилизованной нации. Сформировалась сравнительно многочисленная интеллигенция, работавшая во многих областях науки, искусства и просвещения. Сложилась относительно большая группа литовских политиков, действующих на общественных началах, создавались политические партии европейского типа. В письменности закрепился общенациональный литературный язык. Даже российская печать признавала, что по своей силе литовское национальное движение стоит на третьем месте в империи – после польского и еврейского.

На формирование литовского национального самосознания немалое влияние оказали два события. Во-первых, это прогремевшие на всю Европу волнения в местечке Крожи (Кражяй) в 1893 г., когда конные казаки штурмовали местный костел и его защитников – простых прихожан. Казаки оставили после себя раненых и убитых, изнасилованных женщин – недаром люди назвали это «Крожской резней». Жестокое поведение властей вызвало гнев и в трезвомыслящих кругах российского общества, ноту протеста в Россию направил и Ватикан. На защиту горожан, арестованных за сопротивление властям, встали известные адвокаты, поэтому приговоры были не слишком строгими. Вторым событием стало участие литовцев во Всемирной парижской выставке 1900 г. Впервые в этнографическом павильоне этой выставки литовцы вместе со своими соотечественниками из Малой Литвы и при весомой поддержке американских литовцев представили экспозицию литовских народных костюмов, сельскохозяйственных орудий, других предметов и, самое важное, – образцов литовской печати, тайно издаваемой в Пруссии. Тем самым миру была отправлена весть о запрете литовского (латинского) алфавита в Российской империи и о существовании такой страны, как Литва.

Литовское национальное возрождение, считавшее своим врагом царский режим, вскоре нашло еще одного противника – польских полонизаторов. Уже не раз публичная литовская речь, требования об отправлении богослужений на литовском языке вызывали противо-

действие со стороны польскоязычного населения. Помещики, защищаясь от «литвомании», все больше отдалялись от литовскоязычных сельских жителей, а католические священнослужители, еще не определившиеся со своей национальной принадлежностью, уже серьезно боролись с литовскими веяниями. В 1906 г. ксендз Адомас Якштас-Дамбраускас издал на польском языке книгу с изложением целей и программы юного литовского поколения, чтобы молодые литовские дворяне дали наконец четкий ответ, кто же они такие – литовцы или поляки. В книге содержался призыв к литовским дворянам осознать себя литовцами, не лицемерить в вопросе своей национальности, говорить и молиться по-литовски, любить свою страну, трудиться для ее блага, вести ее вперед, заниматься просвещением и благосостоянием простого люда, иными словами – быть солью земли. Виленские поляки ответили на предложение о сотрудничестве брошюрой д-ра Людвика Чарковского «Никогда», которая еще больше обострила отношения между поляками и литовцами. Большинство польской шляхты вообще не поняло устремлений литовцев, а сотрудничать с ними считало для себя бесчестьем.

По мере назревания революционной ситуации по всей России царские власти были вынуждены идти на уступки. Крупнейшей победой литовского национального движения до сих пор считается отмена запрета литовской печати на латинице (весна 1904 г.). Как только запрет был снят, в Литве тут же появились и легальные литовские издания.

В начале 1905 г. в российской столице произошла первая социально-демократическая революция, которая не замедлила достичь и литовских городов. Начались стачки, демонстрации, митинги. Их организаторами чаще всего были местные отделы российских, а также польских социалистических партий. Литовская социал-демократическая партия начала агитацию в небольших городах и деревнях. Весна и лето ознаменовались массовым появлением различных профессиональных организаций, чаще всего по национальному признаку. Осенью начались волнения в литовских деревнях, крестьяне прогоняли из волостей государственных писарей, в начальных училищах русские учителя заменялись литовскими.

После выхода в свет Октябрьского манифеста (конец октября 1905 г.) царя Николая II, испугавшегося размаха революционной волны по всей России и пообещавшего признать основные демократические свободы и организовать выборы в Государственную думу, литовские деятели решили легально созвать в Вильне большой съезд литовцев со всех уголков Литвы. Инициатором съезда стал

Й. Басанавичюс, вернувшийся к тому времени из Болгарии, где он находился в эмиграции. Получив разрешение властей, съезд, который впоследствии был назван Великим Вильнюсским Сеймом, прошел 4–5 декабря в Городском зале. На него собралось около 2 тыс. депутатов почти из всех этнографических регионов Литвы, здесь были представлены все социальные слои общества, все политические течения и тенденции. На съезд прибыли даже депутаты из отдаленных белорусских волостей и представители польскоязычной шляхты, делегаты Польской социалистической партии в Литве. Кульминационным моментом съезда стало утверждение резолюции о предоставлении Литве политической автономии. Резолюция требовала предоставить Литве автономию, позволить ей учредить в Вильнюсе собственный Сейм, избираемый на основании свободного голосования. В резолюции указывались и границы автономии – этнографические литовские земли, включая принадлежащее Царству Польскому Занеманье, или Сувалкию, а также земли, которые экономически и географически тяготеют к Вильнюсу.

В других резолюциях народ призывали отказаться от уплаты государственных налогов, уклоняться от службы в царской армии, учреждать органы местного самоуправления – все это побудило литовские деревни и местечки полностью перенять в свои руки волостные управы. Зимой многие литовские села перешли под управление местного населения. Однако революционная волна постепенно схлынула, и уже весной 1906 г. царские власти при помощи казаков и армии восстановили прежний порядок, правда, в несколько откорректированном виде. В Санкт-Петербурге, естественно, никто серьезно не рассматривал резолюцию о предоставлении Литве политической автономии.

Литва после 1905 года: культурная борьба

Хотя после революции в России и появился орган представительской власти – парламент, состоящий из Государственного совета и Государственной думы, но выборы в него не были демократическими, а царь, хоть и поделился с ним законодательной властью, но всю исполнительную власть и право принятия конституционных законов сохранил за собой. На выборах в Думу литовцы, объединившись с евреями против помещиков и польскоязычных политиков, выбрали своих первых парламентариев, по большей части социал-демократов. Не изменилась и модель местного самоуправления. В Литве так и не было

учреждено органов местного самоуправления, так называемых земств, которые могли бы дополнить эту модель, между тем как в самой России земства появились еще в 1864 г. При рассмотрении в Государственной думе вопроса о политической автономии Польши литовские деятели высказали мысль, что в таком случае от Польши следовало бы отделить литовские территории, т. е. Занеманье, которое теперь все чаще называли Сувалкией (поскольку основная его часть входила в Сувалкскую губернию). Однако Дума не утвердила проект автономии Царства Польского.

В Российской империи бывшие территории ВКЛ продолжали носить название Северо-Западного края и трактоваться как исконные русские земли. А это означало, что поляки, литовцы, евреи считались не более чем национальными меньшинствами этого региона, которым дозволяется заниматься своей культурной деятельностью постольку, поскольку с точки зрения царской администрации она не противоречит интересам империи. Государственная система образования все еще оставалась русской, хотя в государственных училищах, в том числе и в средних, было разрешено преподавание литовского и польского языков в качестве отдельных предметов (в средних школах – не обязательных). Литовцам и полякам уже не запрещалось работать учителями, более того, школы было позволено открывать и частным лицам, и общественным организациям – в таких школах преподавание можно было вести как на литовском, так и на польском языках. Больше всего (около 70) таких начальных училищ с литовским языком обучения основали католические общества. В Занеманье действовала и частная женская гимназия с литовским языком обучения. В деревнях детей продолжали обучать чтению, письму и счету небольшими группами на дому – власти больше этого не запрещали.

После революции, с исчезновением возможностей получения для Литвы политической автономии литовские (как, кстати, и польские) деятели сосредоточились на культурной работе среди широких слоев населения, политически ориентированных на идею собственной государственности. Предполагалось, что рано или поздно в Литве могут сложиться условия для конкретной политической борьбы за реализацию этой идеи, что связывалось либо с новой революцией в России, либо с войной в Европе.

На уровне пропаганды шла конкурентная борьба между политическими группировками различной идеологической направленности (нередко называвшими себя партиями). Они действовали отдельно от имени литовского или польского сообществ, которые в той или иной

степени стояли на позициях литовского либо польского этнолингвистического национализма и *a priori* считали цели противной стороны враждебными и незаконными по своей сути. Такой позицией не руководствовались только нелегальные крайние левые организации, ориентировавшиеся на коммунистическую революцию и так называемый пролетарский интернационализм, но не обладавшие никаким влиянием в этом регионе, горстка интеллектуалов, да не слишком многочисленное демократическое течение «крайовцев», лелеявших мысль о государственности ВКЛ. Они пропагандировали идею автономной Литвы в исторических границах ВКЛ как государственного мультикультурного объединения литовской, польской, белорусской, в определенном смысле и еврейской наций, где первые три языка обладали бы государственным статусом. Если бы это образование стало независимым государством, оно могло бы вступить с Польшей в союз по типу конфедерации или равноправной федерации. Но литовцам крайовцы казались поляками, а польским националистам – «ненастоящими» или «совершенно неверно» мыслящими поляками. В тех исторических обстоятельствах установки крайовцев были сложно осуществимы из-за взаимных фобий.

Среди литовских группировок наиболее устойчивые позиции были у христианских демократов, в большинстве своем состоявших из представителей католического духовенства, примкнувших к литовскому национальному движению. Они могли действовать через Церковь, католические культурные и образовательные учреждения, многочисленные печатные издания. Наибольшее внимание они уделяли развитию литовской культурной и общественной деятельности в соответствии с католической доктриной. Вместе с группой будущих таутининков (лит. *tautininkai* «националисты»), сплотившихся вокруг журнала «Вильтис» («Надежда») под редакцией Антанаса Сметоны, они боролись за права литовского языка в костелах Виленской епархии. Нередко эта борьба выливалась в настоящие сражения между поляками и литовцами. В епархии преобладали польские христианские демократы, опиравшиеся на польскую националистическую доктрину, видевшие польское государство в как можно более широких границах бывшего ПЛГ и стремившиеся к усилению позиций польского патриотизма и польского языка. Христианские демократы демонстрировали лояльность по отношению к империи, благодаря чему царская администрация не слишком препятствовала их деятельности.

Одним из самых серьезных конкурентов христианских демократов в литовском национальном движении была либеральная Литовская демо-

кратическая партия, образованная на основе организации, издававшей в 1902 г. журнал «Варпас» («Колокол»). Эти интеллектуалы пропагандировали принцип отделения Церкви от государства. Идеалом их политической программы была независимая демократическая Литовская Республика в границах исторических и этнографических литовских земель, «со справедливым распределением богатств», связанная с соседними демократическими странами федеративными отношениями. Демократы выпускали нелегальные издания, сотрудничали с литовскими социал-демократами и даже попытались через масонские ложи договориться о перспективах будущей государственности с польскими общественными деятелями-масонами, но общего языка так и не нашли.

СДПЛ (Социал-демократическая партия Литвы) – старейшая литовская партия, связанная с общими идеалами литовского национального движения, после революции утратила популярность в обществе и сильнее всех пострадала от репрессий со стороны царских властей. Социал-демократы, поддерживая идею независимости Литвы, высказывались за социальные реформы, равноправие литовского и польского языков в Литве.

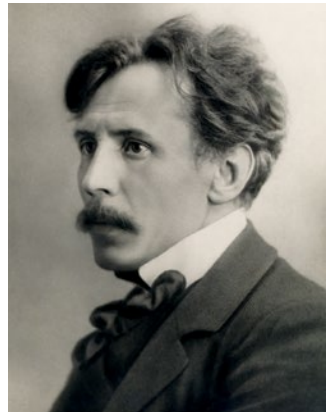
На территории Литвы действовало также множество общественных и культурных организаций, были открыты отделения почти всех польских политических партий. Активнее всех свою деятельность здесь развила Польская национал-демократическая партия во главе с польским национальным лидером Романом Дмовским, идеологом польского «органичного» национализма. В воображаемом национал-демократами Польском государстве (или в автономной Польше в составе Российской империи) литовцам отводилась роль этнического культурного меньшинства. От позиции национал-демократов не слишком отличались и воззрения польских христианских демократов. Иных взглядов на перспективы Литвы придерживалась Польская социалистическая партия под руководством Юзефа Пилсудского, выходца из этнической Литвы. Соратники Ю. Пилсудского были прежде всего сторонниками решительной борьбы с Россией, включая террористические акты. Сам Ю. Пилсудский был приверженцем идеи возрождения бывшего Польско-Литовского государства. Его двойственную структуру он представлял себе как федерацию, а саму Литву предполагал разделить на три части – западную – с основным литовским населением, центральную – с основным польским населением (Вильно и Гродно), и восточную – с белорусским населением (Минск), где было бы место и белорусскому языку. Конечно, во всей этой тройственной Литве польский язык обладал бы официальным статусом. Ю. Пилсудский не

Участники съезда Литовского научного общества в Вильне в 1912 г. В первом ряду слева направо: языковед Йонас Яблонскис, писательница Юлия Жимантене-Жемайте, Пятрас Кряучюнас, д-р Йонас Басанавичюс, Людвика Диджюлене-Жмона и др. Фото А. Юрашайтиса

был сторонником языковой полонизации, но не воспринимал серьезно стремление литовцев создать независимую Литву на исторических литовских землях, тем более что на окраинах этих земель литовский язык уже начинал утрачивать свои позиции, хотя именно эти территории и были его родиной. Кроме того, самую крупную национальную группу в городах этнографической Литвы составляли евреи, а после 1905 г. на городских улицах польский язык потеснил русский, отодвинув его на второе место.

Польские и литовские культурные организации работали в Литве на равных началах. В 1905 г. литовская и польская интеллигенция совместно попытались добиться восстановления Виленского университета и введения в нем преподавания на трех языках, но эти попытки оказались безуспешными. Тогда в Литве было учреждено Литовское научное общество, занимавшееся развитием литовского национального движения, и Виленское общество друзей науки, сплотившее вокруг себя польскоязычных деятелей. Инициатором и председателем Литовского научного общества был Й. Басанавичюс, который уже тогда в обществе считался патриархом литовской нации. Обе научных организации занимались историческими изысканиями, наследием ВКЛ, но Литовское научное общество больше ориентировалось на исследования в области литовского языка и этнической культуры, подготовку

учебников для литовских школ. Оба общества выпускали научные периодические издания и, кстати, оба общества являлись коллективными членами друг друга.



Микалоюс Константинас Чюрлёнис. Фото С. Ф. Флёри, 1908 г.

В области развития декоративно-прикладного и изобразительного искусства и архитектуры общества также шли параллельными путями. Литовцы первыми основали в Вильне Литовское художественное общество, начали проводить публичные художественные выставки, но вскоре от него откололись некоторые местные художники, не желавшие отождествлять себя с целями литовского национального возрождения – они создали отдельное Виленское художественное общество. Некоторым художникам было сложно принять решение о членстве в конкретном обществе, хотя никто не запрещал вступать сразу в оба. Именно так в свое время поступил и Микалоюс Константинас Чюрлёнис (1875–1911), самый известный в современном мире литовский художник и композитор, получивший музыкальное и художественное образование в Варшаве и Лейпциге. М. К. Чюрлёнис вышел из этнической литовской среды, но до определенного момента плохо знал литовский язык. Однако он выбрал Литву.

Литовская литература в этот период поднялась на новые высоты, произведения на литовском языке соответствовали и интеллектуальным, и художественным потребностям развитого ума. Цели, сформулированные епископом Антанасом Баранаускасом, уже казались вполне достижимыми для литовской нации, зарождающейся на этнической основе, особенно если появилось бы государство, которое сделало бы эти цели частью своей культурной политики. Словно в «благодарность» полякам, которые в своих планах по восстановлению государственности отводили литовцам роль национального меньшинства, литовцы в своих планах по созданию Литовского государства также предусмотрели польское национальное меньшинство. Все это осложняло диалог между двумя нациями. В начале 1914 г. еще никто не задумывался, что всего через несколько лет придется приниматься за осуществление мечтаний и делать выбор уже не между разноязычными организациями, а между польским или литовским паспортом.

Раздел IV

ВОССТАНОВЛЕНИЕ ЛИТОВСКОГО ГОСУДАРСТВА

Среди всех европейских языков литовский язык обладает наибольшим числом уменьшительно-ласкательных форм, их в нем больше, чем в испанском или итальянском языках, даже больше, чем в русском, и эти формы могут бесконечно множиться путем добавления их к глаголам и наречиям точно так же, как к прилагательным и существительным. Если бы ценность нации в общечеловеческом масштабе измерялась по красоте ее языка, то литовская нация заняла бы первое место среди всех европейских народов.

БЕНДЖАМИН У. ДУАЙТ.
Современная филология

В начале XX в. о существовании литовской нации хорошо знали лишь маститые лингвисты, отмечавшие своеобразие литовского языка и ценность сохраненных им архаичных форм индоевропейского языка для сравнительного языкознания. Часть поляков считала литовское национальное движение проектом российской имперской политики, направленным исключительно на раскол и ослабление польских сил. Позднее они точно так же будут считать попытки восстановления государственности Литвы лишь происками Германии. Первая мировая война принесла с собой возможность независимости, и перед литовцами тут же встала дилемма – к какой Литве им стремиться? К крупной многоязычной державе наподобие ВКЛ или к небольшому, но чисто литовскому государству как к высшему духовному благу? Кроме того, необходимо было решить, как поступить с планами относительно ВКЛ и Речи Посполитой Обоих Народов, как сконструировать *modus vivendi* с поляками, которые не понимали и не признавали стремления литовцев к суверенитету.

В XX в. Литва попробует подняться как новое государство, исторически связанное с ВКЛ, но поскольку эти связи не давали Литве никаких дополнительных преимуществ, было принято решение о возрождении государства по этнографическому принципу – Литва

Литовская территориальная мечта: *Lituania Propria*.
Карта из книги Йонаса Жилюса «Рубежи Литвы» (Париж, 1920 г.)

с литовскоязычным населением. Как и соседняя Польша, да и большинство других европейских стран того периода, Литва была образована как современное мононациональное государство, и совершенно непонятно, как она могла бы выглядеть, будь она восстановлена в соответствии с государственной традицией – т. е. в исторических границах, поскольку даже в 1795 г. определение государственной модели представляло большую сложность по одной причине – границы исконной Литвы, собственно Литвы («Lituania Propria»), уже не совпадали с этнографическими границами, а полная интеграция уже только белорусско- и польскоязычного населения, проживавшего на востоке страны, представлялась невыполнимой задачей.

БОРЬБА ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ

Планы Литвы: от автономии к независимости

Выстрелы в австрийского эрцгерцога Франца Фердинанда, прогремевшие в Сараево 28 июня 1914 г., перевели две огромные коалиции в состояние войны и одновременно дали новый толчок европейским национальным движениям. Германия и Австро-Венгрия начали войну против Антанты – Франции, Великобритании и России. Как только Россия поставила на повестку дня решение вопроса с польскими территориями, которые были разделены между тремя империями, литовцы содрогнулись: неужели полякам будут отданы литовцы Сувалкской губернии? И тогда в июле 1914 г. в Вильне Й. Басанавичюс, Стасис Шилингас и Донатас Малинаускас составили так называемую Янтарную декларацию, которая была оглашена в российской Государственной думе 4 августа того же года. В декларации говорилось, что после победы в войне литовцы хотят объединить две Литвы по обе стороны Немана – Большую и Малую (Восточную Пруссию) и получить для объединенной Литвы автономию в российской семье народов. Россия промолчала. Немцы ответили на декларацию уже 1 августа – в прусском ландтаге литовский парламентарий Вилюс (Вильгельм) Гайгалайтис от имени литовцев заявил о надеждах на присоединение Большой Литвы к Германии… Идея литовской автономии пробивала себе дорогу не только в Европе – в сентябре Литовский католический сейм в Чикаго (США) поддержал автономию Литвы. Акция стала скоординированной, и множество литовских деятелей заявили об этнополитическом отделении литовцев и выдвинули

вопрос о статусе Литвы, используя козырь Малой Литвы, чтобы поднять проблему на международный уровень.

Следующий этап формирования государства начинается с момента оккупации разоренной после войны Литвы. Весной 1915 г. немецкая армия без боя заняла стратегически важную Ковенскую крепость, а 15 сентября немцы уже вступили в Вильну – так древняя территория Польско-Литовского государства, при разделах отошедшая к России, оказалась под контролем немецкой и австрийской армий. На этой территории проживали поляки, литовцы, латыши и белорусы. Немцы, которые поначалу плохо ориентировались в местной ситуации, распространили в Вильне воззвание, именуя город «красивейшей жемчужиной Польского королевства». Это вызвало протесты со стороны литовского населения, и немцы были вынуждены сорвать свои листовки. Но через полгода немцы уже полностью осознавали, где находятся.

Рейхсканцлер Германской империи Теобальд фон Бетман-Гольвег в апреле 1916 г. заявил в рейхстаге, что Германия не собирается возвращать России территории от Балтийского моря до волынских болот, вне зависимости от того, кто там живет – поляки, литовцы, немцы или латыши. Складывающееся положение вещей не могло не интересовать литовцев, а резолюции воюющих сторон по польскому вопросу дали возможность при помощи Германии поднять и литовский вопрос. Немцы объявили, что литовские территории были оккупированы Россией, поэтому после стабилизации фронта в 1915 г. учредили военную администрацию под названием Обер-Ост (от нем. *Oberbefehlshaber Ost* – Верховное командование германскими вооруженными силами на восточном фронте). Формально Обер-Остом руководили генералы Пауль фон Гинденбург и Эрих фон Людендорф, которые направили все ресурсы оккупированной страны на нужды немецкой армии. Край был поделен на округа, чьи границы постоянно менялись. В 1916 г. Литовский округ (с центром в Ковне) был объединен с Виленским округом, а в 1918 г. было учреждено Литовское военное управление (*Militaerverwaltung Litauen*). Удивительнее всего, что на карте контур территории Обер-Оста, протянувшейся далеко на юг, почти в точности совпадал с границами ВКЛ 1793–1795 гг., когда, по словам А. Сметоны, оно «перестало быть государством».

В связи с оккупацией часть литовской интеллигенции эмигрировала в Санкт-Петербург, но многие остались в Вильне и Ковне. Они понимали, что Германия планирует аннексировать, колонизировать и германизировать занятые ею территории. На следующем этапе войны эти планы преобразились в более хитроумные попытки создания формально

независимого государства с местной администрацией, в действительности подчинявшейся Германии. Для осуществления этого замысла Обер-Осту требовались литовские голоса. Плюралистическое литовское политическое сообщество, разделенное на партии и общественные движения, условно можно назвать двунаправленным: его радикальную часть составляли социал-демократическая и демократическая партии, а консервативную – таутининки (лит. *tautininkas* «националист») и христианские демократы. Эти два лагеря не были монолитными, поскольку между ними существовали различные переходные группировки, включавшие в себя и другие политические элементы.

Оба лагеря отстаивали право наций на самоопределение и историческую традицию государственной независимости Литвы, а их территориальные устремления были практически одинаковыми – исконные этнические литовские земли Виленской, Ковенской, Сувалкской и Гродненской губерний, часть Курляндской губернии. Поскольку последствия существования общего Польско-Литовского государства все еще были живы, давая о себе знать в виде польскоязычных литовцев, все более склоняющихся к польской культурной орбите и идее польской государственности и не собирающихся возвращаться к литовским истокам, в обществе постепенно выкристаллизовалось стремление к независимой Литве, стоящей на этнографическом фундаменте. Создатели литовскоязычной Литвы не предлагали польскоязычному населению никаких дополнительных привилегий, за исключением права остаться национальным меньшинством, поскольку вряд ли шляхетские привилегии были бы одобрены большинством литовцев. Хотя некоторые помещики «старолитовцы» и поддержали литовские планы, большинство все же уповало на Польшу – Ю. Пилсудский, глава Польской Республики в послевоенный период, происходил из литовского дворянского рода и называл себя литовцем, литовский помещик Габриэль Нарутович стал президентом Польши, а его брат Станисловас Нарутавичюс – одним из основателей независимой Литвы, членом Литовской Тарибы (Совета Литвы).

Продолжительные дискуссии о будущем Литвы, поиск политических компромиссов с поляками оказались бесплодными, между тем как военный колониальный режим Обер-Оста продолжал обирать народ – немецкие власти изымали у крестьян продовольствие, ввели высокие налоги и тяжелые повинности, вывезли промышленные предприятия в Германию, а в школах начали германизацию (литовцы открыли около тысячи школ и учительских курсов, но военная администрация сделала немецкий язык обязательным предметом, а назначенные сверху учителя – немцы-лютеране – по-солдафонски примитивно учили детей

славить кайзера). Передвижение между округами было ограничено, почтовая корреспонденция на литовском языке запрещена. На литовском языке выпускалась единственная газета – «Дабартис» («Настоящее»), да и та подвергалась жесткой цензуре. Критика режима немедленно пресекалась – авторы воззваний попадали под арест, а учителей отправляли в ссылку, на что литовцы жаловались в Берлин.

Во время войны множество жителей осталось без крова над головой и средств к существованию, по стране бродили толпы погорельцев и бездомных – чтобы помочь этим людям, в Литве было учреждено Общество вспоможения пострадавшим от войны. Во главе этой организации встал А. Сметона, который, стремясь к компромиссу, привлек к ее работе лидеров левых и либеральных партий. Общественная деятельность, интерес к ходу военных действий и процессу послевоенного восстановления страны сплотили многих виленских литовцев в политический центр. Они были разочарованы, что ни Россия, ни Германия не обещают Литве даже автономии. Литовцы строили планы на будущее – от литовской автономии до возрождения ВКЛ, а то и до реставрации Речи Посполитой Обоих Народов, однако у этих планов имелся один существенный недостаток – они не гарантировали Литве независимости. Поскольку литовские лидеры были вынуждены считаться с интересами Германии, подобный конформизм провоцировал конфликт не только с поляками, но и между самими литовцами. Когда на III Конгрессе порабощенных народов (Лозанна, июнь 1916 г.) литовцы впервые заявили о своем намерении объявить независимость, военная немецкая администрация не позволила им развить эту тему. О независимости Литвы Германия заговорила только под конец войны, не поддержав, однако схему литовско-польской унии. Она начала менять границы земель, занижала количество поляков и их влияние на территории Обер-Оста в пользу литовцев и белорусов. Литовцы пытались как можно сильнее влиять на этот процесс, что привело к еще большему ухудшению их отношений с поляками.

Как только Германия и Австрия заявили о своих намерениях по восстановлению Польского государства, литовские деятели начали поднимать вопрос Литвы. Однако Германия предпочла модернизировать свои планы по аннексии и присоединению Литвы, для чего ей требовались голоса литовцев с оккупированных территорий. С этой целью летом 1917 г. литовцам было разрешено провести конференцию в Вильнюсе. Организационный комитет (Миколас Биржишка, Пятрас Климас, А. Сметона, Юозас Станкявичюс и Юргис Шаулис) включил в список участников конференции по 5–8 самых активных представи-

Президиум Литовской конференции в Вильнюсе (сентябрь 1917 г.)

телей различных социальных и политических групп от каждого уезда Литвы, но не стал приглашать представителей польской шляхты, поскольку конференция была заявлена как чисто литовская. Итак, конференция прошла с 18 по 22 сентября 1917 г. в вильнюсском Театре на Погулянке (ныне ул. Й. Басанавичяус), на нее прибыло 213 участников, еще 9 было кооптировано. Социальный состав участников распределился следующим образом: 66 католических священнослужителей, 65 крестьян и 59 представителей интеллигенции.

В основной резолюции конференции очерчивались контуры модели будущей страны – «независимое государство, устроенное на демократических основах и в этнографических границах, со всеми коррективами, необходимыми для экономической жизни», чью окончательную структуру должен установить «созванный Учредительный сейм Литвы, выбранный всеми ее жителями демократическим путем», – а также оговаривались культурные права национальных меньшинств. Кроме того, конференция приняла и дополнение к резолюции, в которой указывалось, что если Германия согласится признать Литовское государство до Мирной конференции, то Литва может установить определенные связи с Германией (которые впоследствии еще будут уточнены), если это не повредит интересам Литвы, потому что интересы Литвы «склоняются не столько на восток (Россия) и не столько на юг (Польша), сколько на запад (Германия)». На конференции был выбран исполнительный орган литовского народа – Литовская Тариба из 20 человек, которая на-

чала действовать 24 сентября. Председателем Литовской Тарибы стал юрист, редактор литовских газет А. Сметона, веривший в свою способность преодолеть разногласия между радикальной и консервативной частями Тарибы. Реальная власть Тарибе не была предоставлена, так что она взяла на себя трудную роль посредника между литовской нацией и Обер-Остом и попыталась воспользоваться намечающимися разногласиями между германским кайзером, министерством иностранных дел и депутатами центристской партии (католиками) Рейхстага, чтобы препятствовать планам по аннексии Литвы.

Одной из основных тем дискуссий была территория будущей Литвы. Бернская конференция европейских и американских литовцев 2–10 ноября 1917 г., в которой принял участие весь президиум Литовской Тарибы (А. Сметона, Стяпонас Кайрис, Ю. Шаулис) и представители литовской эмиграции, поддержала этнографический принцип формирования территории в границах «Lituania Propria»: Ковенская и Сувалкская губернии, Белостокский, Гродненский, Слонимский и Волковысский уезды, почти вся Виленская губерния (за исключением православных уездов), кроме того, Иллукстский уезд (Курляндская губерния) до Западной Двины, предполагалось потребовать и Либавский порт (немецкий Мемель не упоминался из тактических соображений). В целом, территориальные проекты Литвы колебались соответственно изменениям международной ситуации – никто не мог предсказать, какую территорию она могла бы получить.

Рассмотрение вопросов будущего устройства коснулось и мест наибольшего сосредоточения литовцев. Около 300 тыс. литовских беженцев и трудовых мигрантов были рассеяны по огромной территории России, а в Санкт-Петербурге и Воронеже сложились литовские центры с редакциями литовских газет, гимназиями, организованной подготовкой молодежи к возвращению в Литву. Российская революция, свержение императора создали благоприятные условия для национальной деятельности, однако с политической точки зрения российские литовцы были расколоты: когда в марте 1917 г. в Петрограде собрался Литовский сейм, левые в революционной эйфории высказались за будущее Литвы в Российской федерации свободных наций, после чего консервативное большинство – явные сторонники независимости – покинуло сейм.

В Америке в это время проживало более 300 тыс. литовских иммигрантов (в основном в Чикаго, Нью-Йорке и Пенсильвании). У них были свои хорошо организованные общества, пресса на родном языке и культурные организации. Вступление США в войну против Германии (апрель 1917 г.), а особенно появление так называемых Четырнадцати

пунктов Вильсона – проекта мирного договора, обнародованного американским президентом, активизировало американских литовцев и дало им возможность поднять вопрос Литвы. Они посылали помощь жертвам войны, обратились к президенту Вудро Вильсону с просьбой объявить 1 ноября 1916 г. специальным днем поддержки жертв войны в Литве – в ходе этой акции было собрано 200 тыс. долларов. Американские литовцы финансировали деятельность Литовского информационного бюро в Лозанне (заведующий Юозас Габрис-Паршайтис и др.), публикации на иностранных языках по вопросу литовской независимости. В марте 1918 г. наиболее влиятельные американские организации литовских католиков и таутининков на своих съездах потребовали независимости для Литвы, их представители приняли участие в нескольких литовских конференциях в Швейцарии, тогда же укрепилось и координирование деятельности зарубежных литовских центров и организаций в самой Литве.

Акт независимости Литвы от 16 февраля 1918 года

В конце 1917 г. Германия в ходе подготовки к переговорам с Советской Россией о сепаратном мире предложила Литовской Тарибе провозгласить Литовское государство и объявить о его присоединении к Германии. Из ковенского штаба Обер-Оста в президиум Тарибы поступил проект желаемой резолюции. Литовская Тариба внесла в нее некоторые поправки и 11 декабря вернула военной администрации как принятую. В первой части резолюции Литва провозглашалась независимым государством на основании права наций на самоопределение и в соответствии с постановлениями Вильнюсской конференции, столицей Литвы объявлялся Вильнюс, все бывшие государственные связи с другими странами аннулировались. Однако во второй части Литовская Тариба по требованию Германии заявляла о «вечном, твердом союзе Литовского государства с Германией» в рамках четырех конвенций (военной, транспортной, финансовой и таможенной). Об Учредительном сейме не осталось даже упоминания. Естественно, Германии эта резолюция пригодилась во время мирных переговоров в Брест-Литовске, куда делегация Литовской Тарибы даже не была приглашена.

Однако во всем этом был и положительный момент – резолюция от 11 декабря вызвала скандал и отрицательную реакцию со стороны российских и американских литовцев, раскол произошел и в самой Тарибе. В конце января 1918 г. в знак протеста против соглашательской поли-

Литовская Тариба в 1918 г.
В первом ряду пятый слева – д-р Й. Басанавичюс, шестой – А. Сметона

тики Тарибы из нее вышли более радикально настроенные С. Кайрис, Станисловас Нарутавичюс, Йонас Вилейшис и М. Биржишка. Германия не признала независимость Литвы даже на основании резолюции от 11 декабря, что подтолкнуло разочарованных лидеров Тарибы к поиску компромисса с левыми силами и совместной работе над новой резолюцией. 16 февраля 1918 г. в Вильнюсе Литовская Тариба приняла резолюцию, в которой, ссылаясь на общепризнанное право наций на самоопределение, провозгласила восстановление независимого Литовского государства, основанного на демократических принципах, с городом Вильнюсом в качестве своей столицы, и объявила о прекращении всех государственных отношений, которые ранее связывали это государство с другими нациями. Литовская Тариба также объявила, что основы Литовского государства и его отношения с другими странами будут окончательно определены Учредительным сеймом, сформированным на основании демократических выборов, в которых примут участие все жители Литвы.

В акте использовалось выражение «восстановление независимого Литовского государства», что недвусмысленно отсылало к традициям Великого княжества Литовского. «Восстановлением» государства литовцы подчеркнули самобытность литовской государственности без Польши. Кроме того, восстановление могло касаться не только ВКЛ, но и Литовского королевства времен Миндовга (Миндаугаса) – это зави-

село от международных условий. Новое Литовское государство должно было быть демократическим и парламентским.

Акт от 16 февраля отразил надежды и устремления литовской нации, стал символом новой свободы и суверенитета, днем Независимости Литвы, положив начало истинной литовской независимости и показав, в каком направлении Тариба ведет Литву. 23 марта в Берлине делегация Тарибы во главе с А. Сметоной представила содержание декларации рейхсканцлеру Германии Георгу фон Гертлингу, и в тот же день немецкий кайзер Вильгельм II объявил о признании независимости Литвы, подчеркнув, однако, тесные связи Литвы с Германией… на основании резолюции от 11 декабря. Литовская Тариба 11 июля 1918 г. была преобразована в Государственный Совет Литвы.

На повестке дня по-прежнему оставался нерешенный вопрос конституционной монархии, поскольку Тариба все еще была вынуждена отбиваться от военной администрации и Берлина, где строились планы личной унии Литвы с Саксонией или Пруссией. 13 июля 1918 г. консерваторы и монархисты Государственного Совета Литвы, желая воспрепятствовать таким идеям, при поддержке лидера католической центристской партии Рейхстага Маттиаса Эрцбергера решили пригласить на литовский престол вюртембергского принца Вильгельма фон Ураха и объявить его королем Миндаугасом II. Однако и это не дало литовскому суверенитету ничего, кроме протестов левого крыла Совета против якобы узурпации правыми национальных прав. Как только ситуация на фронте изменилась, приглашение Вильгельму фон Ураху было отозвано (2 ноября 1918 г.).

Поражение Российской и Германской империй в войне, а также революции в обеих странах открывали перед Литвой новые возможности. Государственный Совет все более настойчиво стремился получить в свои руки конкретные рычаги управления, готовился перенять власть, рассылал протесты против реквизиций со стороны немецких властей, занимался делами возвращения литовских военнопленных из Германии и Австрии, вопросами репатриации литовцев из России (к январю 1922 г. в Литву вернулось 195 тыс. человек). 2 ноября 1918 г. Совет принял Временную конституцию, на основании которой стал законодательным органом, а президиум Совета (председатель А. Сметона и два заместителя председателя Юстинас Стаугайтис и С. Шилингас) вместе с Кабинетом министров составили исполнительную власть. С разрешения нового рейхсканцлера Германии Макса фон Бадена Совет пригласил на пост премьер-министра Аугустинаса Вольдемараса и поручил ему сформировать Кабинет министров. 11 ноября 1918 г. Кабинет начал работу, а экстравагантный профессор истории А. Вольдемарас, ставший еще и

министром иностранных дел, немало удивил всех заявлением, что не планирует создавать литовскую армию, потому что, по его словам, Литва не собирается воевать, так что милиции будет вполне достаточно…

Однако уже 23 ноября А. Вольдемарасу пришлось объявить мобилизацию. Российские большевики в своем стремлении к мировой революции начали движение на запад, желая большевизировать сначала Польшу, а потом и Германию, и бросили дивизии Красной армии вслед за отступающими немецкими войсками. 13 ноября 1918 г. Россия аннулировала условия Брест-Литовского мирного договора с Германией и начала открытую военную и политическую борьбу «за освобождение Эстонии, Латвии, Литвы, Белоруссии и Украины от немецкой оккупации». При поддержке подразделений Красной армии литовские большевики 16 декабря 1918 г. опубликовали манифест об образовании Советской Литвы. Через неделю Владимир Ленин подписал декрет о ее признании Советской Россией. Однако у литовцев советская власть не ассоциировалась с национальным государством, поэтому большевики не получили поддержки в народе. Проблема Литвы заключалась в том, что в конце 1918 г., когда Красная армия уже подступала к Вильнюсу, у правительства А. Вольдемараса все еще не было вооруженных сил. 21 декабря 1918 г. А. Сметона спешно выехал в Берлин для получения ссуды на приобретение оружия в размере 100 млн марок. Германия осуществила поставки оружия создающимся подразделениям литовской армии и, по требованию стран Антанты, дала разрешение использовать свои воинские части для борьбы с большевизмом. Новое правительство Миколаса Слежявичюса оставило Вильнюс и перебралось в Каунас, где на скорую руку начало создавать литовскую армию. Первые военные подразделения, усиленные частями саксонских добровольцев, встали на вооруженную борьбу против Красной армии и, наконец, остановили ее на линии фронта Каунас – Алитус.

Постепенно изменилась и оценка действий Совета Литвы: литовские левые партии, поляки и даже Антанта, ранее обвинявшие его в прогерманской ориентации, теперь были вынуждены признать, что Совет Литвы, несмотря на сложные условия и иностранное присутствие, сумел вылавировать и поднять вопрос о независимости Литвы, освободиться от диктата немецкой политики и в срочном порядке создать органы власти и самоуправления.

В Версальской системе

Литва, в отличие от Польши, не была юридическим участником Парижской мирной конференции 1919 г., поэтому офици-

Вильнюс в 1916 г. – эпицентр литовско-польской дискуссии.
Фото Я. Булгака

ально ее делегация называлась литовской делегацией при Парижской мирной конференции и действовала в кулуарах. Делегацию возглавил А. Вольдемарас, в ее состав вошли представитель литовской еврейской общины Симон Розенбаум, белорус Доминик Семашко, много американских литовцев, документы редактировал французский поэт из старинного литовского рода Оскар Милош. Делегация выпускала меморандумы, статьи, высказывалась на заседаниях комиссий, обращая тем самым внимание на проблему признания Литовского государства – впервые литовская делегация договаривалась не с другими литовцами, а выступала от имени всей Литвы на важнейшем международном форуме, добиваясь независимости своей страны. В дискуссиях о границах делегация должна была опираться на этнографический принцип с учетом необходимых экономических корректив, получить выход к морю через Мемель или Либаву, закрепить Вильнюс в качестве столицы и добиться членства Литвы в Лиге Наций.

Делегация доказывала, что Литва не хочет принадлежать ни Польше, ни России, что она является исторически сложившимся государством. Кроме того, делегация искала друзей и союзников, договаривалась с эстонцами, латышами, поляками, представляла проекты своих границ с включением Сувалкского треугольника, вела информационно-пропагандистскую работу. Многочисленные польские сторонники Р. Дмовского и Ю. Пилсудского стремились удержать Литву в составе Польши, поэтому 24 марта 1919 г. литовская делегация обнародовала ноту с заявлением, что

Польша все время использовала Литву, а политическая уния с Польшей, заключенная в XVI в., довела Литву до внутреннего хаоса. Представители российских белогвардейцев хранили молчание по поводу признания независимости государств, отколовшихся от бывшей Российской империи. Однако в это время произошли события, которые помогли литовской делегации обратить на себя внимание участников конференции.

В Париже известие об остановке наступления Красной армии в Литве было принято с облегчением. Положение стабилизировалось – 4 апреля 1919 г. на заседании Государственного Совета А. Сметона был выбран президентом Литвы, потому что был способен преодолеть разногласия левых, либералов и христианских демократов, объединить их и обеспечить политическую стабильность. В конце апреля в литовской армии было уже около 6 тыс. человек и их численность постоянно увеличивалась. Проблема нехватки офицеров была решена созданием в Каунасе офицерских курсов. Добровольцы, которым были обещаны земельные участки, с воодушевлением и энтузиазмом записывались в литовскую армию, что дало ей еще 12 тыс. солдат. Военные действия с красными завершились их вытеснением из Литвы летом 1919 г., а осенью было разбито и странное военное формирование – русско-немецкая армия под командованием Павла Бермондта-Авалова, формально подчинявшаяся белому генералу Александру Колчаку. Захваченные в боях трофеи значительно улучшили вооружение литовской армии.

Однако дело признания независимости Литвы пока не двигалось с мертвой точки, большинство дверей для нее захлопнулось, поскольку Франция поддержала план Польши «от моря до моря» (т. е. от Балтийского до Черного), особенно в случае распада России. Планируемая федерация Польши и Литвы никак не складывалась – выяснилось, что поляки готовы предложить литовцам независимость лишь в более узких этнографических границах, а такое попрание интересов Литвы провоцировало жесткую оппозицию со стороны литовцев, которые теперь отказывались от любого, даже возможного или выгодного сближения с Польшей. По всем этим вопросам велись совещания, выдвигались предложения, однако все они были отклонены польской делегацией, которая не смогла договориться с Литвой относительно принадлежности Вильнюса и всей Восточной Литвы. Литовцы ссылались на свои исконные территории, поляки возражали, что жители Виленщины в большинстве своем говорят по-польски, а Вильнюс/Вильно – польский город. Поскольку до XX в. ни одна из сторон не отрицала, что Вильнюс является исторической столицей ВКЛ, литовцы упорно продолжали прибегать к историческим аргументам.

Польский орел уже распростер свои крылья почти над всей восточной частью европейского континента, а Ю. Пилсудский объяснял захват Вильнюса национальным самоопределением местных поляков и необходимостью борьбы с большевиками. Тогда Литва попросила Антанту провести демаркационную линию между польской и литовской армиями, но поляки проигнорировали так называемую линию Фоша, установленную 18 июня 1919 г., а Антанта избегала признавать новые государства, придерживаясь принципа неделимости России. Конечно, литовцы и сами совершали ошибки – например, А. Вольдемарас в июне 1919 г., отвечая на вопрос представителя Великобритании Дж. Симпсона о точке зрения Литвы на федерацию с Россией, ни с кем не посоветовавшись, сказал: «Литва могла бы включиться в Российскую федерацию примерно на тех же основаниях, что и Бавария в Германский союз». Литовское правительство в Каунасе просто остолбенело от таких слов и в срочном порядке заявило, что это не более чем личное мнение А. Вольдемараса…

Объединение всех литовских земель в единое образование было частью планов литовского национального движения еще в XIX в., хотя Восточная Пруссия, которую литовцы называли Малой Литвой, никогда не принадлежала ВКЛ. Однако в Версале литовская делегация подняла вопрос о передаче Литве территории Восточной Пруссии (где среди полумиллиона немцев проживало до 100 тыс. литовцев) и выхода к Балтийскому морю через Мемель. Проигравшая войну Германия не стала активно сопротивляться, предпочитая таким образом нейтрализовать интриги союзников. Статья 28 Версальского договора, действительно, отделила Мемельский край от Германии и передала его под временный контроль союзников. Франция в послании Жоржа Б. Клемансо объяснила немцам, что союзники не нарушили принципа самоопределения наций, поскольку Мемельский регион «всегда был литовским», а Мемельский порт остается единственным выходом Литвы к морю. Мемельский край был отдан в ведение французской администрации. Именно эти нюансы и позволят Литве сразу после признания государства потребовать присоединения этих территорий. С этой целью были установлены тесные связи с прусскими литовцами.

В Париже Литва должна была объясняться и по поводу внутренней политики, отражать обвинения в прогерманской политике Совета Литвы, пообещать широкую культурную автономию еврейской общине и национальным меньшинствам, давать разъяснения по поводу будущей земельной реформы. В это же время на родине удалось разрушить враждебные планы по дестабилизации – в августе 1919 г. литовская разведка арестовала 200 членов Польской военной организации, готовив-

ших переворот и создание пропольского правительства. После этого события тяга литовцев к федерации с Польшей значительно снизилась. Был успешно предотвращен и переворот сторонников П. Бермондта-Авалова в Каунасе. Рожденные в сражениях добровольческие полки литовской армии и партизаны потеряли в боях за независимость 1 444 человека, но защитили страну и вытеснили из нее чужеземные войска.

В Париже Литва получила от Великобритании политическую, от США – материальную, а от Франции – военную поддержку. Для службы в Литве были наняты иностранные офицеры, американские литовцы начали формирование собственной военной бригады – и хотя многие из подобных замыслов не были осуществлены из-за нехватки финансирования, они получили хороший отклик у союзников. По требованию литовской делегации были созданы военные миссии Франции, Великобритании, США и Верховного совета Антанты, которые укрепили надежды на независимость и, кроме того, давали Антанте объективную информацию о положении в Литве.

Инициативы британцев по поддержке Литвы вызвали первые массовые манифестации ликования – 26 сентября 1919 г., когда Великобритания официально признала Литву *de facto*, тысячи людей собрались у городской ратуши в Каунасе, который тогда являлся столицей Литвы. Газеты писали, что таких скоплений народа Каунас не видел последние пятьсот лет – в небо поднялись самолеты с трехцветными литовскими флагами, народ торжествовал, президент А. Сметона с балкона приветствовал собравшихся. В этом же году Литву *de facto* признали Норвегия, Латвия, Финляндия, в 1920 г. – Франция (11 мая) и Польша (4 июля).

Московский мирный договор 1920 года

Литва оказалась в точке пересечения интересов России и Германии – двух держав, проигравших Первую мировую войну. Чуть позднее в сферу интересов этой двойки вошло восстановленное Польское государство, которое надеялось заполнить собой образовавшийся в Восточной Европе вакуум. Западные страны, предполагавшие создать «санитарный кордон» между Россией и Германией, благосклонно смотрели на намерения Польши. Однако Литва считала польские планы угрозой для своих границ и государственного суверенитета.

Сражаться пришлось на нескольких фронтах, поскольку Россия постоянно претендовала на наследие ВКЛ и на Литву как на его составную часть. Однако в годы гражданской войны теснимая белогвардейскими войсками Советская Россия проявила инициативу и в сентябре 1919 г.

предложила Литве, Латвии и Эстонии вступить в мирные переговоры, признавая, таким образом, эти государства *de facto* и укрепляя их позиции. В начале 1920 г. Литва согласилась начать переговоры. Ее делегация во главе с Томасом Нарушявичюсом по прибытии в Москву первым делом потребовала признать восстановленное Литовское государство и преемственность его государственной традиции от ВКЛ. Однако советская сторона во главе с Адольфом Иоффе трактовала Литву как новую политическую единицу и согласилась признать ее на основании права наций на самоопределение, т. е. на основании более слабого документа.

Литовцы взяли реванш в статье 1 договора – в ней Россия навсегда отказалась от своих прав на Литву и признала ее независимость и суверенитет. Территориальные вопросы также решались благоприятно. Литовцы претендовали на бывшие земли Российской империи – Виленскую, Ковенскую, Сувалкскую и Гродненскую губернии, которые и российским правительством традиционно назывались литовскими. Хотя на момент переговоров часть этих территорий уже контролировалась Польшей, А. Иоффе согласился признать за Литвой Вильнюс и все эти земли – даже Гродно и Лиду, где литовцев действительно было мало. Таким образом, отошедшая Литве территория приближалась к границам 1795 г. Взамен А. Иоффе попросил военного союза с Советской Россией (литовцы сообщили об этом британцам, предполагая с их помощью уменьшить аппетиты поляков относительно Вильнюса, но французы нейтрализовали подобные намерения). Литовцы продолжали отстаивать в ходе переговоров все большие территории на востоке, мотивируя это распространенностью там католичества, этнографическими и историческими данными и даже ссылаясь на аргументы еврейской (С. Розенбаум) и белорусской (Д. Семашко) части своей делегации. Они согласились с предложением А. Иоффе внести в текст договора следующую формулировку: «Литва и Советская Россия никогда не находились в состоянии войны» (что звучало парадоксально, поскольку сам документ назывался «Мирный договор»). В качестве возмещения ущерба, нанесенного войной, Россия выплатила Литве 3 млн рублей золотом, а также пообещала разрешить ей вырубку леса в ближайших к границам Литвы местностях и вернуть вывезенные в Москву литовские архивы. Подписывая договор, Литва шла на осознанный риск, потому что понимала, что в случае победы белых она будет отдана России или Польше. В целом подписание мирного договора с Советской Россией 12 июля 1920 г. было большой дипломатической победой Литвы в деле становления не только литовско-российских, но и литовско-польских отношений. Западные страны также не могли игнорировать этот договор.

Однако было в договоре и слабое место – Россия навязала к статье 2 секретное дополнение, согласно которому ввод российских войск на территорию Литвы во время войны с Польшей не будет считаться нарушением договора или «недружелюбным актом» по отношению к Литве. Это позволило Красной армии 14 июля 1920 г. оккупировать Вильнюс и перебросить через город свои войска для выхода к польскому фронту – в советско-польской войне Литва уже не выглядела нейтральной стороной, как заявляла ранее, а для Польши и вовсе стала предателем общего дела борьбы с большевиками. Такую цену пришлось заплатить Литве за Вильнюс.

У Московского договора была и альтернатива. Когда польские полки начали отступать под натиском большевиков, на конференции в Спа 5–16 июля 1920 г. великие державы велели Польше вернуть Вильнюс Литве, и Варшава согласилась. Это означало уникальную возможность возвратить себе столицу с помощью Антанты и с согласия самой Польши. Однако польские военные не спешили передавать Вильнюс литовцам и первой в него вступила кавалерия Красной армии, а литовская армия вошла в Вильнюс лишь 15 июля – уже после подписания Московского договора… Таким образом, Вильнюс был передан Литве не поляками, а большевиками.

Разумеется, подписанный в Москве мирный договор ничего бы не стоил, если бы Польша не разбила российских большевиков, которые планировали в августе 1920 г. спровоцировать в Литве восстание. Из РСФСР в Литву было послано около 2 тыс. диверсантов с поддельными литовскими документами, большевики контрабандой ввозили в страну оружие и устраивали оружейные склады в Каунасе и других городах, занимались вербовкой местных жителей. Но когда Красная армия потерпела поражение под Варшавой, большевики отложили свои планы по организации восстания. Можно сказать, случилось чудо – Литва устояла, сформировала 30-тысячную армию, вооружила ее и стала приводить в порядок экономику.

22 сентября 1921 г. Литва вступила в Лигу Наций, хотя западные державы еще не гарантировали признание Литвы *de jure*. В скором времени Литва была признана *de jure* Ватиканом, США, Испанией, Голландией, Скандинавскими странами, а 20 декабря 1922 г. Литву *de jure* признали четыре государства Антанты (Франция, Англия, Италия, Япония). Это было непросто, но Литва в итоге стала полноправным европейским государством. Таким образом, исторический раздел ВКЛ завершился тем, что национальную государственность смогли осуществить только литовцы, а оставшиеся земли ВКЛ разделили между собой Польша и Советская Россия. Свои первые договоры Литва подписала именно как националь-

ное государство и была признана таковым – чудо независимости свершилось. Перед большевиками устояли и ее соседки – Польша, Финляндия, Латвия и Эстония, которые тоже смогли защитить свою независимость.

Последняя возможность объединения с Польшей

Недостаточная военная мощь не позволила Литве объединить все этнические литовские земли, где литовцы составляли большинство населения – во время военных столкновений с Польшей были утрачены литовские города Сейны и Пуньск. Борьба с поляками начала приобретать не только территориальную, но и социальную окраску – в сентябре 1920 г. премьер-министр М. Слежявичюс на заседании Сейма заявил, что «поляки атакуют, потому что это наши помещики позвали их легионы в Литву, чтобы и дальше эксплуатировать наш народ и защитить свои имения, так что все, кто в силах, должны взяться за оружие». М. Слежявичюс сыграл выдающуюся роль в борьбе за независимость, поскольку сумел достичь политического согласия, консолидировать центральную администрацию и привлечь на свою сторону местные самоуправления. Он призывал к сопротивлению интервентам всех, в том числе и национальные меньшинства, что привело в литовскую армию еврейских и белорусских добровольцев. Литовцы отвергли большевистскую схему классовой дифференциации – М. Слежявичюс подчеркнул, что литовцы поголовно являются либо крестьянами, либо детьми крестьян и что земли тех польских помещиков, чьи отпрыски вступили в польскую армию, будут разделены между безземельными и малоземельными крестьянами. В результате большинство жителей поддержало литовское правительство.

Вильнюс пробыл в руках Литвы всего пару месяцев. Вскоре Польша одержала верх над Красной армией и осенью 1920 г. снова заняла Вильнюс. Хотя 7 октября 1920 г. польская и литовская делегации подписали в Сувалках военное соглашение о демаркационной линии, согласно которому Вильнюс должен был остаться на литовской стороне, 9 октября, когда соглашение еще не вступило в силу, польский генерал Л. Желиговский со своими подразделениями вступил в город и объявил о создании так называемой Срединной Литвы. По коварному замыслу Ю. Пилсудского, город заняла не польская армия, а якобы вышедшая из повиновения польскому командованию дивизия «мятежника» Л. Желиговского, состоящая из местных виленских «литовцев и белорусов». Акцию Л. Желиговского приветствовали толпы виленских

Литовская артиллерия против польских подразделений в боях 1920 г. у местечка Гедрайчяй

поляков, Лига Наций оказалась бессильна, а перед Литвой встала задача по предотвращению дальнейшего продвижения подразделений Л. Желиговского вглубь литовской территории. Литовская армия передислоцировалась, но остановить польские войска смогла только к середине ноября – в боях у населенных пунктов Ширвинтос и Гедрайчяй.

Политические архитекторы союзников, конструируя послевоенный мировой порядок, представляли себе Литву в виде буферного государства, которое вместе с Латвией, Эстонией и Финляндией под руководством Польши должно создать надежный заградительный кордон против большевизма. Однако Литва стала таким буфером лишь отчасти, поскольку стремление к возвращению Вильнюса вело ее в сообщество ревизионистских стран, хотя ревизионизм мог закончиться утратой независимости. Разумеется, литовцы стали «ревизионистами поневоле». Сначала Литва (прежде всего министр иностранных дел А. Вольдемарас) пыталась противостоять Варшаве с помощью Германии или Советской России, которым, впрочем, эта роль казалась не слишком привлекательной. Кроме того, Литве еще надо было искать поддержку и на Западе, а обратить конфликты соседей к своей выгоде не хватало сил. Поэтому отношения Литвы с Советской Россией были предопределены распрей с Польшей из-за Вильнюса. Россию это устраивало, так как она стремилась разделять и властвовать для получения рычагов влияния на этот регион. Для Литвы, всеми силами стремившейся уклониться от польской опеки, Советская Россия так или иначе была единственной страной, признавшей литовские интересы в

Вильнюсе. Понимая истинные намерения России, осознавая опасность превращения в советского сателлита, Литва надеялась на поддержку Германии и иногда даже ее получала.

Литовская внешняя политика обусловливалась двумя важнейшими территориальными проблемами – вопросами Вильнюса и Клайпеды (Мемеля). Именно благодаря этому Литва играла гораздо более важную роль в европейской политике, чем это дозволялось небольшому государству. Однако в 1921 г. союзники решили урегулировать виленский вопрос и упразднить противостояние Литвы с Польшей путем их объединения в федерацию. Варшава не возражала, но литовцев федерация не привлекала – зачем тогда вообще было бороться за независимость? Идея федерации быстро приобрела популярность в европейских столицах, а Литва, к сожалению, не могла предложить ничего лучшего. Посредником в литовско-польских переговорах стал бывший министр иностранных дел Бельгии Поль Химанс. Он намеревался создать федерацию, отвечающую интересам Литвы и Польши и служащую делу мира в Европе.

Глава литовской делегации Эрнестас Галванаускас получил широкие полномочия по ведению переговоров: удовлетворить экономические интересы Польши, гарантировать полякам выход к Балтийскому морю, заключать конвенции, в том числе военно-оборонительную – все, лишь бы вернуть Вильнюс. А глава польской делегации Шимон Аскенази предполагал сосредоточиться на концепции федерации, но… обойти тему Вильнюса. Литовцы, в свою очередь, избегали принципа федерализма, логично полагая, что 2 миллиона литовцев бесследно растворятся среди 28 миллионов поляков, однако пошли на переговоры, надеясь на признание Варшавой Литовского государства со столицей в Вильнюсе.

В течение трех недель П. Химанс, вооружившись примером Швейцарии, подготовил проект Литовского федеративного государства, состоящего из Каунасского (Ковенского) и Вильнюсского (Виленского) кантонов. Литва и Польша должны были координировать свою внешнюю политику и заключить военную и экономическую конвенции. Обе стороны согласились принять этот план в качестве «базы для дискуссий». Летом 1921 г. Совет Лиги Наций принял резолюцию об утверждении плана Химанса. В сентябре Химанс внес в план некоторые коррективы в пользу литовцев – Виленский регион должен был стать не кантоном, а автономным районом. Теперь уже обе договаривающиеся стороны стремились избежать соглашения – но так, чтобы вина за провал переговоров не пала на них.

В самой Литве переговоры по плану Химанса поддержали литовские дипломаты, однако против него, угрожая переворотом, встали все политиче-

ские партии, военное руководство и военизированная организация Союз литовских стрелков («шаулисы»). Все они считали этот план польским троянским конем. К отказу от плана призывали немецкие и российские дипломаты. 15 ноября в Каунасе на подоконник спальни главы литовской делегации Э. Галванаускаса была подложена бомба – в результате взрыва Э. Галванаускас получил многочисленные ранения, но выжил. Это покушение никогда не расследовалось, а виновники так и не были найдены. План польско-литовской федерации рассыпался, а триумфатором стала… Москва, расценившая это как самую крупную победу своей дипломатии.

Все это время в Литве велось ослабление экономического положения польских помещиков (во время войны за независимость по преимуществу из их имений реквизировали коней, фураж, продовольствие, урезали их земельные владения). Видя это, поляки не стали больше медлить. В январе 1922 г. они организовали в Виленском крае – Срединной Литве – выборы, в результате которых Виленский край формально был присоединен к Польше, а Литва осталась в положении «ни войны, ни мира». Не проиграла ли Литва от того, что не использовала все возможности идеи объединения с Польшей, от того, что в Восточной Европе так и не был внедрен принцип кантонов, оправдавший себя в Швейцарии? Более вероятно, что кантонная Литва стала бы очагом двух языковых национализмов, источником конфликта между двумя национальными группами наподобие Северной Ирландии, только не на почве религии, а на почве языка. Конечно, польские и литовские либералы нашли бы общий язык, но как бы ужились в Виленском регионе польские и литовские националисты? Неужели Польша не диктовала бы свою политику полякам Виленского кантона (или автономии)? А что было бы с литовским языком? Смог бы он доминировать, распространяться, да хотя бы стать вровень с польским языком в Виленском крае? Вот важнейшие вопросы, которыми задавались национальные лидеры. Оставались и юридические коллизии – согласно Рижскому мирному договору 1921 г. польско-российская граница проходила к востоку от литовско-российской границы, проведенной на основании Московского мирного договора 1920 г. между Литвой и РСФСР. Согласно положениям обоих договоров, вопрос с Вильнюсом предоставлялся исключительно решению Литвы и Польши. Москва подтвердила, что договор с Литвой остается в силе и что суверенные права на Вильнюс принадлежат Литве, пока она не откажется от них в пользу Польши.

15 марта 1923 г. Конференция послов Антанты приняла решение о признании исторической столицы Литвы – Вильнюса – за Польшей. Определенным образом это решение оказалось предопределено… Э. Галванаускасом, который упустил шанс промолчать и обнаро-

довал ноту с призывом к определению восточных границ Польши. Конференция послов Антанты поняла это так, как хотела, – будто Литва сама хочет отдать Вильнюс Польше, и закрепила польско-российскую границу в соответствии с Рижским мирным договором 1921 г., а также провела новую демаркационную линию между Литвой и Польшей, оставив Вильнюс на польской стороне. К удивлению Польши, Литва категорически отказалась признавать законность этого решения, между тем как Польша и Западные страны посчитали вопрос решенным. Это создало чрезвычайное напряжение по обе стороны демаркационной линии, движение поездов и даже почты через нее было прекращено более чем на десять лет, а на автомобильной дороге выросли довольно толстые березки… Наверное, во всей Европе тогда было не сыскать более враждебных друг другу стран, чем Польша и Литва.

Аннексирование Польшей Вильнюса окончательно определило выбор Литвы между национально-этническим и традиционным, историческим типом своего государства. Постоянно нависающая угроза включения в Польшу способствовала развитию в Литовском государстве осадного менталитета, усилила литовский национализм, а в литовском политическом сознании полонофобия постепенно превратилась чуть ли не в религию. Позиция самообороны оказала влияние и на внешнюю политику. В этом отношении Литва, в сущности, не отличалась от других европейских государств того времени, хотя литовский национализм стремился не к экспансии, а лишь пытался противостоять чужой экспансии.

Учредительный Сейм и его постановления

За время Первой мировой войны физические, материальные силы страны иссякли – литовцы воевали в немецкой и американской армиях, около 11 тыс. литовцев погибло, сражаясь в рядах российской армии. Страна была истощена российско-немецкими военными действиями, россияне при эвакуации вывезли 160 промышленных предприятий, сходным образом действовал и Обер-Ост. В первые годы основные поступления в бюджет Литвы шли за счет экспорта леса и льна. После закрепления власти на большей части литовских территорий пришел черед и вопросов государственной структуры. Из-за борьбы за независимость выборы в Учредительный Сейм были организованы только в середине апреля 1920 г. Избирательные права получили граждане Литвы, достигшие 21 года, независимо от их вероисповедания, национальности или пола. В отличие от Франции и многих других европейских стран, в Литве право голоса было предоставлено и женщинам, и военным.

Общественность приняла активное участие в выборах 14–15 апреля 1920 г., на которых победил блок христианских демократов, состоящий из трех партий: Литовская христианско-демократическая партия (ЛХДП), Союз фермеров Литвы (СФЛ) и Федерация труда Литвы (ФТЛ) – им досталось 59 мест в Сейме. В католической стране это не было сенсацией, поскольку верующие женщины голосовали за партию ксендзов, да и Католическая церковь и духовенство выступали под явно антипольскими лозунгами и, что еще важнее, обещали национализировать или урезать поместья и раздать землю крестьянам. Левый блок крестьян ляудининков (от лит. *liaudininkas* «народник» – либеральная партия средней и мелкой буржуазии, позднее получившая название Союза крестьян ляудининков Литвы, СКЛЛ) получил 29 мест, а третье место досталось Социал-демократической партии Литвы (СДПЛ). Десять мест в Учредительном Сейме получили национальные меньшинства (6 евреев, 3 поляка и 1 немец). В Учредительный Сейм было выбрано и пять женщин. В итоге Учредительный Сейм состоял из 112 депутатов, которые 15 мая собрались в Каунасе (временной столице Литвы) на свое первое заседание. Кроме того, планировалось выбрать еще около 100 депутатов в Виленском крае, 9 мест были предназначены для Малой Литвы, но выборы там не состоялись, поскольку у Литвы не было контроля над этими территориями. Это доказывает, что Литва еще не считала имеющуюся территорию окончательной.

Члены Учредительного Сейма старались оправдать надежды избирателей. Они единогласно приняли прокламацию независимости Литовского государства, которая еще раз, как и Акт от 16 февраля 1918 г., провозглашала Литву независимым государством с «этнологическими границами» – этот термин, скорее всего, означал некоторый отход от планов этнографических границ в надежде на увеличение территории. Председателем Учредительного Сейма был выбран лидер СФЛ агроном Александрас Стульгинскис (в 1922–1926 гг. он являлся президентом Литвы), а 19 июня было сформировано правительство, которое возглавил ляудининкас Казис Гринюс. 11 ноября 1921 г. Учредительный Сейм единогласно потребовал включения Клайпедского (Мемельского) края в состав Литвы, продемонстрировав таким образом единство с Малой Литвой.

1 августа 1922 г. Сейм принял Конституцию Литовского государства, основанную на принципах демократии по образцу Третьей французской республики. Литовское государство было объявлено независимой демократической республикой, высшая власть в которой принадлежит народу (во времена ВКЛ высшей властью и исключительным положением в стране пользовалось только дворянство). Литовский язык впер-

вые получил статус государственного языка. Всем гражданам Литвы было гарантировано равенство перед законом и другие демократические права независимо от их пола, происхождения, вероисповедания и национальности. Цвета государственного флага (желтый, зеленый, красный) никак не напоминали о флаге правителей ВКЛ, однако герб «Витис» («Погоня») – белый всадник на червленом щите – остался прежним. Столица государства не была названа. Особенно обширные права Конституция предоставила Сейму, куда вошли так называемые народные представители. Срок полномочий Сейма и выбираемого Сеймом президента составлял три года. Конституция давала широкую автономию литовским национальным меньшинствам, узаконила обязательное начальное образование.

Виленская проблема, напряженные отношения с Польшей частично обусловили и уровень демократии в Литве – страна находилась на военном положении, в связи с чем осуществлялась цензура печати, собрания граждан ограничивались, правящая верхушка преследовала оппозиционных публицистов – в тюрьме побывали и самые ярые критики, таутининки А. Вольдемарас, А. Сметона.

Поскольку надежды на восстановление Литвы в исторических границах уже не было, перед страной стояла задача по созданию надежной экономической базы для национального государства, и поэтому самым важным вопросом в этой крестьянской стране стал вопрос о принадлежности главного ее достояния – земли. По сравнению с Латвией и Эстонией помещичье землевладение в Литве было в два раза меньше, имения были меньше в 5–6 раз, средняя площадь крестьянского хозяйства в Литве составляла 15,2 га (в Латвии – 21,0 га, в Эстонии – 29,4 га). Безземельные (21 % от всех земледельцев) и малоземельные (около 25 %) крестьяне жаждали получить землю. Свою бедность они объясняли наличием дворянских имений, несправедливостью распределения земли. Социальное неравенство еще больше обострял национальный аспект – более половины крупных землевладельцев, которым принадлежало 26 % территории Литвы, были польскоязычными «старолитовцами» и ориентировались на Варшаву. Только раздел помещичьих земель мог обеспечить литовским властям поддержку широких слоев крестьянства.

15 февраля 1922 г. Учредительный Сейм за счет голосов христианских демократов принял основной Закон о земельной реформе. В Государственный земельный фонд отходили помещичьи владения, полученные из казенных земель или на основании других царских привилегий во времена Российской империи, все земли противников независимости Литвы, сражавшихся в польской армии или в отрядах Бермондта-

Авалова, а также земли частных лиц, церквей, монастырей и других церковных организаций свыше нормы в 80 га. Такая норма была выбрана не случайно – это разделительный рубеж между имениями полонизированных дворян и теми крупными хозяйствами, которые в конце XIX – начале XX в. были приобретены зажиточными литовскими крестьянами или немногочисленными в то время представителями литовской интеллигенции, промышленников и торговцев (еще более радикальной была земельная реформа в Эстонии и Латвии, где отбирали поместья у немецких баронов, оставляя в неприкосновенности хозяйства площадью не более 50 га). В первую очередь землю получили воины-добровольцы, безземельные и малоземельные (с наделом менее 10 га) крестьяне, сельские ремесленники, некоторые государственные и общественные учреждения.

В ходе проведения земельной реформы исчезали старые деревни, люди переезжали на хутора, началась модернизация сельского хозяйства, был упразднен трехпольный севооборот. Правительство на льготных условиях обеспечивало фермеров качественным зерном для посевов, племенным скотом, помогало с подготовкой специалистов. В сельском хозяйстве начали использоваться органические и минеральные удобрения, повысилась урожайность зерновых (с 9 ц до войны до 12 ц в тридцатые годы). Фермеры начали создавать кооперативы, в стране строились молокоперерабатывающие предприятия, а по мере приобретения современного оборудования и холодильников повышались и объемы экспорта молочной и мясной продукции.

В качестве валюты в стране продолжали ходить немецкие марки, которые литовские власти переименовали в «золотые» (лит. *auksinas*). В период кризиса курс немецкой валюты резко упал, что негативно влияло на литовскую экономику. Катастрофические последствия инфляции заставляли литовское правительство искать выход. 9 августа 1922 г. Учредительный Сейм принял Закон о денежной единице, декларировавший переход Литвы на обеспеченную золотом валюту с 1 октября 1922 г. Новая денежная единица – лит – состояла из 100 центов. Содержание чистого золота в лите равнялось 0,150462 г, т. е. отношение литовской валюты к доллару было 10:1. В течение всего периода независимости Литвы лит сохранял стабильный курс, обеспеченный ценными бумагами и золотым резервом (12 т), благодаря чему высоко ценился и в зарубежных странах. В 1923 г. собственная валюта была введена в Латвии и Польше.

Свобода дала толчок стремительному развитию просвещения и учреждению новых школ. В 1919 г. в Литве уже действовало 1 036 школ, в которых училось 45 540 школьников. Высшие курсы в Каунасе вскоре выросли в Литовский университет (открыт 16 февраля 1922 г.). За

неполные двадцать лет университет подготовил 3 700 специалистов, ученых, педагогов. Литовский язык стал языком не только государственных, но и военных учреждений (в Каунасе было основано военное училище), языком науки и научных исследований. В стране начали зарождаться новые традиции – в 1924 г. в Каунасе прошел первый всенародный праздник песни.

Реформы проводились в небольшой, мононациональной стране – по данным первой переписи, проведенной 17 сентября 1923 г., население Литвы на тот момент составляло 2 028 971 человек (без Виленской и Мемельской областей). Литовцы составляли 82 %, евреи – 7 %, немцы – 4 %, поляки – 3 %, русские – 2,3 % от общего числа жителей. Литва была сельскохозяйственной страной, и в сельской местности проживало 84 % населения, преимущественно литовской национальности – 91 %. Несмотря на сельскохозяйственный характер страны, литовцы составляли 50 % городских жителей, евреи – треть населения городов и местечек и всего 0,5 % сельских жителей. Литовцы составляли большинство во всех профессиональных сферах деятельности, за исключением экспорта и импорта, где преобладали еврейские предприниматели. Кроме того, евреи составляли 83 % всех владельцев торговых предприятий, тогда как литовцы – только 13 %.

Около 350 тыс. литовцев в то время проживали в США (из них 180 тыс. родились в Литве), около 100 тыс. литовцев остались в Виленском крае, 6 тыс. литовцев жили в Англии. В первые годы независимости тысячи эмигрантов возвращались в Литву, покупали здесь землю, начинали свой бизнес, открывали промышленные предприятия, банки. Т. Нарушявичюс, Бронюс Балутис, Й. Жилюс, Йонас Шлюпас, Стяпонас Дарюс и другие стали известными общественными деятелями, дипломатами, офицерами. Деньги, посылаемые на родину американскими литовцами, составляли 1/10 часть государственного бюджета Литвы, эмигрантские политические движения финансировали литовские партии, собирали пожертвования на работы по восстановлению государства.

СТАНОВЛЕНИЕ НАЦИИ

Литва обретает морской порт: присоединение Клайпеды

Приоритет национального государства – литовская нация, поэтому немало внимания уделялось проблеме Восточной Пруссии, где многие местные жители общались на

литовском языке, где издавались литовские газеты. На эту область некогда претендовал князь Витовт (Витаутас) Великий. Лишившись Вильнюса, Литва обратила свои взоры на Малую Литву. Британцы тем временем выдвинули идею, что за утрату Вильнюса Литва должна получить Мемель (хотя позднее они же высказывались за предоставление ему статуса «свободного города»). Литовцев такой обмен не устраивал, поскольку Вильнюс – их древняя столица, однако и порт был крайне необходим. Согласно Версальскому договору Мемелем управляла французская администрация при поддержке французского пехотного батальона. Франция заявила, что Мемель может стать частью Литвы, только если та объединится с Польшей. Дело в том, что и Польша не скрывала своих планов относительно Мемеля. Премьер-министр Э. Галванаускас понял, что в деле получения Мемеля Литве не помогут ни Лига Наций, ни Конференция послов Антанты, так что решил занять эту территорию силой (как говорил А. Сметона, без фактического контроля не будет юридического) и по примеру Ю. Пилсудского поставить всех перед фактом, после чего уже начинать переговоры. В начале 1922 г. представитель Литвы в Мемельском крае Й. Жилюс сообщил правительству о единственной возможности получить город – ввести в него войска. Военные считали это делом 24 часов.

Лишь несколько человек из правительства знало о планах Э. Галванаускаса по подготовке политической охраны и дипломатической обороны мемельской акции. Литве была необходима поддержка со стороны пролитовской части местных жителей, поэтому для возбуждения нужных настроений она оказала финансовую поддержку пролитовским организациям, оплатила публикацию благоприятных для себя статей в газетах, приобрела недвижимость. Литовские лидеры обеспечили себе и благосклонную позицию Германии – немецкие власти считали переход Мемеля к Литве наилучшим выходом (при случае город будет отобрать легче, чем у французов?) и не возражали против литовской акции по присоединению Мемеля, если Литва сможет вытеснить оттуда французов и гарантирует местным немцам экономические и культурные права. Советская Россия, которая не упускала случая навредить Польше, тоже не возражала против акции и даже пообещала не остаться в стороне, если Польша двинется на Литву.

Литовцы Мемельского края, долгие века жившие под влиянием немецкой культуры, лютеране, а не католики, политически остались верны Германии, поэтому сами восставать не собирались. И только литовские активисты Восточной Пруссии высказывались за объединение с Литвой для сохранения национальной культуры и языка, надеясь на

получение хороших постов в новой администрации. Литве не оставалось ничего иного, как прибегнуть к плану инсценировки восстания. Вот тут и проявился психологический разрыв: Э. Галванаускаса и командующего готовящимся походом, офицера разведки Йонаса Будриса (Половинскаса) удивило, как неохотно кадровые офицеры литовской армии, сражавшиеся против поляков, армии Бермондта-Авалова и большевиков, подписываются на мемельскую операцию, поскольку… не считают ее борьбой за родину.

6 января 1923 г. в городе Хейдекруге (Шилуте) был учрежден Верховный комитет спасения Малой Литвы (ВКСМЛ), который уже через три дня обратился к Литве с просьбой о помощи. 9 января 1 050 литовских добровольцев в гражданской одежде, в чьих карманах никто не нашел бы ни одного литовского документа, коробка спичек или пачки папирос, перешли границу. Среди них на Мемель шли 40 офицеров регулярной армии и 584 солдата, прочие – члены Союза литовских стрелков, студенты и около 300 местных жителей, в том числе и несколько немцев в качестве доказательства для союзников, что восстание было поднято местным населением. Участников кампании предупредили, чтобы во время столкновений они щадили французов. Время для начала акции было выбрано удачно: на Западе шли горячие дискуссии по поводу ввода французских войск в Рурскую область под предлогом наказания Германии за приостановку выплаты репараций. Поход на Мемель прошел успешно, Каунас представил его как местное восстание, тем более что и мемельские немцы не возражали. Французам же литовцы объяснили, что восстание было поднято против немцев, а не против администрации Габриэля Жана Петисне. В перестрелках от французских пуль погибло 16 литовцев, от литовских – двое французов, однако громкий протест выразили все – французы яростно, немцы формально, и даже британцы не промолчали. Польша сохраняла спокойствие, опасаясь военной реакции со стороны Германии, – Ю. Пилсудский заявил, что является сторонником мирной политики и не будет нападать на «родственную» Литву.

Каунас праздновал триумф, эйфория охватила всю страну. Успех «повстанцев» выглядел как моральная сатисфакция за утрату Вильнюса. 17 января 1923 г. ВКСМЛ обнародовал решение о присоединении Клайпедского (Мемельского) края к Литве на правах автономии и попросил военной и финансовой помощи у литовского правительства.

Великодушно настроенный литовский Сейм 24 января с удовольствием удовлетворил эту просьбу, а 17 февраля Конференция послов Антанты передала Литве суверенные права на Клайпеду. Литовцы счи-

Премьер-министр Эрнестас Галванаускас в 1923 г. принимает в Мемеле литовский парад

тали это своей величайшей военной и дипломатической победой, какой она, в сущности, и была.

8 мая 1924 г. были приняты Мемельская конвенция и статут, которые аннулировали территориальный аспект «мемельской проблемы» и провозгласили этот регион автономной частью Литвы. Результаты переписи населения 1925 г. показали, что в Клайпедском крае проживает 141 тыс. жителей, в том числе 64 тыс. немцев, 37 тыс. литовцев и 34 тыс. «мемельлендеров», пользующихся литовским языком в домашнем общении. Поскольку Литва без всяких угрызений совести считала «мемельлендеров» литовцами, то по ее подсчетам в крае проживало 50,8 % литовского населения. Так Литва обрела незамерзающий порт.

После урегулирования отношений с союзниками и во избежание сомнений относительно статуса новой территории Литва подписала с Германией целую серию договоров, в том числе ряд важных соглашений в области торгового мореплавания, а 29 января 1928 г. после длительных и сложных переговоров был подписан и договор о литовско-немецкой границе. В результате переговоров в Берлине обе страны провели линию, оставившую Клайпедский край на литовской стороне. Литва надеялась, что это переведет клайпедский вопрос в разряд внутренних проблем, однако немцы не считали, что технические договоры означают их окончательный отказ от Клайпеды…

Демократия левых сил и военный переворот 1926 года

Невзирая на географическую близость, общность истории и этническое (между литовцами и латышами) родство, связи Литвы с Латвией и Эстонией не развивались. Хотя во время борьбы за независимость было и сотрудничество, и решительные призывы к образованию союза, тем не менее три страны шли различными путями. Латвия и Эстония избегали вмешательства в польско-литовский конфликт из-за Вильнюса, обе скорее склонялись к Варшаве, тогда как Литва из-за виленской проблемы выпадала из перспективного регионального образования с Польшей во главе. Москва использовала разногласия между Литвой и Польшей в своих целях, что вредило как интересам Балтийских стран, так и интересам Польши. Правда, Латвия 16 февраля 1921 г. признала Литву *de jure* – в период международной изоляции Литвы это было большой поддержкой. В марте того же года при помощи международной арбитражной комиссии была установлена граница между двумя государствами.

Это было время различных заманчивых идей и планов относительно Балтоскандии – союза стран Балтии и Скандинавии, однако сотрудничество со Скандинавскими странами развития не получило. Оставшись в одиночестве, литовцы 28 сентября 1926 г. подписали в Москве договор о ненападении и нейтралитете с СССР, в котором советская сторона подтвердила, что все условия договора 1920 г. остаются неизменными. Нота Георгия Чичерина к этому пакту подтвердила интересы Литвы в Вильнюсе; СССР заверил литовцев, что фактическое нарушение литовской границы не изменило позиций Москвы относительно территориального суверенитета Литвы. Таким образом, Москва, невзирая на недовольство Польши, признала суверенные права Литвы на Вильнюс.

На литовские политические силы действовали общеевропейские процессы – кризис парламентаризма, установление диктатур, перевороты. Диктатура большевиков в СССР, приход к власти Бенито Муссолини в Италии, перевороты в Болгарии, Португалии, а особенно вооруженный переворот в мае 1926 г. в Польше, когда к власти вернулся Ю. Пилсудский, – все это стимулировало активность недовольных правлением Сейма («сеймократией»). После трех лет довольно жесткого правления блока христианских демократов 8–9 мая 1926 г. прошли выборы в Третий сейм (85 мест), закончившиеся сенсацией – поражением блока ЛХДП. В июне новая правящая коалиция впервые была сформирована левыми силами – крестьянами ляудининками и социал-демократами, к которым под-

ключились семь представителей национальных меньшинств. На пост президента был выбран лидер крестьян ляудининков Казис Гринюс. Социал-демократы поддержали его только при условии согласования с ними всех действий. В правительстве доминировали крестьяне ляудининки во главе с премьер-министром М. Слежявичюсом.

Новое правящее большинство III Сейма спешило ввести в стране полноправный демократический порядок. 17 июня было отменено военное положение, политзаключенные, среди которых было немало членов нелегальной Коммунистической партии Литвы (КПЛ), вышли по амнистии, были отменены все ограничения печати, впервые в истории страны была провозглашена свобода собраний. Новая власть в целях экономии средств урезала зарплаты, намеревалась передать светским властям ведение актов гражданского состояния (что нанесло бы сильный финансовый удар по духовенству, поскольку с начала 1927 г. планировалось отменить выплаты жалованья священнослужителям), начала уменьшать численность армии. Разъяренные офицеры популярно объяснили одному из членов Сейма, к чему это может привести: «Господа, это не вы сократите армию, это армия сократит вас». Внезапные реформы и благородные устремления властей обернулись против них самих. С осени 1926 г. в оппозиционной печати и в самом Сейме все чаще начали раздаваться голоса об угрозе коммунизма для независимости Литвы, обвинения в адрес власти в попустительстве им – после снижения численности политической полиции некому было усмирять антигосударственные выпады, после коммунистических митингов хулиганы с красными флагами в руках задирали людей в военной форме, от «большевизации» содрогались оппозиционный блок христианских демократов, таутининки, военные и их сторонники (в ноябре конная полиция жестоко разогнала патриотическую студенческую демонстрацию). «Большевизацию» дополнили обвинения в полонизации, поскольку в ходе выполнения предвыборных обещаний правительство позволило полякам учредить 70 польских школ, что, с учетом натянутых отношений между Литвой и Польшей, было расценено как общенациональная опасность.

По словам А. Сметоны, демократия в стране напоминала ботинки, купленные ребенку на вырост – за недолгие шесть лет традиция парламентаризма не успела созреть и утвердиться, особенно трудно было формировать коалиции. Вмешательство Сейма в дела исполнительной власти выглядело мелочным и некомпетентным. Консервативному крылу казалось, что модель демократического государства не соответствует национальным интересам, не способствует развитию литовского духа, создает благодатную почву для расцвета большевизма. Тем вре-

Переворот 17 декабря 1926 г. – броневики у Главного штаба

менем на политическую арену вышла армия: военные не только защитили свободу Литвы, присоединили Клайпеду, но и ощущали свое превосходство над политиками. Они занимались просвещением солдат, их физическим развитием, внедряли спорт, прививали гигиенические навыки. Недовольство военных стремительным креном политического вектора страны влево привело к тому, что в ночь на 17 декабря 1926 г. самые активные офицеры вывели свои войска в город и расставили стражу у важнейших государственных учреждений. В 3 часа 43 минуты в зал Сейма ворвались вооруженные военные, прервав заседание по бюджету на следующий год, разогнали Сейм, арестовали президента, всех министров и нескольких депутатов. Не встретив сопротивления, майор Повилас Плехавичюс объявил себя главнокомандующим восставшими войсками и временным диктатором, однако вскоре предложил этот пост первому президенту Литовского государства А. Сметоне, который дал согласие, поскольку военные выполнили выдвинутое им условие – осуществили переворот без единого выстрела.

Президент К. Гринюс под давлением организаторов переворота и с согласия руководства партии крестьян ляудининков отправил в отставку правительство М. Слежявичюса и поручил сформировать новый Кабинет министров представителю таутининков А. Вольдемарасу. Перед угрозой возможности гражданской войны, которой могла воспользоваться Польша, сам К. Гринюс также согласился уйти в отставку – его убедили, что новая власть будет соблюдать конституцию. Во избежание проблемы с международным признанием нового прави-

тельства таутининки, согласовав свои действия с блоком христианских демократов, 19 декабря созвали экстраординарное заседание III Сейма. На этом заседании блок ЛХДП выбрал новым президентом страны лидера таутининков А. Сметону, который присягнул на верность конституции страны. Блоку ЛХДП достались посты председателя Сейма (А. Стульгинскис) и его заместителей.

Для оправдания декабрьских событий таутининки и христианские демократы объявили себя спасителями Литвы от коммунистического переворота (коммунистический путч 1 декабря 1924 г. в Эстонии говорил в пользу такой возможности). Четыре лидера КПЛ были приговорены к смертной казни и расстреляны спустя десять дней после начала переворота – это должно было означать наказание истинных виновников, хотя оппозиционные партии и не усматривали опасности коммунизма.

А. Сметона и А. Вольдемарас открыто подчеркивали необходимость усиления президентских полномочий, низко расценивали роль политических партий, которые якобы представляли волю не всего народа, а лишь его части, и не собирались возвращаться к так называемым временам сеймов, отождествляя их с беспорядком и анархией. Дела, начатые III Сеймом, были названы невыполнимыми и «противоречащими основным законам национальной психологии». Пришедшая в себя левая оппозиция попробовала было вернуть себе Сейм в таком же стиле, но весной 1927 г. власти арестовали лидера оппозиционеров – депутата Сейма, члена партии крестьян ляудининков Юозаса Паяуйиса, и их план ответного переворота провалился. Оппозиция опротестовала арест Ю. Паяуйиса, отказавшись утверждать соответствующую правительственную декларацию, в результате чего на основании акта президента от 12 апреля 1927 г. III Сейм был распущен, а новые выборы так и не были объявлены под предлогом подготовки к референдуму. Так президент А. Сметона одним махом отстранил от руля и мощнейшую политическую силу в стране – христианских демократов.

Антанас Сметона – президент Литвы в 1919–1920 и 1926–1940 гг.

8–9 сентября 1927 г. вооруженные группы социал-демократов устроили путчи в нескольких уездах. Восстание было успешным только в Таураге – ру-

Посетители VII Литовской сельскохозяйственной и промышленной выставки (Каунас, 1928 г.)

ководство городом на некоторое время перешло в руки восставших, однако власти быстро подавили восстание, арестовав и предав суду большинство его участников. Остальные повстанцы во главе со своим лидером Иеронимасом Плечкайтисом бежали за границу. Оттуда они (сначала из Риги, а потом из Польши) вели террористическую деятельность, лелея планы по свержению недемократической власти А. Сметоны при поддержке авторитарной Польши. Это дискредитировало социал-демократов в глазах общества.

Все лето и осень 1927 г. президент А. Сметона в сопровождении военных, министров, журналистов под прицелом камер кинохроники ездил по городам и местечкам, где его торжественно встречали у возведенных в его честь традиционных приветственных арок, которые руками учащихся, членов литовских организаций были увиты гирляндами из цветов и зелени, а затем – у празднично украшенных арок местных еврейских общин. Президент посещал костелы, синагоги и русские православные церкви. Успокаивая жителей, А. Сметона разъяснял им планы нового руководства по наведению порядка в стране, обещал не допускать к управлению страной безответственных политиканов, которые только раздают обещания, больше заботиться о людях, покончить с коррупцией чиновников, сделать жизнь лучше и спокойнее. Сам А. Сметона утверждал, что эта беспрецедентная поездка дала людям информацию о будущих делах новой власти и «внушила доверие к пра-

вительству». Таким образом, сыновья консервативных, религиозных крестьян-католиков – лейтенанты армии и «шаулисы» (бойцы военизированной организации стрелков) – на некоторое время ввели диктатуру вместо демократической модели национального государства, от которой было решено отказаться из соображений международной политики и в пользу авторитарного режима президента А. Сметоны.

Президент А. Сметона и премьер-министр А. Вольдемарас

Так по булыжной мостовой литовских городов и местечек прогромыхала железными ободьями колес авторитарная телега, где на месте возничего восседал лидер партии таутининков. В публичном пространстве пока еще царил экстравагантный политик А. Вольдемарас – благодаря своим ораторским способностям лучше всех известный Западу литовец, занимавший посты премьер-министра и министра иностранных дел. Однако оказалось, что у него нет никаких новых идей в области внешней политики, тогда как А. Сметона старался придерживаться «серединной линии», т. е. не связывать Литву с каким-либо конкретным государством или их группой. А. Вольдемарас был убежден, что «враги наших врагов – наши друзья», и разделял позиции таутининков, считавших, что решение виленского вопроса идет через Москву и Берлин, поэтому прагматично искал поддержки СССР против Польши. После вступления в Лигу Наций Германия уже не могла поддерживать амбиции Литвы по поводу Вильнюса, однако именно с Германией в 1928 г. было подписано целых восемь договоров и достигнуто больше всего на дипломатическом поприще. А. Вольдемарас направлял внешнюю политику Литвы в более радикальное русло, подчеркивая, что политика по отношению к Польше не меняется, однако без Вильнюса Литва не представляет собой единого целого. Пойдя на переговоры с Польшей и надеясь доказать, что вильнюсский вопрос все еще не решен, А. Вольдемарас промахнулся – на переговорах в апреле 1927 г. Польша отказалась обсуждать проблему Вильнюса. После встречи в Париже с польским министром иностранных дел Аугустом Залеским 22 июня А. Вольдемарас был встречен на железнодорожном вокзале в Каунасе группой офицеров, которые дали ему понять, что такие переговоры с поляками могут привести к жесткой оппозиции. А. Сметона и А. Вольдемарас стали осторожнее – переговоры остановились, а в конституции Литвы 1928 г. в качестве столицы страны был указан город Вильнюс.

Литовская делегация в Лиге Наций в Женеве в 1926 г.; слева направо: Довас Заунюс, премьер-министр Аугустинас Вольдемарас и посол Пятрас Климас (фото Г. Роджер-Виоле)

Польша раскусила эту тактику и, чтобы сделать Литву сговорчивей, применила экономические и культурные санкции против литовских организаций Виленского края. В ответ на это Литва 15 октября 1927 г. обжаловала действия Польши в Совете Лиги Наций, и ситуация стала еще более напряженной, поскольку состояние войны с Польшей так и не было отменено Литвой. Литва и Польша сошлись лицом к лицу в Женеве, где 10 декабря на заседании Совета Лиги Наций Ю. Пилсудский задал А. Вольдемарасу вопрос: «Война или мир?» У А. Вольдемараса не было иного выхода, как только ответить, что состояния войны между Литвой и Польшей нет. Совет Лиги Наций тут же утвердил это своей резолюцией, объявив рубеж между двумя государствами уже не «демаркационной линией», а «административной линией», но и не «границей», как хотели литовцы. Обе стороны посчитали такой женевский результат своей победой, и по возвращении в Каунас А. Вольдемарас выступил в Доме офицеров (Рамове) и по радио с заявлением: «…мы вошли в мировую политику». Однако в действительности обретение Вильнюса отодвинулось еще дальше.

Виленская проблема осложняла и вопросы образования Литовской церковной провинции и подписания конкордата с Ватиканом. В ходе

Президент А. Сметона объезжает кавалерийский строй в 1938 г.

переговоров правительства с Ватиканом по поводу дипломатических отношений оппозиция обвинила христианских демократов в отречении от Сейнской и Виленской епархий. И только А. Вольдемарасу удалось уладить этот вопрос во время своего визита в Рим – 27 сентября 1927 г. он подписал конкордат с Ватиканом, определив, таким образом, положение Литовской католической церкви в государстве. Однако отношения между церковным руководством, поддерживавшим блок ЛХДП, и лидерами страны оставались напряженными.

Отношения с Великобританией и Францией ухудшились в мае 1928 г., во время визита А. Вольдемараса в Лондон – именно в этот момент была обнародована новая конституция Литвы, провозгласившая столицей Литовского государства город Вильнюс. Получилась своеобразная демонстрация причастности Лондона к дискуссии о принадлежности Вильнюса. Такой поступок гостя не понравился британцам, и международная изоляция Литвы продолжилась.

15 мая 1928 г. президент А. Сметона «с одобрения всего Кабинета министров» укрепил свои позиции посредством новой конституции, которая узаконила его верховенство над Сеймом и предоставила ему следующие полномочия: распускать Сейм и проводить выборы, издавать законы (учрежденный Государственный Совет имел право лишь разрабатывать и обсуждать законопроекты), осуществлять права Сейма в его отсутствие. Президент выбирался на семь лет особыми представителями нации и имел право производить любые назначения

и увольнения. В сущности, конституция закрепила уже имеющуюся ситуацию, узаконив авторитарное правление А. Сметоны.

В результате постоянно усиливавшейся в Европе тенденции к неприкосновенности имеющихся границ А. Вольдемарас ничего не мог изменить. Являясь и премьер-министром, и министром иностранных дел, он уже не успевал справляться со всеми делами, конфликтовал с несколькими своими министрами и начал претендовать на единовластие. В мае 1929 г. студенты-эсеры организовали покушение на жизнь А. Вольдемараса, а в сентябре 1929 г. все министры *in corpore* «подали в отставку», после чего подать в отставку был вынужден и сам премьер-министр. 23 сентября президент А. Сметона назначил на пост премьер-министра экономиста Юозаса Тубялиса, а А. Вольдемарас остался ни с чем, поскольку неосмотрительно отказался от поста министра иностранных дел. Мастер тихих комбинаций А. Сметона продолжал вскрывать своим скальпелем назревшие нарывы: он отделался от прежнего окружения, в которое входили офицеры – участники переворота, от А. Вольдемараса, а чуть позже прикрыл и полутайную вооруженную организацию самых радикальных таутининков «Гележинис вилкас» («Железный волк»), считавшую своим вождем А. Вольдемараса, после чего эти так называемые вольдемаровцы ушли в подполье и предприняли еще немало безуспешных попыток вернуть к власти своего покровителя.

Новому национальному вождю нужно было найти себе исторический идеал, сравниться с каким-нибудь историческим героем, обосновав таким образом необходимость в жестком управлении. И такие герои были найдены – это все великие литовские князья как благородное связующее звено между древней и новой Литвой, воссоздавшей свое государство в XX в. Традиция ВКЛ, имена великих литовцев, князей и дворян, военачальников Гедиминаса (Гедимина), Кестутиса (Кейстута), Витаутаса (Витовта) Великого всегда поднимали самосознание возрождающейся литовской нации. Национальным и государственным героем был выбран правитель древней Литвы – Витаутас, великий князь литовский, прославленный полководец, гений нации. В 1930 г. прошли торжества в честь 500-летия со дня смерти Витаутаса. Фигура Витаутаса Великого и его историческая роль как объект почтения и почитания удовлетворяли всех: полководец, победитель Грюнвальдской битвы, раздвинувший границы Литвы от моря до моря, почти добившийся для нее королевской короны, которую «умыкнули» вероломные поляки… Витаутас импонировал и Католической церкви – как креститель Литвы, построивший 33 храма; нравился он и таутининкам – как властитель,

Момент формирования культа Витаутаса Великого:
в 1930 г. в Пасвалисе особой церемонией чествуют его портрет,
который был торжественно пронесен по всей Литве

Военный музей им. Витаутаса Великого, открытый в 1935 г.
Архит. Владимир Дубенецкий (фото В. Аугустинаса)

твердой рукой правивший своим государством; спортсмены славили физическую мощь Витаутаса, члены Общества трезвости уверяли, что Витаутас никогда не пил вина и пива. Веротерпимость Витаутаса нравилась национальным меньшинствам – ведь это он пригласил в Литву татар, а евреям предоставил такие привилегии, какие в Европе они получили гораздо позже. Кроме того, Витаутас воплощал в себе национально-политический идеал, близкий каждому литовцу – борец за независимость Литвы от поляков, он был похоронен в Вильнюсе. Комитет по организации торжеств в честь 500-летия со дня смерти Витаутаса решил построить в Каунасе Военный музей его имени как пантеон памяти, по всей Литве пронесли портрет Витаутаса – это ритуальное шествие сопровождалось многочисленными мероприятиями, во многих городах и местечках ему были поставлены памятники.

Так был сформирован культ Витаутаса Великого как напоминание о славном прошлом Литовского государства под управлением национального героя, одновременно связанного с образом сильного национального вождя – А. Сметоны – как второго Витаутаса. Главной идеей юбилейных торжеств в честь Витаутаса было единение нации в глубоком патриотическом порыве, нахождение опоры в достославной истории языческого ВКЛ и отсылка миру вести о древних исторических корнях Литовского государства.

Тандем А. Сметоны и Ю. Тубялиса

Создатель и руководитель хозяйственных и кооперативных организаций Ю. Тубялис оказался полной противоположностью эксцентричному А. Вольдемарасу. Он спокойно председательствовал и в правительстве, и в Союзе литовских таутининков в период с 1931 по 1938 г. Ю. Тубялис отлично разбирался в литовской экономике и финансах, жестко боролся с ослаблением лита, а его осторожная экономическая политика позволила Литве пережить кризис, сохранив свое финансовое положение и не погрязнув в неподъемных долгах. Его теория была по-хозяйски консервативной – не тратить больше, чем зарабатываешь, и развивать производство для улучшения финансового положения. Он не брал кредитов за рубежом, решения принимал осмотрительно и придерживался принципа автаркии экономической деятельности, т. е. минимальной зависимости от импорта.

160 тыс. новых фермеров проводили мелиорацию, превратили тысячи гектаров пастбищ и земель, покрытых кустарником и лесом, в продуктивные угодья, на треть увеличив посевные площади. Теперь Литва сама

обеспечивала себя продовольственным и фуражным зерном, а избытки отправляла на экспорт (в 1938 г. – 132 тыс. тонн). Кооперативы и отдельные фермеры приобрели в Дании, Швеции и Германии тысячи коров красной датской молочной породы и черно-пестрой породы, благодаря чему надои молока выросли с 700 до 2 000 литров, превысив показатели многих стран. В тех случаях, когда частные экономические инициативы не могли влиять на национальное хозяйство в необходимых масштабах, Ю. Тубялис создавал и укреплял кооперативные товарищества или открытые акционерные общества. Умеренное регулирование со стороны государства в области наемного труда, просвещения, культуры он считал полезным и необходимым, так что иногда его политику называют умеренной разновидностью государственного социализма. Деятельность Ю. Тубялиса укрепила капиталистические отношения в Литве, а поддержка кооперативов и товариществ привела к укрупнению таких литовских кооперативных обществ, как «Летукис», «Пеноцентрас», «Майстас».

Юозас Тубялис – премьер-министр Литвы (сентябрь 1929 – март 1938 г.)

Экспорт зерновых снижался, а сельскохозяйственная продукция (беконная свинина, сливочное масло, сыр, мясные изделия) в 1935 г. уже составила 65 % всего экспорта, в 1939 г. – 78 %. В 1924 г. Литва экспортировала 542 т сливочного масла, в 1939 г. – 17 413 т, а экспорт беконной свинины вырос до 41 тыс. т. Развивалась консервная, сахарная, текстильная промышленность (в 1939 г. действовало 80 предприятий по производству льняных, шерстяных, хлопчатобумажных, шелковых тканей и трикотажа), расширялось производство обуви, бумаги, стекольных изделий, т. е. промышленность, занятая по преимуществу переработкой местного сырья, выросла в четыре раза. Росли и развивались города – например, Каунас, где к 1939 г. проживало 154 тыс. жителей, 60 % которых составляли литовцы, стал современным, хорошо организованным городом. В нем были построены школы, библиотеки, новые музеи и корпуса университетских факультетов. Улучшилось здравоохранение, были учреждены и построены больницы, обучено 1 500 медиков, снизилась смертность, приблизившись к показателям

развитых европейских стран (13 человек на 1 тыс. жителей), а по числу новорожденных Литва оставила далеко позади Латвию и Эстонию… На 1941–1942 гг. было намечено начало индустриализации Литвы.

Авторитарный режим спокойного публициста и оратора А. Сметоны не удовлетворял таутининков правого крыла, которым импонировал итальянский фашизм и более энергичный лидер. В армии влиятельные националисты вольдемаровцы предпринимали постоянные попытки вернуть к власти А. Вольдемараса посредством путча, самой опасной из которых стал выход на улицы Каунаса частей генерала Пятраса Кубилюнаса в 1934 г. Однако путчи не были направлены непосредственно против А. Сметоны, и власти успевали вовремя останавливать их. Только А. Вольдемарас на этот раз был наказан особенно «строго» – из литовской провинции, местечка Зарасай, был выслан в Париж… Для обеспечения лояльности армии был найден простой выход – 1 750 офицерам 25-тысячной армии было назначено необыкновенно высокое жалованье, им предоставлялись бесплатные здравоохранительные услуги, квартиры и другие надбавки. Опорой режима были полиция и слаженно работающий Департамент государственной безопасности.

В связи с ростом количества упреков в «непереизбираемости» президента пришлось принять соответствующие законы, чтобы создать хотя бы такую видимость. 2 мая 1931 г. самоуправления были подчинены начальникам уездов – теперь начальники становились председателями уездных советов, которые выбирали «особых представителей нации», а те, в свою очередь, – президента. При таких выборах народных представителей было весьма сложно выбрать на пост президента оппонента А. Сметоны. Таким образом, А. Сметона создал себе условия вновь быть избранным – 11 декабря 1931 г. особые представители единогласно выбрали его президентом Литвы. Подобным же образом А. Сметона был выбран президентом и 14 ноября 1938 г. На фоне всего региона – например, по сравнению с Германией, где в 1933 г. к власти пришел А. Гитлер, или Эстонией и Латвией, где в 1934 г. после переворотов установились авторитарные режимы, режим А. Сметоны выглядел вполне либеральным.

Своей доли для модернизации армии требовали военные – в 1935 г. Совет государственной обороны принял план по реорганизации вооруженных сил – около 20 % бюджета пришлось выделить на оборонные нужды страны. Ю. Тубялис, возглавлявший Совет Министров 7,5 лет (дольше всех продержался на этой должности), гарантировал стабильность правительств и единую политику всех министров, что давало Литве шанс на развитие и прогресс во всех областях без какой-либо

иностранной помощи. Но были и неудачи. Рост сельского хозяйства и промышленности был недостаточен для того, чтобы обеспечить быстрое повышение уровня жизни, множество мелких ферм было продано с молотка. В 1935 г. предприятие «Пеноцентрас», которое занималось скупкой у крестьян молочных продуктов, в три раза снизило закупочные цены. Сувалкские крестьяне объявили забастовку, запретили поставлять молоко в Каунас и выставили на дорогах посты. При попытке сноса заграждений возникли беспорядки, в местечке Вейверяй полиция застрелила троих крестьян, сотни были арестованы. В 1934–1935 гг. отношения между Литвой и Германией обострились в связи с Клайпедским процессом против нацистов, и Германия фактически закрыла свои границы для литовской сельскохозяйственной продукции, приостановила традиционный импорт гусей. Для помощи фермерам все государственные служащие были обязаны регулярно покупать гусей. Правительство поддержало упавшие закупочные цены на сельскохозяйственную продукцию за счет бюджета, но как только Ю. Тубялис нашел новый рынок в Великобритании, объемы литовского экспорта в эту страну и импорта из нее вышли на первое место.

Крестьянские волнения и кровопролитие стали тяжелым ударом и для премьер-министра Ю. Тубялиса, и для А. Сметоны. Партии, особенно члены блока ЛХДП, критиковали режим. В начале 1936 г., когда христианские демократы активизировались, в Литве были официально запрещены политические партии. Исключение было сделано только для Союза литовских таутининков (СЛТ), которому А. Сметона не позволил преобразоваться в партию, а оставил лишь для поддержки своего режима. На первый взгляд, условий для деятельности оппозиционных партий как будто бы не осталось. Однако оппозиция продолжала требовать безотлагательного формирования правительства, пользующегося народным доверием, восстановления Сейма, левые действовали под лозунгом ляудининка М. Слежявичюса: «Борьба идет и будет идти, пока Сейм не будет созван». Тогда соратники уговорили А. Сметону восстановить контролируемый партией таутининков Сейм и таким образом перевести часть народного недовольства на него, т. е. прорубить политическую «форточку» для выпуска пара. В этих целях Сейм был восстановлен. Кандидатов в Сейм предлагали уездные советы (в Каунасе – городской совет), но общественные организации и группы граждан не могли выдвигать своих депутатов – это право было предоставлено исключительно самоуправлениям, которые находились под полным контролем таутининков. Так представителям оппозиции не позволили принять участие в выборах в Сейм. Поэтому выборы, состоявшиеся летом 1936 г.,

не были демократическими, а выбранный в итоге IV Сейм был прозван «сметоновским». Он состоял из 49 депутатов – в большинстве своем это были таутининки или лояльные по отношению к власти лица.

Авторитарный режим президента еще более укрепился после обнародования 12 мая 1938 г. новой конституции страны, подписанной президентом А. Сметоной и премьер-министром Владасом Миронасом. Конституция провозглашала Литву республикой, однако слова «демократическая» уже не было. Хотя суверенитет принадлежит нации, президент, выбираемый сроком на семь лет, возглавляет государство, он приобретает настолько широкие полномочия, что не отчитывается ни перед кем. Однако для принятия президентского акта по особо важным вопросам необходимо согласие и премьер-министра, требуется его подпись – например, по вопросам государственной обороны. Президент имеет право издавать законы, заключать и ратифицировать договоры, увольнять и назначать чиновников высшего ранга, а в качестве верховного главнокомандующего вооруженными силами – назначать и увольнять командующего армией. Столицей Литвы был объявлен Вильнюс. Этой конституцией авторитарный режим А. Сметоны был полностью гарантирован.

Деятельность ослабленных левых партий не казалась А. Сметоне опасной, и они продолжали издавать газеты. Угрозы не представляла и малочисленная (около 1 200 членов) подпольная Коммунистическая партия Литвы, хотя Москва и закачивала валюту в ее дряблые мускулы. Однако блок христианских демократов, Центр католической деятельности постоянно дышали в затылок – таутининки так и не смогли монополизировать идеологическое и организационное пространство. Католические организации, молодежные группы были многочисленнее таутининков, их печать была более влиятельной. Оппозиция христианско-демократической направленности открыто претендовала на участие в управлении государством, поддерживала амбициозного главнокомандующего генерала Стасиса Раштикиса, который приобрел в обществе такую популярность, что президент после затянувшегося конфликта амбиций в апреле 1940 г. уволил его с должности, хотя тот и был женат на его племяннице.

Евреи и поляки – граждане Литвы

На протяжении сотен лет Литва не знала ярого антисемитизма, поскольку литовский крестьянин полностью зависел от численно преобладающих еврейских купцов и скупщиков урожая и наоборот. Евреи, которых литовцы ласково и вместе с тем иронично называли

«наши еврейчики» (за невысокий рост и не вызывающее уважения, с точки зрения крестьян, занятие – торговлю, в отличие от «серьезного» дела), славились всеобщей грамотностью, пристрастием к книжной премудрости. В этом отношении они служили хорошим примером для литовского национального движения, хотя казались литовцам «иными». Евреи видели литовских крестьян как малоцивилизованную деревенщину, у которой они только скупали продукцию, а нарождающаяся литовская культура им, как и полякам, нисколько не импонировала. С литовцами евреи общались по-русски или по-польски. В XX в. ситуация начала меняться: литовцы начали сотрудничать с евреями во время выборов в российскую Думу, чтобы таким образом одолеть депутатов от польских помещиков. Но и те, и другие делали это ради собственной выгоды, не имея в виду общего стратегического партнерства.

Можно сказать, что положение литовских евреев и поляков было определено двумя важнейшими вопросами внешней политики – проблемами Вильнюса и Клайпеды. Небольшая группа литовской интеллигенции, не обладавшая собственным сильным и руководящим средним классом, была заинтересована в поддержке со стороны евреев, особенно в случае восстановления Литвы со столицей в Вильнюсе. Еврейские городские общины, их торговые и финансовые рычаги в еще нелитовских городах имели большое значение по соображениям внутренней и внешней политики. В декабре 1918 г. еврейские сионисты Яков Выгодский и С. Розенбаум стали членами литовского правительства: первый был назначен министром без портфеля по еврейским делам, а второй – заместителем министра иностранных дел. Литовцы не культивировали антисемитизм и не вынашивали планов по ассимиляции евреев, а на Парижской мирной конференции пообещали евреям все, что те просили, и прежде всего – широчайшую культурную автономию. Евреи поддержали литовскую независимость, участвовали в деятельности Совета Литвы, еврейские добровольцы сражались в боях за независимость. В 1920 г. на национальной конференции демократически выбранных представителей еврейских кагалов (органов еврейского общинного самоуправления) был создан Еврейский национальный совет Литвы (Ваад) из 34 членов, который был уполномочен решать все социальные и культурные вопросы литовских евреев. На заседаниях литовского Сейма евреи, не владевшие в должной мере литовским языком, могли говорить на идиш – такого в Европе еще не бывало…

Однако утрата Вильнюса поставила выполнение обещаний литовцев под вопрос, а при обсуждении конституции 1922 г. партии одобрили культурную автономию национальных меньшинств, предоставив

меньшинствам равные права, однако привилегий не дали, чтобы не создавать государство в государстве. Конституция стояла на страже государственного статуса литовского языка, высказывалась против унижения и преследования национальных меньшинств, призывала к уважению их культуры, однако евреев отдельно не упоминала. Хотя считалось, что в Литве проживает около 250 тыс. евреев, перепись населения насчитала их всего 150 тыс. (7 % населения). Интенсивная эмиграция и низкая рождаемость также не способствовали росту их численности. В 1923 г. был упразднен пост министра без портфеля по еврейским делам, а позднее в Литве восприняли установку А. Сметоны: поскольку мы дали национальным меньшинствам право на родной язык и возможность общаться на нем в своей культурной среде, то меньшинства «за это должны быть территориальными патриотами нашей земли, любить Литву и уважать литовскую нацию».

Невзирая на доминирование литовской культуры, над которой они совсем недавно посмеивались, евреи могли и далее полностью удовлетворять свои национальные культурные потребности. Однако евреи и литовцы жили отдельной жизнью, пересекаясь только в рабочем порядке. В национальном литовском государстве евреи не могли занимать должности на государственной службе, поэтому они традиционно преобладали в торговле и коммерции, внесли большой вклад в реконструкцию Литвы, создали еврейские экономические и финансовые организации, а также собственную уникальную систему образования и школ (уроки велись на иврите или идиш, и школы стали важными центрами еврейской культуры). Молодая и пока ничем не впечатлявшая литовская культура (классики литовской литературы Майронис, Вайжгантас, В. Креве-Мицкявичюс еще ходили по каунасским улицам) не слишком привлекала евреев. С другой стороны, национальные чувства литовцев, долго терпевших притеснения со стороны царских властей, были уязвлены тем, что между собой евреи часто используют для общения русский язык.

Евреи – многополярное, плюралистическое, политически раздробленное сообщество с множеством партий и организаций. По мере секуляризации и модернизации молодежи, распада закрытой жизни еврейского гетто власти начинали коситься на все более многочисленных евреев – сторонников левых сил, активных членов КПЛ, коммунистического подполья, где евреи преобладали: они составляли более 70 % членов главных коммунистических организаций – Каунасского отделения КПЛ, являли собой большинство в комсомоле и МОПРе (Международная организация помощи борцам революции, управляемая из Москвы). Процесс урбанизации Литвы (массовый наплыв ли-

Молодые спортсмены из еврейского клуба «Хапоэль» маршируют по центральной улице Каунаса в 1935 г. (архив Ассоциации литовских евреев в Израиле)

товцев в города, их приток в промышленность и торговлю) в сочетании с экономическим кризисом усилил конкуренцию. Евреи все еще контролировали около 40 % промышленности, 54 % внутренней торговли, 20 % экспорта и 40 % импорта страны. Многие евреи были людьми свободных профессий: евреи составляли 42 % всех врачей в Литве, чуть меньший процент евреев был среди адвокатов страны, людей искусства, журналистов, 32 % евреев работали в торговле, 23 % занимались промышленностью и ремеслами.

В тридцатые годы на еврейских торговцев довольно агрессивную атаку со страниц газеты «Вярслас» («Предпринимательство») повели литовские предприниматели, открыто выдвинув лозунг «Литва для литовцев». Однако власти эффективно пресекали призывы к «ограничению» евреев, а философемит А. Сметона заявил агрессивно настроенным младолитовцам, что «места хватит всем».

Таутининки были довольны еврейской помощью при решении проблем с принадлежностью Вильнюса и Клайпеды, но участие евреев в выборах в самоуправления расценивалось как их «необоснованная» тяга к дальнейшему расширению своего влияния. По мере роста литовского населения в городах деятельность литовцев и их хозяйственных кооперативов неизбежно ослабляла позиции еврейского бизнеса. В 1934 г. доля литовского капитала в экспорте Литвы уже составляла 45 %, в 1938 г. – 70 %. В некоторых областях евреи уверенно доминировали –

Более десяти лет дороги между Литвой и Польшей были закрыты. Встреча родственников с обеих сторон у административной линии (около 1937 г.)

они экспортировали больше лошадей, мехов и кожи, лесоматериалов, занимали бóльшую часть импорта. В целом евреи жили отдельной общиной и слабо интегрировались в литовское общество, а сионистское движение способствовало переселению литовских евреев в Палестину.

Культурная жизнь поляков, которые составляли около 3,2 % населения (хотя, по их мнению, эта цифра должна была составлять 10 %), также сосредоточивалась вокруг польских школ. Однако ситуация ухудшалась в результате ограничений, которые вводила Польша в отношении литовской культурной жизни в Виленском крае, поскольку литовские власти отвечали тем же. В начальных школах число польских учеников постоянно снижалось – в 1923 г. в 30 начальных польских школах занималось 2 852 ученика, а в 1932 г. – уже только 603. С 1927 г. сложилась практика обязательного указания национальности учеников. Ребенок мог посещать польскую школу, если оба его родителя были поляками, но если один из родителей был литовцем, ребенок должен был ходить в литовскую школу. Польское влияние ограничивалось в связи с планами властей по литуанизации поляков, которые трактовались как денационализированные литовцы. Президент А. Сметона считал, что если литовец некогда превратился в поляка, то почему бы ему не превратиться обратно в литовца?

Поляки жили некомпактно, и у них не было возможности подыскать для ребенка польскую школу в каждом уголке Литвы, в связи с чем они отправляли своих детей в нелегальные школы, которых в 1935 г. насчи-

тывалось около 40. Делу образования помогали польские культурные организации «Походня» («Факел»), «Освята» («Просвещение»), «Ютженка» («Утренняя звезда»), получавшие деньги из Польши. Они поддерживали польские начальные школы, а также польские гимназии в Каунасе, Паневежисе и Укмерге, получавшие финансирование от литовского правительства. В 1935/36 учебном году действовало около 30 польских школ.

Плохие отношения между двумя государствами не позволяли литовским полякам широко заниматься политикой, в результате чего они уделяли много сил культурной деятельности. Но в целом национальные меньшинства, в том числе русские и немцы, хотя и могли свободно сохранять свой язык и культуру, не чувствовали себя равноправными членами общества при сопоставлении с литовцами, получив только роль их помощников и сталкиваясь с невидимыми барьерами при попытках занять государственные должности. Немецкие и польские меньшинства предпринимали попытки получения национальной автономии по примеру евреев, и только русское меньшинство не выдвигало подобных требований.

После сентября 1939 г. влияние международных событий как на литовцев, так и на национальные меньшинства стало очевидным – части Красной армии делали свое: в правом крыле литовской молодежи крепли радикальные, националистические настроения, в левом – еврейская и литовская часть молодежи выражала явные симпатии СССР и большевизму. Никого из них не удовлетворял умеренный авторитарный режим А. Сметоны, хотя и по совершенно различным причинам.

Поколение периода независимости

За неполные два десятилетия Литва окончательно стала литовской, ее уже нельзя было спутать ни с Польшей, ни с Россией. Приоритетные цели государственной модели и режима А. Сметоны – создание национальной культуры и литовскоязычная Литва – были в целом достигнуты. Национальная культура, уже не подвергавшаяся стороннему регулированию и ограничениям, раскрылась во всей своей полноте, в стране выросло новое поколение образованных талантливых людей, способных открыться мировым ценностям и переосмыслить их на литовской почве. Почтение к книгам и книгопечатанию сохранялось со времен запрета на литовскую печать, была в основном ликвидирована неграмотность. В 1937 г. в Литве выходило 150 периодических изданий на литовском и русском языках общим тиражом в 930 тыс. экземпляров. В 1938 г. в стране действовало 2 312 школ, в них работало

Развитие архитектуры: Торгово-промышленная палата в Каунасе. Архит. В. Ландсбергис-Жямкальнис, 1938 г.

5 110 учителей. В одних только начальных школах обучалось 283 тыс. детей, литовский язык возобладал во всех областях государственной жизни. Деятельность Каунасского университета Vytautas Magnus была дополнена учреждением Сельскохозяйственной академии в г. Дотнуве и Ветеринарной академии в Каунасе, которые готовили специалистов в области сельского хозяйства. Педагогический институт готовил учителей, Художественное училище и консерватория воспитывали художников и музыкантов. Около 1 500 молодых литовцев получили государственные стипендии для обучения за рубежом и смогли получить образование в сфере инженерии, мореходства, медицины, лингвистики и истории, военного дела.

Молодые пары считали делом чести заключить брак в Париже, познакомиться с мировым искусством и литературой. Родилось профессиональное литовское изобразительное искусство, архитектура, своя философская школа. Поэзия и литература, уже достигшие довольно высокого уровня, экспериментировали с неслыханными ранее стилями, появились психологические и сатирические романы, исторические и реалистические драмы. Профессиональная критика освещала и анализировала идейные и приоритетные направления состязавшихся между собой католиков, таутининков и представителей левых сил в контексте не только литовского, но и европейского культурного развития. Литовская культура этого периода отстранялась от влияния русской культуры, умалчивала о польской и ориентировалась то на

Здание предприятия «Пеноцентрас» в Каунасе (около 1938 г.). Архит. В. Ландсбергис-Жямкальнис

немецкие, то на французские культурные явления, хотя в равной мере опасалась влияния всех культурных гигантов.

Режим А. Сметоны не занимался регулированием развития, содержания и духа культурных явлений, хотя в то время немало говорилось о создании литовской национальной культуры. Средства из государственного бюджета позволили сформироваться национальной культурной элите, создать профессиональную оперу, балет, театр. 1 ноября 1938 г. был основан Институт литуанистики им. Антанаса Сметоны – научное учреждение, которое должно было заниматься изучением литовского языка, фольклора и прошлого Литвы, ведать научными материалами и источниками в этой области, представлять литовскую филологию в Литве и за рубежом, разрабатывать техническую терминологию, осуществлять сбор литовского устного народного творчества. Была продолжена работа по составлению Словаря литовского языка, начатая в 1902 г. Казимерасом Бугой (первые тома были напечатаны в годы нацистской оккупации, следующие составлялись уже в советские времена, хотя и при вмешательстве политруков. Этот уникальный по мировым меркам лексикографический труд был завершен только в 2001 г.). Словарь состоит из 20 томов общим объемом в 22 тыс. страниц, на которых представлено полмиллиона слов литовского языка с примерами их употребления.

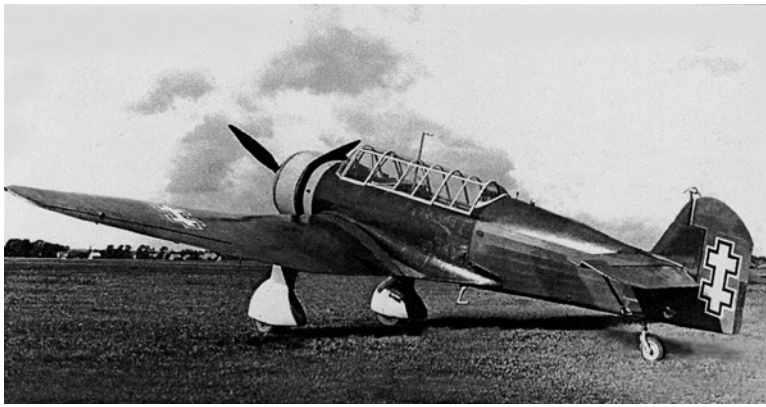
По некоторым экономическим и социальным показателям Литва приблизилась к соседним странам или даже сравнялась с ними: например, Литва догоняла Польшу (в 1930 г. национальный доход на душу

населения в Литве составил 450 фунтов стерлингов, в Польше – 550, в Латвии – 900, в Финляндии – 950) и опережала Румынию, Болгарию. Но это еще не все – в стране уделялось внимание созданию национальных и государственных традиций, учреждению памятных мест, сохранению традиций – нация должна была обрести памятные исторические места и своих героев. Тогда же возникла идея о строительстве в Каунасе костела Воскресения Христова – национального святилища в литовском архитектурном стиле и с литовской орнаментикой, выражающего религиозный и национальный дух литовского народа. Костел рассматривался как акт единения нации. Самое высокое здание Каунаса из железобетонных плит по проекту архитектора Карлиса Рейсонса (Каролис Рейсонас) выросло очень быстро (в советские времена в нем размещался радиозавод, как культовое здание костел был завершен только в XXI в.). В честь первого десятилетнего юбилея независимости устанавливались памятные кресты, сооружались патриотические памятники, посвященные борьбе за независимость, приводились в порядок могилы бойцов, павших за свободу Литвы. 23 ноября 1934 г. в Каунасе во дворике Военного музея у памятника Погибшим за свободу Литвы был захоронен Неизвестный солдат, разработаны почетные церемонии, отдана дань памяти воинским могилам и заложена традиция почитания павших, а сама дата 23 ноября (день основания Литовской армии) стала ежегодным праздником.

С 8 сентября 1930 г. начал отмечаться и особый Национальный праздник (день несостоявшейся коронации князя Витаутаса и Рождество Пресвятой Девы Марии): государственные учреждения украшались большими портретами Витаутаса Великого и А. Сметоны, проходили военные парады, театрализованные шествия по городским улицам, разыгрывались спектакли, для иностранных гостей устраивались торжественные приемы. Праздники подчеркивали связь между прошлым и настоящим, объединяли национальные победы, воспитывали народ на примерах славного прошлого, были призваны демонстрировать единство армии и нации.

Вскоре у молодой нации появились и современные герои. 15–17 июля 1933 г. двое литовцев, Стяпонас Дарюс и Стасис Гиренас, на маленьком самолете «Lituanica» совершили прямой перелет из Нью-Йорка в Литву. Они летели без посадки 37 час. 11 мин. и преодолели 6 411 км. Это был второй по длительности беспосадочный перелет в мире. В Каунасе появления их самолета в воздухе ждала огромная, почти стотысячная толпа. Но авиаторы погибли в катастрофе над территорией тогдашней Восточной Пруссии. Услышав эту весть, люди разрыдались. В своем письме, написанном перед полетом, летчики призывали литов-

Трансатлантические летчики
Стяпонас Дарюс и Стасис Гиренас



Легкий бомбардировщик ANBO-VIII конструкции генерала Антанаса Густайтиса, изготовленный в каунасских военно-авиационных мастерских (1939)

скую молодежь посвятить себя прославлению Отечества, и этот наказ стал целью тысяч юношей и девушек. В честь героев в Каунасе был воздвигнут мавзолей (пострадал во время нацистской оккупации и окончательно уничтожен в советские времена). 21–22 мая 1935 г. другой американский литовец, Феликсас Вайткус, успешно совершил задуманный С. Дарюсом и С. Гиренасом полет.

Эти события пробудили в молодежи интерес к авиации, к авиационному и планерному спорту. Талантливый авиаконструктор и проектировщик Антанас Густайтис, с 1934 г. являвшийся командующим литовской военной авиацией, сконструировал серию самолетов, назвав их ANBO (акроним выражения *Antanas nori būti ore* – «Антанас хочет подняться в небо»). 66 таких самолетов были построены в каунасских военно-авиационных мастерских. В 1934 г. группа из трех самолетов ANBO-IV под руководством А. Густайтиса посетила почти все европейские столицы, пролетев более 10 тыс. км. Творчески использовав немецкие моторы и французские фюзеляжи, литовцы конструировали и строили в Каунасе свои военные и спортивные самолеты, в том числе легкие бомбардировщики, производили спортивные планеры.

За выходом спорта на международную арену пришли и первые победы – при поддержке американских тренеров и нескольких игроков литовского происхождения литовские баскетболисты завоевали золотую медаль на чемпионате Европы в Риге в 1937 г. Поезд со спортсменами на каждой литовской станции тысячные толпы людей с цветами встречали исполнением национального гимна, поздравлениями и слезами радости. В 1939 г. в Каунасе Литва во второй раз выиграла чемпионат Европы по баскетболу, а вскоре женская сборная по баскетболу завоевала серебряные медали на чемпионате Европы в Италии. Отныне и навсегда баскетбол стал в Литве спортом № 1, символом национальной победы, торжеством гармонии духа и тела, прекрасным примером для представителей других видов спорта. Спорт стал неотъемлемой частью жизни, что было продемонстрировано на первой национальной олимпиаде в Каунасе в 1938 г., в которой приняли участие и многочисленные литовцы из других государств.

Число литовских эмигрантских колоний за рубежом росло, ширилась их география. Небогатые малоземельные крестьяне соблазнялись эмиграцией, чаще всего – в страны Южной Америки, поскольку США ввели иммиграционные квоты. За 20 лет из страны уехало около 100 тыс. жителей, примерно 30 % из них составляли евреи, направлявшиеся в Палестину, Южно-Африканский Союз и США. Литовцы чаще всего эмигрировали в страны Южной Америки (Аргентину, Бразилию,

Каунасский крытый стадион, 1939 г.: литовская мужская сборная по баскетболу во второй раз стала чемпионом Европы

Венесуэлу и Уругвай). В помощь им и для поддержания связей с родиной было создано Общество помощи зарубежным литовцам. Оно доставляло в зарубежные общины литовскую прессу, направляло туда католических священнослужителей и учителей, учредило несколько начальных школ. Связь с американскими литовцами, которые были наиболее сильны в финансовом и организационном отношении, поддерживалась в основном через родственные политические организации, профессионально или просто лично. Всемирный конгресс литовцев в Каунасе в 1935 г., на который прибыло 3 тыс. делегатов и гостей из 19 государств, продемонстрировал, что большинство литовцев за рубежом продолжают ощущать свою близость Литве, заботятся о ее будущем, хотя и не одобряют политические ограничения, введенные авторитарным режимом.

В годы независимости было четко очерчены контуры Литовского государства и определено содержание национальных ценностей. Молодое поколение литовцев, росшее и родившееся в свободной Литве, считало суверенитет своей страны величайшим приоритетом. Молодым литовцам уже казалось само собой разумеющимся, что нация сама распоряжается своей экономической, культурной и политической жизнью, даже если эта жизнь и не была совершенной (по словам одного гимназиста тех лет, он мечтал освободить Вильнюс от поляков и свергнуть

А. Сметону). Литовские гимназисты, студенты, офицеры и молодые фермеры живо реагировали на угрозы из-за рубежа, выражая твердое намерение защищать свою родину в случае необходимости. Этому, в конце концов, их и учили. А собственное государство, пришедшее из эпохи Миндаугаса, Кестутиса, Альгирдаса и Витаутаса, было гарантом их мечтаний, планов на будущее и наивысшей ценностью.

Литовская Литва, пусть порой без Вильнюса и Клайпеды, стала величайшим достижением национальных лидеров – без этой концепции сегодняшняя Литва вряд ли смогла бы стать тем, чем она является. Довольно типичная для Европы того времени государственная модель А. Сметоны, укоренившееся национальное самосознание и патриотизм в некотором роде подготовили детей независимости к трем оккупациям подряд, даже к затянувшемуся на 50 лет советскому правлению, а идея независимости Литвы, надежды на свободную жизнь дали им силы сохранить родной язык и культуру в годы вращающихся черных свастик и красного серпа, рубивших головы лучшим дочерям и сынам литовского народа.

ЭРА УЛЬТИМАТУМОВ ТРЕХ СОСЕДНИХ СТРАН

Литва и Польша: отношения без отношений

Отношения с соседями складывались непросто. Сближению Латвии, Эстонии и Литвы посредством дипломатических ухищрений постоянно препятствовали Польша, СССР и Германия. Поэтому политический и дипломатический союз Балтийских государств был заключен лишь 12 сентября 1934 г. в Женеве. Он назывался Балтийской Антантой, или Балтийским союзом, и был направлен на укрепление экономического, социального, юридического и административного сотрудничества. Однако он не гарантировал Литве поддержку Эстонии и Латвии в конфликте с Польшей из-за Виленского края, хотя и укрепил сотрудничество между странами региона.

После неудачи в прямых переговорах отношения Литвы с Польшей ограничивались дипломатическими связями по конкретным поводам, а на все остальные события международной политики Литва смотрела исключительно сквозь призму Вильнюса. Сложности на дипломатическом поприще были неизбежны, потому что Литва ставила перед собой две главные, но совершенно противоположные задачи: по Виленскому вопросу она требовала ревизии границ, а по Клайпедскому вопросу от-

Парадный строй Литовской армии, 1937 г.

стаивала сохранение существующего положения – *status quo*. Как литовские дипломаты могли выиграть две важнейшие битвы, если цели Литвы были диаметрально противоположны друг другу?

Европейская политика в этот период претерпевала изменения, СССР сближался с Польшей и в июле 1932 г. подписал с ней пакт о ненападении, что, по сути, сводило на нет обязательства СССР перед Литвой относительно Вильнюса. Кроме того, Каунас беспокоила все возрастающая агрессивность Германии. Поэтому в 1934 г. Каунас попытался завязать неофициальные связи с Варшавой. Сорокалетние министр иностранных дел Стасис Лозорайтис и главнокомандующий армией генерал С. Раштикис приступили к модернизации дипломатии и армии и разработали новую стратегию национальной безопасности. Идея С. Лозорайтиса – «независимость превыше всего», поэтому *modus vivendi* с Польшей является непременным условием независимости. В апреле 1935 г. С. Лозорайтис вручил президенту А. Сметоне секретный меморандум, в котором изложил свою схему: у нас есть Клайпеда, однако из-за нее нам угрожает опасность, у нас нет Вильнюса и нет надежды на его возвращение в ближайшем будущем. Мы не можем сражаться на двух дипломатических фронтах, поэтому Литве следует вернуть польский фактор и использовать его в борьбе с Германией. В военной сфере С. Раштикис прощупывал возможности военного сотрудничества с Латвией и Эстонией, высказывался за военный союз трех государств, но А. Сметона и премьер-министр Ю. Тубялис заявили, что подобный альянс бесполезен для Литвы.

Однако связи, установленные с министром иностранных дел Польши Юзефом Беком, не принесли ничего хорошего: в январе 1936 г. Ю. Бек в своей речи обрушился на Литву, а в марте в Каунасе А. Сметона в своей ответной речи не оставил возможностей для компромисса. Переговоры зашли в тупик, а 11 марта 1938 г. у административной линии произошел инцидент – литовский пограничный полицейский застрелил польского солдата, пересекшего линию. Хотя в подобных инцидентах поляки ранее застрелили 7 литовских пограничных полицейских, но Варшава, в то время как Германия захватывала Австрию, подняла антилитовскую истерию и 17 марта вручила Литве ультиматум с требованием о восстановлении дипломатических отношений. Польша заявила, что ожидает положительного ответа на свои требования без каких-либо исключений, в противном случае завуалированно угрожала войной.

Политики в Каунасе ожидали подобного ультиматума и сами искали пути восстановления отношений. Франция и Великобритания советовали принять польские требования, то же самое Каунас услышал от Москвы и Берлина. На заседании литовского правительства генерал С. Раштикис заявил, что армия в случае соответствующего приказа будет воевать, но у него нет иллюзий относительно исхода этой войны, поэтому он высказывается за мирное решение. Поскольку ультиматум не требовал признания Вильнюса за Польшей, то 19 марта Литва приняла его. Хотя тысячи горячих голов на улицах польских городов яростно скандировали «Марш на Ковно!», официальная Варшава была удовлетворена достигнутым.

По национальным амбициям литовцев был нанесен ощутимый удар – им пришлось вычеркнуть из календаря национальных памятных дат День утраты Вильнюса (9 октября), обменяться с Польшей посольствами, учредить в Вильно Консульство Литвы, распустить насчитывавший 700 тыс. членов патриотический «Союз освобождения Вильнюса», прекратить издание журнала «Наш Вильнюс». Хотя дипломатические отношения были восстановлены, сотрудничество между Польшей и Литвой не складывалось. Литва расценивала свои действия как тактическое отступление и в своей новой конституции, принятой в мае 1938 г., снова назвала Вильнюс в качестве столицы Литвы.

Принятие польского ультиматума повлекло за собой отставку Кабинета министров Ю. Тубялиса, а самого премьер-министра сменил другой близкий А. Сметоне человек – ксендз Владас Миронас. Он уволил С. Лозорайтиса, чья линия потерпела поражение, хотя литовские власти старались держаться так, будто ничего особенного не произошло. Безусловное принятие ультиматума привело к консолидации оппози-

ционных А. Сметоне сил – лидеры христианских демократов и крестьян ляудининков, образовали «ось» и начали разрабатывать совместную программу, к ним примкнули и ультрарадикальные вольдемаровцы. С конца 1938 г. в Клайпеде (чья автономия не позволяла литовским властям подвергать цензуре печать) в оппозиционных изданиях «оси» стала появляться острая критика правления А. Сметоны, авторитет которого начал падать. Образование «оси» с возникновением политического кризиса из-за иностранной интервенции свидетельствовало об изменении тактики действий оппозиционных партий.

Первый в Европе процесс против нацистов и утрата Клайпеды

Одной из насущных проблем стала неудача с интеграцией Клайпеды, которая никак не «лепилась» к Литве, а немецкая дирекция Клайпедского края больше прислушивалась к указаниям из Германии. Здесь сложились две немецкие нацистские организации, которые вели антигосударственную пропаганду, готовились к восстанию и присоединению края к Германии, терроризировали литовские собрания, нападали на евреев. Клайпеда ускользала из рук Литвы.

Для пресечения антигосударственной деятельности 8 февраля 1934 г. был принят Закон о защите нации и государства, предусматривающий наказание за хулу и оскорбления в адрес литовской нации, литовского правительства, осквернение государственных символов, флага, за работу на иностранные организации против Литвы. Литовские власти тщательно собирали обвинительный материал, проводили обыски, во время которых у 805 членов нацистских организаций было найдено 1 104 единицы огнестрельного оружия и подстрекательская литература. 126 человек были привлечены к суду, а 13 июля нацистские организации были запрещены.

С июля 1934 по март 1935 г. в Каунасе шел судебный процесс – первый в Европе суд над членами немецкой национал-социалистической партии за антигосударственную деятельность. За процессом наблюдало множество журналистов из Западной Европы. Они могли подробно ознакомиться с террористическими и пропагандистскими действиями нацистов и поведать об этой опасности своим читателям. Суду было представлено 34 тома обвинительных материалов, по периметру зала суда были расставлены 300 ящиков с вещественными доказательствами: свастиками, флагами, униформой штурмовиков, инструкциями, листовками, оружием. Большинство обвиняемых заявило о своем вос-

Суд над клайпедскими нацистами в Каунасе (декабрь 1934 г.)

хищении нацизмом и восприятии Клайпеды как части Германии. Они показали, что являлись лишь местным отделением германской организации и получали указания от лидеров германских нацистов Рудольфа Гесса, обер-президента Восточной Пруссии Эриха Коха и Консульства Германии в Клайпеде. Процесс завершился 26 марта 1935 г., приговоры были вынесены 76 гитлеровцам.

В связи с этим процессом нацистская Германия оказывала огромное политическое и экономическое давление на своего маленького соседа, поэтому президент А. Сметона вскоре заменил смертную казнь на пожизненное заключение, а в 1937 г. амнистировал осужденных. Референдум в Сааре и присоединение этого края к Германии напугало литовское руководство. Еще в 1935 г. А. Сметона в частной беседе назвал А. Гитлера «опасным политическим безумцем», который во имя осуществления своих псевдоидей способен уничтожить половину Европы.

В конце 1938 г., после Мюнхенского соглашения, военное положение в Клайпедском крае было отменено, и Литва уже не владела ситуацией. Хотя литовское правительство вложило в Клайпедский край немало средств – в один лишь порт было инвестировано 42 млн литов при доходе всего в 11 млн литов, ресурсы Литвы были ограниченны и ее вли-

яние в крае начало падать: равноправие двух языков, зафиксированное в Мемельском статуте, было фикцией – по-литовски можно было договориться только в литовских учреждениях и фирмах. В немецких организациях доминировали сторонники нацистов, почти во всех школах преподавание велось на немецком языке, несмотря на то, что большинство школьников были литовцы. Властям не удалось ввести преподавание на литовском языке согласно происхождению учеников, а указания служащим относительно использования на работе литовского языка и участия в литовских праздниках дали обратный эффект – оппоненты успешно препятствовали интеграции Клайпедского края.

Литовское правительство не нашло поддержки и внутри Клайпедского края: местным немцам не нравилось положение национального меньшинства, они вообще считали литовское правление преходящим. Каунас попытался опереться на переселенцев из Большой Литвы, но в большинстве своем это были простые и необразованные рабочие. Хуже всего было то, что в связи со сложными социальными и политическими традициями и по психологическим причинам Литва утратила поддержку литовскоязычных «мемельлендеров» (клайпедчан), которые на выборах в местный сеймик проголосовали за сплотившиеся немецкие партии (примерно так же, как эльзасцы или силезские поляки). По основным параметрам своего развития Клайпедский край больше походил на Латвию и Эстонию, чем на Большую Литву. Если общий индекс благосостояния и культуры (среднегеометрический показатель грамотности, количества публичных библиотек, здравоохранительных учреждений, товаров массового потребления и др., рассчитанный пропорционально числу жителей) и средний уровень Балтийских стран приравнять к 100, то в Эстонии этот показатель составил бы 132, в Латвии – 138, отдельно в Клайпедском крае – 137, а в Литве – 59… Таким образом, Клайпеда «не лепилась» к Литве в том числе из-за более низкого уровня развития Литвы.

Увы, но Литве для сохранения Клайпеды потребовались бы сотни миллионов литов на инвестиции или столько же армейских дивизий, сколько их было у Германии… В начале 1939 г., когда Германия уже начала готовиться к походу на Клайпеду, Великобритания и Франция, некогда скрепившие Мемельскую конвенцию своими подписями, известили Литву о том, что они не гарантируют Клайпеде *status quo*, а без их помощи Литва не смогла бы удержать Клайпеду. 20 марта Германия предъявила Литве ультиматум с требованием о возвращении Клайпедского края под угрозой ввода немецкой армии на эту территорию. Президент А. Сметона созвал заседание Кабинета мини-

Адольф Гитлер в Клайпеде 23 марта 1939 г. – его приветствуют местные сторонники немецких нацистов и штурмовики СА

стров, длившееся 5 часов. На этом заседании он осведомился у военных, как долго Литва могла бы сопротивляться. После ответа генералов Казиса Мустейкиса и С. Раштикиса, что «и трех дней не пройдет», Литва приняла ультиматум.

23 марта, когда Литва и Германия подписали договор о передаче клайпедской территории, в город на военном корабле прибыл А. Гитлер и произнес с балкона театра речь перед ликующими местными немцами. А вся литовская нация была потрясена, потому что люди не хотели капитулировать. Литве был нанесен и тяжелейший экономический удар – хотя Клайпеда составляла лишь 6 % территории Литвы и 5 % ее населения, утрата Клайпеды означала потерю трети литовской экономики, а 70 % литовского экспорта шло именно через Клайпеду.

После передачи Клайпеды к власти условно вернулись христианские демократы и ляудининки. В. Миронаса на посту премьер-министра сменил генерал Йонас Чернюс, сформировавший свое правительство под лозунгом «сплоченной работы», обе оппозиционные партии получили по два поста министров. Однако власти и оппозиция по-разному расценивали изменения в правительстве. По мнению авторитарных властей, общая работа должна была вестись не по партийному принципу, а на уровне компетентных сотрудников. Но президент мог диктовать задачи правительству, так что делегированный оппозицией министр должен был выполнять его указания. Однако Й. Чернюс казался

А. Сметоне слабым премьер-министром. Кроме того, А. Сметона хотел видеть на этом посту представителя таутининков, и поэтому в ноябре 1939 г. было сформировано новое правительство Антанаса Меркиса. СКЛЛ и ЛХДП не требовали восстановления своих партийных организаций и согласились выдвинуть по два своих представителя в новое правительство. Такую практику можно назвать состоянием «меж властью и оппозицией», «политикой компромиссов». А истинное единство политических сил было просто необходимо, поскольку близились тяжелые времена.

Политика нейтралитета и пакт Молотова–Риббентропа

По мере того как рушились постулаты Версальской системы, Лига наций уже не могла гарантировать безопасность своих членов, и летом 1938 г. министры иностранных дел трех Балтийских стран решили не давать иностранным армиям разрешения на проход по своей территории, даже если бы такое требование было выдвинуто согласно статье 16 Устава Лиги Наций. Не располагая альтернативой, три Балтийских государства подготовили закон о нейтралитете – Литва ратифицировала его 10 января 1939 г. Однако во внешней политике изменений не было, и Литва продолжала свои маневры между Варшавой, Москвой и Берлином, стараясь не ввязаться в военный конфликт. В апреле главнокомандующий генерал С. Раштикис принял участие в празднованиях в честь 50-летия А. Гитлера, в мае по приглашению маршала Эдварда Рыдз-Смиглы официально посетил Польшу. Отношения между великими державами накалялись, и в мае литовским дипломатам было велено удерживать Литву в рамках строгого нейтралитета «в любой ситуации и по каждому вопросу».

Каунас, рассчитывавший на защиту закона о нейтралитете, был поражен известием о германо-советском договоре о ненападении от 23 августа 1939 г., наряду с которым Германия и СССР подписали дополнительный секретный протокол, разделив регион на сферы влияния: Финляндия, Эстония и Латвия отошли к Советскому Союзу, а Литва – к Германии. Обе стороны признали интересы Литвы в Виленском крае, однако не уточняли его границ. А вольдемаровцы, Союз стрелков и молодые таутининки обвиняли власти в импотенции, призывая правительство силой вернуть Вильнюс во время войны Германии с Польшей. Напавшая на Польшу Германия оказывала давление на Литву, требуя от нее выступления к Вильнюсу и обещая поддержку своей авиации, тан-

Главнокомандующий армией С. Раштикис (в центре) и генерал Й. Чернюс (справа) на маневрах 1938 г.

ковых войск и артиллерии. Однако литовское правительство, видевшее, как поляки проигрывают сражения, могло бы захватить город и без немецкой поддержки, но осознавало, что поход на Вильнюс является не столько военной, сколько политической проблемой. Поэтому оно заверило Польшу, что ни один литовский солдат не пересечет административную линию. В противном случае Литва стала бы агрессором и испортила бы отношения с Великобританией и Францией. Советский Союз тоже не одобрял план по захвату Вильнюса. 17 сентября 1939 г., когда СССР вторгся в Польшу, президент Литвы, демонстрируя решимость отстаивать независимость, объявил частичную мобилизацию. Численность литовской армии была увеличена с 24 000 до 89 470 человек (формально это было сделано на случай перехода воюющими сторонами границ Литвы). Однако после того как 28 сентября Вячеслав Молотов и Иоахим фон Риббентроп подписали договор о дружбе и границе между Рейхом и СССР, а также прилагавшийся к нему секретный протокол, согласно которому территория Литвы попадала в сферу влияния СССР (за что Германия получила Люблинское воеводство), давление Германии на Литву как рукой сняло.

Зато забеспокоилась Москва – В. Молотов пригласил в советскую столицу министра Юозаса Урбшиса, который отправился в СССР 2 октября. Накануне его поездки была начата частичная демобилизация литовской армии – рискованный шаг, поскольку в критической ситуации у Литвы уже могло и не быть шанса на проведение повторного набора.

Литовская армия вступает в Вильнюс. Надпись на транспаранте: «Жители Вильнюса приветствуют Литовскую Армию!» (кон. октября 1939 г.)

3 октября в Москве Иосиф Сталин настойчиво предложил Ю. Урбшису подписать договор о взаимопомощи, договор о передаче Вильно и Виленского края и договор о передаче Германии части юго-западной Литвы. Последний договор ошеломил литовскую делегацию, поскольку речь шла об исконных этнических литовских землях и 150 тыс. населения. Переговоры продвигались с трудом, Ю. Урбшису пришлось слетать в Каунас для консультаций, т. к. Советский Союз требовал размещения на территории Литвы своих военных баз. Литва вместо этого предлагала увеличить численность ее собственной армии, оснастить ее тяжелым вооружением и координировать совместные действия посредством общей военной комиссии. Литва мотивировала эти предложения в том числе своим нейтралитетом, однако И. Сталин заявил, что Литва будет нейтральной до тех пор, пока он этого желает…

Переговоры осложнялись тем, что в начале октября Советский Союз уже навязал военные базы по подобным договорам Эстонии и Латвии. Литовцы упорно пытались избежать размещения военных баз, сохранить этнические земли, вернуть себе несколько литовских районов Виленского края – Швенчёнис (Свенцяны) и Друскининкай (Друскеники). СССР, который сначала требовал впустить в Литву 50 тыс. своих солдат, снизил эту цифру до 20 тыс. Убедившись, что помощи ждать неоткуда, что Германия уже отдала Литву в сферу влияния СССР, под агрессивным напором И. Сталина и В. Молотова 10 октября литовцы подписали договор о передаче Вильнюса и договор о взаимо-

помощи между СССР и Литвой. Хотя пакт упоминал договоры между Литвой и СССР 1920 г. и 1926 г. как базовые документы двусторонних отношений, другие статьи договора представляли собой потенциальную опасность для литовской независимости. Литва получила территорию в 6,7 тыс. кв. км вместе с Вильнюсом и около 0,5 млн жителей – всего пятую часть территории, зафиксированной в договоре 1920 г., а за это обязалась разместить на своей территории советские военные базы. Берлин и Москва условились пока не касаться вопроса юго-западных литовских земель (10 января 1941 г. СССР согласно еще одному секретному протоколу купил их у Германии за 7,5 млн золотых долларов).

Договор кардинальным образом изменил международное положение Литвы – она утратила статус нейтральной страны и часть суверенитета. И только возвращение Вильнюса, исторической столицы, было лучом света в этой мрачной ситуации, когда Литва попала в зависимость к СССР (в народе тотчас распространилось меткое присловье: «Вильнюс нам отдали, а нас русские забрали»). Германия повторяла, что у нее не осталось интересов в этом регионе, Англия и Франция были заняты войной, да и после разгрома Польши их влияние в регионе вообще снизилось.

Ультиматум СССР 1940 года и советская оккупация

Допустив на свою территорию советские военные базы, Литва тем самым похоронила надежду на членство в Совете Лиги Наций. Во время советско-финской войны Балтийские государства избегали высказывать осуждение в адрес СССР, хотя тот и был исключен из Лиги Наций как агрессор. Германия препятствовала торговле Литвы с Великобританией и пыталась монополизировать всю литовскую внешнюю торговлю. Балтийские страны опоздали с созданием союза своих государств. Литве надо было заниматься интеграцией возвращенной столицы и Вильнюсского края, что требовало немало средств: война обескровила эту местность, современные промышленные предприятия были вывезены в СССР. Литва добровольно взяла на себя обязательство по размещению и питанию более десяти тысяч интернированных польских солдат и офицеров, по содержанию 12 тыс. польских евреев-беженцев. В Вильнюсском крае надо было вводить лит вместо обесценившихся злотых, накормить безработных и найти им работу, обеспечить людей документами. В демографическом отношении Вильнюс на тот момент был польским городом, треть его на-

селения составляли евреи. Польские патриоты враждебно встретили литовскую администрацию, особенно после ее действий по литуанизации города – замены вывесок, открытия курсов литовского языка. Особенно их возмутило закрытие польского университета им. Стефана Батория, так что литовские власти не спешили переносить столицу, министерства и учреждения из Каунаса в Вильнюс. Много сил отнимали и потребности дислоцированных в Литве частей Красной армии – 20 тыс. военных нуждались в казармах и помещениях, офицерам требовались квартиры.

Однако в конце мая 1940 г. обещанное Советским Союзом невмешательство во внутренние дела закончилось – Москва публично обвинила Литву в похищении военнослужащих с советских военных баз. Ни на какие предложения литовской стороны СССР не отзывался, даже не позволил допросить якобы похищенных, но впоследствии объявившихся «жертв». Это доказывало, что обвинения Москвы преследуют далеко идущие цели. СССР вызвал для переговоров премьер-министра Литвы А. Меркиса. Перед лицом опасности президент А. Сметона дал ему разрешение подписать любые договоры, лишь бы они не нарушали договор от 10 октября 1939 г.

С самой первой встречи в Москве 7 июня 1940 г. В. Молотов поразил А. Меркиса суровым обращением и абсурдными упреками. Он обвинил Литву в антисоветской политике, в мнимых похищениях солдат, которых литовская сторона якобы допрашивала и пытала, в несуществующем военном антисоветском союзе с Латвией и Эстонией. Поводом для нападок послужила антисоветская карикатура в литовской газете и даже статья самого А. Меркиса. Никакие разъяснения литовской стороны во внимание не принимались, Москва потребовала уволить виновников этих «провокаций» – министра внутренних дел генерала Казиса Скучаса и директора Департамента государственной безопасности Аугустинаса Повилайтиса. От абсурдности истеричных обвинений В. Молотова А. Меркис сломался психологически. 10 июня в Каунасе стало известно, что ему не удается нормализовать ситуацию, и было принято решение о направлении в Москву министра Ю. Урбшиса. Однако ни новый участник переговоров, ни миролюбивое письмо президента А. Сметоны председателю президиума Верховного Совета СССР Михаилу Калинину, ни увольнение двух высокопоставленных литовских должностных лиц не помогли. После известия о вступлении вермахта в Париж утром 14 июня В. Молотов в 23:45 того же дня вручил Ю. Урбшису ультиматум с требованиями впустить в Литву дополнительные советские военные части, не ограниченные никаким догово-

Оккупация: советские танки в Каунасе 15 июня 1940 г.
Фото Георга Бирмана

ром, заменить правительство на просоветское, наказать «виновных» должностных лиц. Ответ требовалось дать до 10 часов утра 15 июня. На словах В. Молотов добавил, что, каким бы ни был ответ, советская армия все равно войдет в Литву.

СССР заранее подготовился к вторжению: у границы были развернуты госпитали для раненых, лагеря для будущих военнопленных. Советский Союз еще ранее обучил литовскому языку и весной тайно забросил в литовские города специальные разведывательно-диверсионные группы для захвата власти. Перед инвазией воздушное и морское пространство Балтийских стран было заблокировано, а под утро 15 июня советские солдаты атаковали несколько литовских пограничных постов, застрелив одного пограничника и похитив другого, обезоружили пограничные наряды.

Всю ночь с 14 на 15 июня литовское правительство решало вопрос: сопротивляться оккупации или принять ультиматум. Идею вооруженного сопротивления останавливало то, что это означало бы присоединение Литвы к блоку будущих противников Англии и Франции (а также США и, возможно, СССР), что после войны повлекло бы за собой горькие последствия для Литвы. Христианские демократы и ляудининки, согласовав свои позиции, потребовали назначить премьер-министром вместо А. Меркиса близкого христианским демократам генерала С. Раштикиса. Это стало еще одним ударом для А. Сметоны –

перед лицом ультиматума оппозиция занимается свержением назначенного им премьер-министра, хотя президент и не возражал против кандидатуры С. Раштикиса. Однако президент Литвы уже не смог сам назначить премьер-министра – советская сторона тут же отклонила кандидатуру С. Раштикиса. Предложение А. Сметоны о военном сопротивлении поддержали всего два министра. Военные (военачальник генерал Винцас Виткаускас, генерал С. Раштикис) заявили, что в одиночку Литва не сможет оказать серьезное сопротивление советской военной махине, будет много жертв. Правительство приняло ультиматум.

15 июня около 15 часов СССР, грубо нарушив все двусторонние договоры с Литвой, ввел в нее не ограниченный никакими договорами военный контингент – 3-ю и 11-ю армии, которые заняли главные стратегические точки Литвы. На аэродромы приземлялись военные самолеты с десантом. Только тогда литовскому народу по радио было сообщено об ультиматуме, о его принятии и о вторжении советской армии. При известии, что в центр Каунаса уже движутся советские танки, направляясь к важнейшим министерствам, президент А. Сметона заявил, что он не будет своими руками советизировать Литву, и под предлогом недомогания «как малого протеста» оставил исполнение президентских обязанностей А. Меркису и вместе с министром охраны края генералом К. Мустейкисом в сопровождении семей срочно выехал из Каунаса в Германию. Президент надеялся, что с политической точки зрения он будет более полезен за рубежом.

Часть оппозиции радовалась смене режима, возможным нововведениям, не осознавая, что это не только завершение правления А. Сметоны, но и конец независимости Литвы, что теперь будущее литовцев (неважно – с А. Сметоной или без него) уже не зависит от них самих. Оптимисты еще надеялись, что, избежав кровопролития, Советский Союз оставит Литве (в худшем случае) хотя бы статус сателлита наподобие полностью зависимой от Москвы Монголии.

Оптимисты и простодушные мечтатели ошибались.

Раздел V

СОВЕТСКАЯ И НАЦИСТСКАЯ ОККУПАЦИИ

Можно предположить, что если бы мы располагали литовской литературой, современной наиболее древней литературе Индии, то было бы много доводов в пользу помещения колыбели арийских языков на территории, населенной литовцами.

ИСААК ТЕЙЛОР.
Происхождение арийцев

В ТИСКАХ СТАЛИНА И ГИТЛЕРА

Период дружбы коммунистического СССР и нацистской Германии в начале 1940 г. близился к судьбоносному столкновению, оба тоталитарных государства готовились к войне за Европу. Литва стояла на пути этих военных гигантов на пороге Второй мировой войны и просчитывала шансы выживания не только своего государства, но и нации. Мысль «под кем будет лучше – под русскими или немцами» не означала, что Литва уже заранее сдалась – это была оценка реальных возможностей маленькой страны. Эту проблему запальчиво обсуждали не только в кафе, но и в президентском дворце – большинство европейских государств уже были оккупированы нацистами, Польша поделена между хищниками, так что и Балтийские страны понимали – наступает их черед. Возможность оказаться «под русскими» и переждать таким образом невзгоды войны понималась как временное возвращение в Россию Николая II, причем тоталитарная суть большевистского режима не осознавалась вообще, между тем как СССР правил при помощи террора, насильственной изоляции и физического уничтожения оппонентов, идеологически враждебных политических и социальных групп.

Советский Союз, воспользовавшись международным положением и тем, что внимание всего мира было приковано к вторжению немцев в Париж, летом 1940 г. не только оккупировал Литву, Латвию и Эстонию, но и, насильственно установив так называемое

демократическое правление (официально именуемое «народная демократия»), за несколько недель включил эти страны в состав СССР. Настали тяжелые времена двух оккупаций, тоталитарных режимов, следовавших один за другим, времена уничтожения тех, кто посмеет воспротивиться или не понравится властям из-за своей политической, социальной или расовой принадлежности. А когда отгремели военные фронты, вернувшиеся в Литву советские воинские подразделения силой оружия подавили партизанскую войну литовского народа, длившуюся еще десять лет, и у литовцев не осталось возможности самостоятельно защитить свою независимость. Тогда они выбрали другие способы выживания, сопротивления, сохранения нации, ее языка и культуры и ждали благоприятного момента для восстановления Литовского государства. Надежды литовского народа на собственное государство сбылись лишь после окончания холодной войны, когда Литве во второй раз в XX в. удалось восстановить государственную независимость, вновь добиться международного признания и стать полноправной частью Западного мира и демократической Европы.

Советизация Литвы

16 июня 1940 г. советские дивизии промаршировали через территорию Литвы и стратегически отрезали Латвию и Эстонию от Германии, после чего молниеносно оккупировали две соседние Балтийские страны. С этого момента судьба всех трех государств станет необыкновенно похожей. Реальная высшая власть была сосредоточена не в руках оставшихся министров, а в руках эмиссара советского правительства Владимира Деканозова, прибывшего в Литву из Москвы вечером 15 июня (вместе с ним под вымышленным именем «товарищ Петров» в Литву прибыл Всеволод Меркулов, первый заместитель наркома внутренних дел Лаврентия Берии, но он, как представитель секретных служб, действовал тайно). В. Деканозов с помощью советского посольства во главе с полпредом Николаев Поздняковым, а также прежде подпольной и малочисленной Коммунистической партии Литвы (КПЛ) реализовал в Литве московские решения. В стране была дислоцирована многотысячная советская армия, что и определило дальнейшие события.

Оккупация Германией малых европейских государств не оставляла Литве надежды остаться в стороне от нацистско-советского сговора. Растаявшее чаяние избежать советской оккупации оставило после

себя упование избежать советизации. Да где там… По распоряжению В. Деканозова эмиграция А. Сметоны была объявлена его добровольной отставкой с передачей полномочий А. Меркису, который теперь якобы стал полноправным президентом. Дело в том, что согласно литовской конституции временно исполняющий обязанности президента не имел права назначать нового главу правительства. При помощи этой уловки 17 июня было сформировано своеобразное марионеточное «Народное правительство» переходного периода, в которое вошли критики режима А. Сметоны, известные представители интеллигенции: премьер-министром был назначен сочувствующий коммунистам ляудининкас журналист Юстас Палецкис, его заместителем и министром иностранных дел – писатель Винцас Креве-Мицкявичюс, министром финансов остался Эрнестас Галванаускас, министром охраны края – генерал В. Виткаускас. Народу было объявлено, что ввод советской армии преследует исключительно цели укрепления безопасности Литвы и что существенных перемен не произошло. Это и было то, к чему стремился Советский Союз. Лишь беспокойные слухи заставили власти заверить жителей, что никто не отнимет у них собственность на землю и что «Литовская армия не будет расформирована. В случае необходимости она будет защищать независимость и свободу Литвы».

В действительности же Народное правительство выполняло волю Советского Союза и с первых дней разрушало литовскую государственность: оно заменило администрацию, назначив на важные посты амнистированных политзаключенных – коммунистов. Глава КПЛ Антанас Снечкус стал директором Департамента государственной безопасности, а Мечисловас Гедвилас – министром внутренних дел. 25 июня КПЛ была узаконена (хотя другие политические партии узаконены не были), был распущен так называемый сметоновский Сейм, закрыты все некоммунистические организации, газеты и журналы. 27 июня Народное правительство аннулировало конкордат Литвы с Ватиканом, а 12 июля под нажимом В. Деканозова приняло решение о передаче Государственному банку СССР золотого запаса Литвы, хранившегося в зарубежных банках. Однако присвоить удалось только золото из шведских и швейцарских банков.

Москва внедряла советскую модель управления в административных, правоохранительных, судебных органах, начала формирование народной милиции. 3 июля был принят Закон о преобразовании Литовской армии, согласно которому она была реорганизована сначала в Народную армию, а впоследствии – в 29-й стрелковый корпус

Красной армии. 11 июля была прекращена деятельность Союза литовских стрелков («шаулисов»), его оружие было изъято. Были отстранены от должностей начальники уездов, волостные старшины, начальники полиции – их места заняли сочувствующие советской власти. Как только большинство в правительстве составили коммунисты, власть начала готовиться к полному присоединению Литвы к СССР.

Аннексия была осуществлена посредством выборов в так называемый Народный сейм – такой же сценарий был использован в Латвии и Эстонии. На одно место разрешалось выдвинуть одного кандидата, а кандидатов могли предлагать только коммунистическая партия, комсомол, МОПР и коммунистические профсоюзы. В Народный сейм было выдвинуто 79 кандидатов (организаторы в спешке упустили, что один из них уже покойник), и они все до единого представляли мифический Союз трудового народа Литвы. Половина из них были членами коммунистической партии, остальные симпатизировали коммунистам («беспартийные коммунисты»). В ходе предвыборной агитации власти уделяли много внимания критике и очернению режима А. Сметоны, пропаганде лжи о демократических выборах, сохранении независимости Литвы и литовской валюты, а также опровержению слухов о создании колхозов. Публично раздавались угрозы в адрес тех, кто откажется голосовать, – их объявляли «врагами народа», как и таутининков, и бывших высокопоставленных чиновников. Накануне выборов, 11–12 июля, власти арестовали несколько сотен известных литовских общественных деятелей.

По официальным данным, на выборы в Народный сейм 14–15 июля пришло 95 % избирателей (при голосовании в паспорт ставился штамп), 99,19 % которых проголосовало за кандидатов Союза трудового народа Литвы. Согласно закону о выборах, в Сейм проходили кандидаты, набравшие большинство голосов. Однако половина кандидатов набрала менее половины голосов. Режим же объявил, что выбраны были все кандидаты – результаты выборов были сфальсифицированы. Аналогичный фарс был разыгран в Латвии и Эстонии.

21 июля «парламенты» всех трех Балтийских стран собрались на свои первые заседания и поразительно синхронно объявили свои государства советскими социалистическими республиками. 22 июля так называемый Народный сейм Литвы принял декларацию о национализации земли, согласно которой вся земля в Литве становилась государственной собственностью, а земледельцы – ее пользователями. Были

Агитационный плакат выборов в Народный сейм. Надпись на плакате: «Рабочий! Голосуй сам и агитируй других голосовать за кандидатов Союза трудовой Литвы!» (июль 1940 г.)

национализированы банки, крупные промышленные предприятия. Сейм выбрал делегацию из 20 человек под руководством Ю. Палецкиса и направил ее в Москву, где 3 августа она подписала договор о якобы добровольном вступлении Литвы в состав СССР. Так была оформлена аннексия Литвы, удовлетворены имперские стремления Советского Союза. Поскольку назначенный оккупантами Народный сейм не получал от литовской нации и всех жителей страны полномочий на уничтожение литовской государственности и вступление в СССР, его постановления были незаконными. Но как только все литовские послы в иностранных государствах заявили протесты против оккупации и аннексии Литвы, они тотчас же лишились гражданства, а их имущество было национализировано. Теперь уже всколыхнулись и американские литовцы.

После превращения Литвы в составную часть СССР власти отказались от камуфляжа добровольности – система управления была преобразована по советскому образцу: 25 августа Народный сейм был переименован в Верховный Совет Литовской ССР, а на следующий день верховной исполнительной властью республики был формально назначен Совет народных комиссаров Литовской ССР, заменивший собой Народное правительство. Была утверждена советская конституция, нисколько не отличавшаяся от так называемой Сталинской конституции 1936 г. Все литовские учреждения, особенно НКВД, заполонили «специалисты», прибывшие прямо из СССР и вводившие советский порядок, хотя внутренняя граница между Литвой и остальной частью СССР пока оставалась на месте.

В ходе советских преобразований сельского хозяйства земледельцы, у которых было более 30 га земли, были отнесены к классу кулаков и «врагов народа». Власти пытались раздавить их, в три раза повысив налоги. Безземельные и малоземельные крестьяне могли получить до 10 га земли. Земля, оставшаяся в Государственном фонде после распределения, должна была отойти колхозам. Промышленные предприятия с более чем 20 работниками были национализированы. Вскоре промышленность начала ощущать нехватку сырья, появились постоянные спутники социализма – дефицит товаров и очереди. Осенью 1940 г. наряду с литом был введен рубль, внезапно поднялись цены, сбережения обесценились, а с национализацией банков люди потеряли все свои вклады. Советизация опиралась на террор со стороны секретной службы НКВД: посыпались ночные аресты, люди попадали в заключение и высылались в российскую глубинку. Теперь даже самые активные друзья СССР прикусили языки – большевизм можно узнать, только пожив при нем.

Репрессии и антисоветское восстание 1941 г.

Репрессии, аресты, депортации, страх – таковы составляющие проводимой большевиками политики. 6 июля 1940 г. директор Департамента государственной безопасности А. Снечкус издал приказ, согласно которому можно было арестовать любого, кто занимался агитацией против Народного правительства. В стране был утвержден «план оперативной ликвидации» руководства литовских политических партий, Союза стрелков Литвы, составлены списки подлежащих аресту лиц, а воинские части советского НКВД должны были предотвратить

их бегство в Германию. 10–17 июля в ходе первых массовых арестов были брошены в тюрьму известные политические и общественные деятели независимой Литвы – последний премьер-министр А. Меркис, министр иностранных дел Ю. Урбшис (оба с семьями были депортированы в СССР) и другие. Арестованные были объявлены вне закона, их имущество было конфисковано. За один год советской оккупации было арестовано и обвинено в политических преступлениях 6 606 человек. Половина из них в апреле – июне 1941 г. была вывезена в СССР, в основном в Сибирь.

14–18 июня 1941 г. оккупационные власти осуществили первую массовую высылку жителей Литвы – было депортировано 17,5 тыс. человек. Советской власти помогали местные партийные работники и комсомольцы. В ссылку была отправлена политическая, военная и экономическая элита Литвы – бывший президент А. Стульгинскис, бывший премьер-министр Пранас Довидайтис, немало министров, сотни учителей, 79 ксендзов, лидеры национальных меньшинств. Большинство ссыльных составляли литовцы, около 13 % (2 045) были евреи, 10 % (1 576) – поляки. Среди всех ссыльных было 5 060 детей до 16 лет. Неслыханная массовая депортация потрясла Литву, поскольку была направлена на физическое уничтожение семей. Впоследствии в условиях нацистской оккупации это было использовано для разжигания национальной розни, ответственность за депортацию была возложена на евреев, которые в первые дни советской власти тоже сильно пострадали – были национализированы их коммерческие банки, производственные и торговые предприятия, частное имущество. Выселение людей к берегам Северного Ледовитого океана, в суровые климатические условия Алтайского края, где многие ссыльные скончались или погибли, следует расценивать как преступление против человечества.

22 июня 1941 г. началась война между Германией и Советским Союзом. Немцы заняли Литву за три дня, поэтому советские власти в спешке успели вывезти из Литвы только некоторых политзаключенных. Оставшихся просто убили. Массовая бойня заключенных была устроена в колонии поселка Правенишкес (убито около 230 человек) и возле деревни Райняй (убито и умерло от жестоких пыток 76 человек). В несколько меньшем масштабе то же было совершено в некоторых других уездах, а в целом было уничтожено около 700 человек. (Многие заключенные, к счастью, были освобождены из тюрем с началом литовского Июньского восстания 1941 г., о котором будет рассказано ниже.) Эта устроенная советскими властями бойня открыла в Литве

Узники и надзиратели лагеря в Правенишкес, убитые советскими властями 26 июня 1941 г.

период массовых убийств. После нападения Германии на СССР в Литве выплеснулась антисоветская ненависть за аннексию, советский террор, национализацию имущества, аресты, депортации и убийства, поэтому многие литовцы одобрительно отнеслись к приходу вермахта, некоторые даже встречали немецких солдат цветами.

На фоне вторжения на территорию Литвы германской армии литовцы 22 июня подняли антисоветское восстание, которое за несколько дней распространилось по всей Литве. По преимуществу это был спонтанный ответ на советскую политику в Литве, частично подготовленный – идею восстания в начале войны Германии и СССР вынашивал Фронт литовских активистов (ФЛА), основанный в ноябре 1940 г. в Берлине группой литовских эмигрантов (под руководством бывшего посла Литвы в Берлине Казиса Шкирпы), считавший себя главным организатором восстания. Активисты собирали сведения из советизируемой Литвы, через связных в Германии рассылали различные инструкции, указания с упором на возможность восстановления литовской государственности, изложением деталей будущего восстания. Поскольку военная часть ФЛА сотрудничала с Абвером, ей было дано указание в первую очередь занять мосты, главные железнодорожные узлы, аэропорты, фабрики и др. Руководство ФЛА слишком доверилось нацистской Германии, считая, что «в Новой Европе под руководством Германии всем нациям будет предоставлено право самостоятельно обустраивать свою жизнь, как они того пожелают».

Жители Каунаса приветствуют вступление вермахта в 1941 г. (репрод. Р. Мичюнаса)

К. Шкирпа считал, что новая организация должна поддерживать особенно тесные связи с нацистской Германией. В программе ФЛА и других документах присутствует и националистическая риторика, и антисемитизм (16 пункт программы ФЛА аннулировал право евреев на проживание в Литве). Однако Германия запретила литовцам с началом войны формировать какое-либо литовское правительство и распространять какие бы то ни было воззвания к народу «без согласия компетентных органов Германии». Но в Каунасе повстанцы поставили немцев перед свершившимся фактом – 23 июня 1941 г. они захватили радиостанцию и представитель ФЛА Ляонас Прапуолянис зачитал следующее сообщение: «Сформированное Временное правительство вновь возрождающейся Литвы настоящим провозглашает восстановление свободного и независимого Литовского государства», «юное Литовское государство с энтузиазмом обязуется внести свой вклад в организацию Европы на новых основаниях». Он не пожалел теплых слов в адрес нацистской Германии, «спасительницы европейской культуры и цивилизации» от красного террора, и призвал литовцев браться за оружие и помогать германской армии. Важнейшей целью повстанцев было восстановление независимого Литовского государства.

В литовской провинции преобладали стихийные действия – еще до входа частей вермахта в Литву отряды повстанцев начали стрелять по отступающим советским войскам, занимали учреждения местных ор-

ганов власти, арестовывали советских активистов, во многих местах была восстановлена литовская администрация, был освобожден не только Каунас, но и многие другие города (в том числе и Вильнюс) и местечки, вывешены национальные флаги. Немцы оставили действовать восстановленное самоуправление, не имея другой альтернативы. Общее число повстанцев приближалось к 10–15 тыс., в боях с большевиками погибло около 600 человек. В основном в партизаны уходила молодежь и люди среднего возраста: интеллигенция, фермеры, рабочие, студенты, учащиеся, военные.

Поскольку нацисты не выпустили вождя ФЛА К. Шкирпу из Берлина, заключив его под домашний арест, главой Временного правительства (ВП) 23 июня стал преподаватель литературы Юозас Амбразявичюс. Во ВП преобладали христианские демократы. Своими постановлениями они вернули законы, действовавшие до большевистской оккупации, литовский судебный порядок. Государственная жизнь вновь основывалась на принципе частной собственности – людям вернули землю, право собственности на дома, капитал, предприятия, однако все законы о денационализации не распространялись на евреев, лиц без литовского гражданства и лиц, «активно действовавших против интересов литовской нации». Временное правительство считало, что имеет дело с немецким оккупационным режимом образца 1918 г. и может маневрировать, как это делал Совет Литвы. Новое правительство не понимало, что Литва попала в поле деятельности нацистского тоталитарного режима, уже запланировавшего не только идеологическую, но и расовую политику уничтожения людей. Само ВП убийств не планировало, однако декларировало антисемитизм (приняло Закон о положении евреев, учредило концлагерь в VII форте Каунасской (Ковенской) крепости), чтобы добиться уступок от нацистской Германии, и, таким образом, плыло в фарватере ее политики. Однако нацисты все равно не признали это правительство, в связи с чем более 100 принятых им законов и постановлений не работали. ВП не владело ситуацией, поскольку не могло поддерживать связь со всеми уголками страны – почта, телеграф, телефон использовались только для немецких военных целей. Германские оккупационные власти вернули порядок, существовавший в Литве до 15 июня 1940 г., восстановили уезды, городские самоуправления, организовали полицию, но не позволили Литве создать регулярную армию из партизан и литовских воинских частей, покинувших Красную армию.

Немцы были недовольны существованием ВП и в ночь на 23 июля устроили путч руками вольдемаровцев-националистов, действовав-

ших по указке гестапо. Устранив ставленников ФЛА, они взяли командование батальонами и полицией в свои руки. Теперь нацисты уже беспрепятственно отдавали приказы самоуправлениям и полиции, а также отрядам вспомогательной полиции, охотно переняли национализированное советской властью имущество, а 5 августа и вовсе запретили ВП. Председателю правительства Ю. Амбразявичюсу пришлось констатировать, что «деятельность правительства была остановлена против его воли». Большинство министров отказалось войти в оккупационную администрацию – «Доверительный совет», и 26 августа нацисты закрыли ФЛА, а в декабре – и Литовскую националистическую партию, созданную вольдемаровцами. Так в оккупированной нацистами Литве закончилась деятельность легальных литовских организаций.

Запрет Временного правительства показал, что оно прежде всего защищало интересы литовской нации, было сформировано против воли германского руководства и не было порождением нацистских политических интриг.

Главным событием этого периода стало Июньское восстание, разрушившее советский миф о добровольном вхождении Литвы в Советский Союз, якобы отвечавшем чаяниям литовской нации. Недаром в своем выступлении по московскому радио В. Молотов обрушился на это восстание с гневной речью. С другой стороны, события 22–28 июня стали еще одной трагической страницей литовской истории: пришедшая на смену советской власти нацистская оккупация не только разрушила мечты о восстановлении независимости Литвы, но и принесла массовое уничтожение литовских евреев.

Холокост в Литве

Поскольку Германия заняла Литву очень быстро, мало кому удалось бежать на восток – советская власть едва успела вывезти в Москву правительство ЛССР. Это роковым образом сказалось на евреях – они попытались податься на восток, но в большинстве своем были возвращены литовскими повстанцами или вернулись сами, поскольку на московской дороге их обогнал вермахт, а с другой стороны, у внутренней границы между Литвой и СССР, советские войска и НКВД останавливали беглецов, считая их дезертирами и паникерами, а один только вид литовских документов навлекал подозрения в шпионаже. С первых дней нацистской оккупации евреи ощутили на себе ненависть части местного населения. Дело в том, что в июне

1940 г. коммунистическая еврейская молодежь цветами и русскими песнями встречала приход Красной армии – для них это означало спасение, т. к. вместо советских войск мог прийти и вермахт. Когда советская власть начала формировать новую администрацию, евреи, особенно молодежь, охотно начавшая говорить по-русски, получили посты в органах власти, на предприятиях и в учреждениях, в профсоюзах – евреи стали заметны на просоветских демонстрациях, в администрации, политическом руководстве, и это было непривычно. Не получая большой поддержки от литовцев, советский режим привлекал себе в помощь евреев. Немало евреев появилось в государственном аппарате, НКВД, милиции. Это особенно усилило антисемитские настроения, многим литовцам казалось, что все евреи предали независимую Литву и ее идеалы. Внезапное усиление антисемитизма обеспокоило московских ставленников: 27 июня 1940 г. премьер-министр просоветского Народного правительства В. Креве-Мицкявичюс жаловался заместителю Л. Берии В. Меркулову, что жители недовольны поведением евреев, предавших литовскую государственность.

Хотя евреи не были виновны ни в оккупации, ни в советизации, их заметность позволила отождествить их с советской властью, а призыв к «борьбе с юдо-большевизмом», запущенный в массы нацистской пропагандой, переплелся с сильными антисоветскими настроениями литовцев. В первую неделю нацистской оккупации многие жители, в том числе и евреи, подверглись преследованию как коммунисты и советские активисты. Несколько тысяч человек было уничтожено во время так называемых «операций по зачистке», проводимых оперативными отрядами айнзатцгрупп полиции безопасности и СД (нем. *Einsatzgruppen der Sicherheitspolizei und des SD*). В отличие от своей тактики в Западной Европе, нацисты начали массовое уничтожение евреев без переходного периода. Специальные группы СД (Тильзитский отдел гестапо) 24 июня 1941 г. расстреляли только евреев (мужчин) на 25-километровом участке литовско-германского пограничья: в Гаргждай был убит 201 еврей, на следующий день в Кретинге – 214 евреев, 27 июня в Паланге – 111. Евреев убивали и в других местах.

Айнзатцгруппы организовали террор таким образом, чтобы казалось, что первые погромы и акции «по зачистке» проводят местные жители. Помощники нашлись среди пострадавших от советского террора литовцев, горевших жаждой мести или пытавшихся смыть с себя грехи советского периода – по указке СД они приняли участие

в жестоких погромах 26 июня в предместье Каунаса Вилиямполе и 27 июня – в гараже каунасского кооператива «Летукис», хотя в рапортах командиров айнзатцгрупп говорится, что организовать погромы было непросто. Вооруженные партизаны не вызывали у немцев доверия, поэтому 28 июня отряды повстанцев были распущены, а из добровольцев был сформирован Батальон охраны национального труда при Каунасской военной комендатуре. Одна из его рот была преобразована в зондеркоманду, которая 4 и 6 июля под командованием нацистов приняла участие в массовом истреблении 3 тыс. евреев (выделенных из числа других заключенных, подозреваемых в пособничестве советским властям, исключительно по национальному признаку) в VII форте Каунасской крепости. В сложной ситуации 1939–1941 гг., когда литовское общество было охвачено глубоким морально-психологическим кризисом (три ультиматума и оккупации, потеря независимости без сопротивления привели к утрате некоторыми людьми не только государственных, но и человеческих ценностей), у определенной части общества сформировался образ еврея как непримиримого врага и ложное понимание патриотизма. По словам одного палача, «стрелять было страшно, но я думал, что это необходимо для независимости Литвы», тем более что оккупанты приказывали убивать и поощряли убийства.

После первых акций айнзатцгрупп СД в начале августа 1941 г. 95 % литовских евреев еще были живы. Однако в июле 1941 г. рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер лично объехал всю занятую западную часть СССР, сообщая айнзатцгруппам (каунасской группе А и вильнюсской группе В), что убивать следует не только еврейских мужчин, но и женщин и детей. Для массового истребления был создан целый механизм – 16 августа директор литовского департамента полиции Витаутас Рейвитис издал секретный документ № 3 с приказом о задержании всех евреев и их концентрации в отведенных для этого местах. Всех евреев согнали во временные гетто и изоляционные лагеря. В течение нескольких следующих месяцев нацисты осуществили жуткие расстрелы еврейских общин в литовской провинции. Расстрелы обычно проводились в нескольких километрах от гетто и лагерей, в ближайших лесах, полях или гравийных карьерах. Евреев расстреливали и сбрасывали в вырытые ямы целыми общинами. В процесс подготовки массовых убийств, конвоирования жертв и их расстрела были вовлечены группы литовской полиции самообороны (так называемые батальоны охраны национального труда в Зарасай, Купишкисе, Йонаве и других местах), полицейские из вспомогатель-

Убийство евреев в гараже кооператива «Летукис» 27 июня 1941 г. (репрод. Р. Мичюнаса)

ной полиции, а также полицейские из полицейских участков, уже присягнувшие на верность А. Гитлеру. Больше всего расстрелов осуществили две специальные зондеркоманды, образованные из литовцев, – особый отряд СД в Вильнюсе (в Панеряй) и «летучий отряд» Иоахима Хамана, который по нескольку раз в неделю выезжал в провинцию на расстрелы (его основу и составила 3-я рота Каунасского батальона охраны национального труда). В каждой зондеркоманде было не менее 50–100 членов. В некоторых акциях участвовала только литовская вспомогательная полиция и добровольные помощники полиции, среди которых встречались и криминальные элементы, нацеленные на грабеж еврейского имущества – домов, сельхозинвентаря, драгоценностей, постельного белья, одежды. В акции по истреблению литовских евреев нацисты использовали и части Русской освободительной армии генерала Андрея Власова, украинские и латышские полицейские батальоны.

Так день за днем летом и осенью 1941 г. шла настоящая бойня, в которой было уничтожено большинство – около 150 тыс. – литовских евреев. Около 50 тыс. евреев были временно оставлены в Вильнюсском, Каунасском, Шяуляйском и более мелких гетто – для использования их в качестве дешевой рабочей силы. Однако и в крупных гетто евреев истребляли во время так называемых акций. Под конец войны, в 1943 г., нацисты ликвидировали городские гетто, выкапывали и сжигали тела убитых. 11 тыс. литовских евреев было вывезено в концлагеря в Эстонии и Латвии, около 3,5 тыс. – в концлагеря в Польше, около

8 тыс. – в Штутгоф, Дахау, Освенцим. Во время Холокоста погибло около 90 % из примерно 208 тыс. литовских евреев (включая Вильнюсский край). Были спасены или выжили около 8 тыс., еще около 8–9 тыс. остались в живых, поскольку успели бежать вглубь СССР. Кроме того, в IX форте Каунасской крепости было расстреляно около 6–8 тыс. евреев, привезенных сюда из Австрии, Германии, Чехословакии или Франции. Некоторые литовские батальоны полиции самообороны были использованы в акциях против гражданского населения в Белоруссии, Польше, на Украине.

В гетто возникли группы сопротивления, некоторые евреи бежали в леса, брались за оружие и вступали в советские партизанские отряды, невзирая на проявления антисемитских настроений среди партизан. Многие литовские евреи сражались в 16-й Литовской стрелковой дивизии, сформированной в СССР.

Осенью 1941 г. центры литовских городов и местечек опустели, а в еврейских домах обосновались учреждения или поселились новые хозяева, нацисты разграбили еврейские культурные ценности. Уничтожение евреев вызывало огромный гнев в обществе, нацистские коллаборационисты не могли рассчитывать на доброе имя, проклятия и упреки сыпались на них в костелах, в народе их презрительно называли «палачи евреев». Другая часть литовского общества, рискуя своей жизнью (были и расстрелянные за укрывательство евреев), пыталась помочь евреям и спасала их. Немало евреев спасли католические священнослужители, монахини, простые крестьяне. За спасение евреев звание «Праведник мира» получили 830 литовцев, хотя в действительности их было гораздо больше, и этот список постоянно пополняется.

Нацистская политика расового геноцида лишила Литву одной из самых ярких этнических общностей, живших здесь на протяжении сотен лет, – евреев. Истребление невинных людей только из-за их национальности – самая кровавая страница литовской истории XX в., утрата множества талантливых людей, великая потеря и трагедия для еврейской нации и всей Литвы.

Нацистское самоуправление – удавка для литовцев

Нацисты считали жителей СССР и оккупированных им территорий отсталыми народами, которые должны покориться «расе господ» – немцам, чье расовое и культурное превосходство возвыша-

ет их над всеми и дает право устранять «расово чуждые элементы». В планах нацистской Германии Балтийские страны назывались «оборонительным пространством», которое постепенно должно было слиться с Третьим Рейхом. Еще перед нападением на СССР германское руководство приняло решение о ликвидации на завоеванных территориях евреев, цыган, неизлечимых и психически больных людей, сотрудников советской власти и членов коммунистической партии. Часть оставшегося населения подлежала германизации, остальные должны были стать дешевой рабочей силой. Места сосланных должны были занять миллионы переселенных немцев.

Германия считала Литву составной частью СССР и сначала ввела в ней военную администрацию, а в конце июля 1941 г. – гражданское оккупационное управление. Приказом от 17 июля из «бывших свободных государств Литвы, Латвии, Эстонии» и Белоруссии был создан рейхскомиссариат Восточного края (Остланда). Он был разделен на генеральные округа – Литву, Латвию, Эстонию и Белорутению. Каждым округом руководил генеральный комиссар, который вместе с гражданскими органами власти обеспечивал полицейский надзор, рациональное использование рабочей силы для снабжения армии и военного хозяйства Германии. В Литве оккупационные власти подчинили ее ресурсы и хозяйство нуждам Германии, игнорируя потребности местного населения. На литовских фермеров были возложены большие повинности (за невыполнение которых грозил крупный штраф), в Литву были направлены немецкие колонисты (около 30 тыс. человек, в основном немцы, жившие здесь до войны). Оккупационные власти организованно уничтожали и грабили культурные ценности страны, препятствовали деятельности образовательных и культурных учреждений, стремились использовать их для германизации, пропаганды нацистской идеологии и ее распространения. Все ресурсы страны направлялись на войну с СССР, жителей насильно вывозили на работы в Германию, особенно после поражения в Сталинградской битве, когда германская военная промышленность ощутила нехватку рабочей силы. На работы в Германию было вывезено около 60 тыс. жителей Литвы.

Свою власть в Литве нацисты крепили репрессиями, террором, убийствами политически неблагонадежных, непокорных властям жителей, фермеров, если те оказались не в силах поставить нужное количество сельскохозяйственной продукции. Подозрение в покушении на немецкого солдата или офицера влекло за собой казнь без суда и следствия, были сожжены целые деревни (Пирчюпяй). В 1941–1944 гг.

Американские литовцы собрали пожертвования и купили для армии США самолет «Lituanica». На фотографии самолет освящает ксендз П. Лубис, 1943 г. (открытка тех лет)

немцы уничтожили не только евреев, но и около 15 тыс. литовцев, до 20 тыс. людей других национальностей, около 170 тыс. военнопленных Красной армии – их уничтожением занимались специально созданные и уже упоминавшиеся оперативные отряды айнзатцгрупп полиции безопасности и СД. Кроме них, политику террора в Литве проводили СС, немецкие военные и полицейские части, а также местная полиция. Нехватка людей для работы в оккупационной администрации вынудила нацистские власти разрешить местное самоуправление – средние и низшие должности продолжали занимать литовцы, назначенные еще Временным правительством. Вместо министров ВП германские власти назначили на посты начальников литовской администрации членов Доверительного совета, а министерства переименовали в управления. Таким образом, контроль над литовской администрацией осуществлялся через членов Доверительного совета, подчинявшихся генеральному советнику – им стал вольдемаровец генерал Пятрас Кубилюнас. Четверо советников, отказавшихся от выполнения немецких приказов, в 1943 г. были арестованы и вывезены в концентрационный лагерь Штутгоф.

В аппарате литовского самоуправления работало около 300 начальников уездов и волостных старшин, примерно 900 чиновников литовской службы безопасности и уголовной полиции, около 8 тыс. литовцев служило в батальонах самообороны и примерно 6 тыс. –

в полиции по охране общественного порядка. Кроме них, в литовском самоуправлении работали сотни старост, почетных полицейских, сборщиков налогов, инспекторов и других чиновников, которые волей-неволей должны были служить немцам и помогать им эксплуатировать страну. По этой и другим причинам литовская подпольная пресса называла разрешенное нацистами самоуправление «добровольной удавкой». Часто литовские чиновники не выполняли немецкие приказы, саботировали их, содействовали спасению евреев. Германия запретила учреждать литовские партии и организации, преследовала нежелательных лиц, ввела строгую цензуру печати. Антинацистское сопротивление литовцев не вылилось в вооруженный отпор, поскольку это грозило массовым истреблением жителей Литвы (чем нацисты откровенно угрожали литовцам). Кроме того, было решено не тратить силы в борьбе против стороны, которая и так проигрывает войну. Подполье придерживалось тактики невооруженного сопротивления: вело антинацистскую агитацию, призывало не вступать в организованные немцами военные подразделения, не ехать на работы в Германию, не выполнять сельскохозяйственные повинности, сохранить литовские культурные и образовательные учреждения, разоблачать коллаборационистов. Политики из крыла христианских демократов и католическая молодежная организация «Атейтининкай» (лит. *ateitis* «будущее») сплотились в Литовский фронт и в Движение за единство Литвы, а либерально настроенные таутининки создали Союз борцов за свободу Литвы. Оба направления нелегально выпускали свои издания. В 1943–1944 гг. в подполье действовал Верховный комитет освобождения Литвы (ВКОЛ), объединивший различные литовские политические силы. Эта организация должна была выполнять функции нелегального правительства Литвы вплоть до восстановления ее независимости, руководить движением сопротивления и защищать суверенитет Литвы в стране и за рубежом. Молодые офицеры низшего ранга по инициативе лейтенанта запаса Казиса Веверскиса в 1941 г. создали в Вильнюсе тайную военную организацию Армия Свободы Литвы (АСЛ). Это была самая массовая антинацистская организация, которая предполагала объявить независимость хотя бы на части литовской территории и удерживать ее силой оружия.

В 1943 г., когда вермахт начал терпеть поражение на Восточном фронте, германские власти потребовали от оккупированных народов, в том числе и от литовцев, вступать в германскую армию, развернули агитацию за вступление в батальоны СС. Литовское подполье бойкоти-

ровало эту акцию – из всех оккупированных стран только в Польше и Литве нацистам не удалось сформировать дивизии Ваффен-СС. В ответ на бойкот гестапо в середине марта 1943 г. арестовало 46 известных литовских общественных деятелей и вывезло их в концлагерь Штутгоф, закрыло университеты в Каунасе и Вильнюсе, учительские семинарии и другие заведения, арестовало многих издателей и сотрудников подпольной прессы, членов Союза борцов за свободу Литвы и АСЛ, а с мая по июнь – еще и шестерых из девяти членов руководства ВКОЛ. Большинство арестованных было вывезено в нацистские концентрационные лагеря.

Поражения на Восточном фронте вынудили оккупационные власти смягчить свои позиции – 5 апреля 1943 г. литовцам было позволено созвать в Каунасе так называемую Литовскую конференцию, посредством которой нацисты рассчитывали обеспечить поддержку своих планов по мобилизации со стороны литовского общества и придать им видимость законности, а литовские деятели, в свою очередь, надеялись сохранить нацию, избежать репрессий, добиться от Германии политических уступок и суверенитета Литвы. Хотя участники конференции не жалели острой критики в адрес оккупационных властей, принятые решения все же отражали ориентацию участников конференции и части литовского общества на Германию: для выполнения этих решений следовало сотрудничать с Германией в ее структурах трудовой и военной службы. Однако и на этот раз план по мобилизации литовской молодежи потерпел неудачу.

23–24 ноября 1943 г. Доверенный совет и так называемый Национальный совет, выбранный на Литовской конференции, отклонили план организации подразделения СС и высказались за формирование национальной Литовской армии. В начале следующего года германские власти под давлением своих неудач на Восточном фронте одобрили предложение о создании литовских военных подразделений – Местной дружины под руководством литовских офицеров, которая должна была действовать только на территории Литвы. Командование дружиной принял генерал Повилас Плехавичюс. На его призыв откликнулись 20 тыс. добровольцев, в подразделения было принято 10 тыс. мужчин. Немцы потребовали, чтобы Местная дружина Литвы подчинялась приказам германского командования, но литовские бойцы не собирались воевать на стороне Германии и начали расходиться – со всем оружием и амуницией. Нацисты арестовали командиров Местной дружины, расстреляли восемьдесят солдат и офицеров, часть вывезли на работы в Германию.

Сложно складывались отношения литовцев и поляков в Вильнюсском крае, который нацисты сделали частью Литовского генерального округа и подчинили литовской администрации. Литовская администрация выполняла распоряжения нацистов и не принимала во внимание интересы польского большинства, заслужив ненависть к себе с его стороны. Для борьбы с местным польским сопротивлением гражданская администрация направила в Вильнюсский край подразделения Местной дружины Литвы, которые столкнулись с вооруженными частями польской Армии Крайовой. Литовцы считали Вильнюс частью Литвы, поляки – частью Польши, так что и те, и другие несколько раз срывали свой гнев на местных жителях литовских или польских деревень. Связи между польским и литовским подпольем прервались, литовцы продолжали придерживаться пассивной тактики сопротивления нацистам и основным своим врагом считали СССР, тогда как поляки – Германию.

Пассивное сопротивление литовцев нацистскому режиму помогло избежать еще бóльших массовых репрессий и убыли населения. Идеологически и организационно Литва готовилась дать отпор порядку, который в радиопередачах из Москвы обещало ввести находившееся там руководство Литовской ССР.

НАЗАД В СССР

Летом 1944 – в начале 1945 г. немцы были вынуждены уйти с оккупированных территорий, куда начала прорываться Красная армия, к маю 1945 г. освободившая от нацизма почти всю Восточную и Центральную Европу. Однако на оккупированных Красной армией территориях власть взяли местные коммунистические партии, полностью зависевшие от Советского Союза. За несколько лет в странах Восточной и Центральной Европы были введены коммунистические режимы, продержавшиеся почти полвека.

Смена нацистской оккупации советской

Летом 1944 г. советские войска освободили Литву от нацистской Германии. Но беда в том, что наряду с этим, почти одновременно, Литва была реоккупирована, т. е. советская армия во второй раз оккупировала Литву, Латвию и Эстонию, вернув сталинский режим, снова начав реквизиции и отправку мужчин на принудительные рабо-

ты. Во главе тоталитарного режима вновь встали коммунистическая партия, органы государственной безопасности (НКГБ и НКВД), советские чиновники и оккупационная армия. К весне 1945 г. в Литву было прислано 6 тыс. русскоязычных специалистов для работы на главных постах новой администрации.

Вернув в Литве советскую власть, И. Сталин «сдержал» обещание, данное им в Ялте уже больному Франклину Д. Рузвельту, – спросить мнения жителей Балтийских стран, поэтому в Литве были проведены выборы (впрочем, совершенно недемократические) в высшие органы оккупационных властей – Верховный Совет СССР, Верховный Совет ЛССР (первые послевоенные выборы в эти органы прошли в 1946 г. и в 1947 г.), в местные советы – ведь формально в СССР была власть советов. На всех выборах кандидатов могла предлагать только коммунистическая партия, результаты выборов фальсифицировались. Официально сообщалось, что в выборах приняло участие более 90 % избирателей, большинство которых проголосовало за предложенных кандидатов. Административные органы ЛССР не располагали никакой реальной властью – даже Центральный комитет (большевиков) Литвы обладал лишь правами рядового российского обкома партии. Целых три десятилетия КПЛ возглавлял первый секретарь ЦК А. Снечкус. Для контроля его деятельности из Москвы был прислан второй секретарь ЦК (не литовец). В 1945 г. КПЛ насчитывала 3,5 тыс., в 1948 г. – 22,2 тыс., в 1953 г. – 36,2 тыс. членов, однако литовцы составляли не более 18 % от этого числа.

И. Сталин подкинул литовцам и конфетку – впервые за всю историю литовской нации Клайпеда и Вильнюс были включены в состав Литвы – пусть и не свободной, а оккупированной. Так советская власть рассчитывала «купить» у литовцев поддержку своего режима. Под управлением Советского Союза территория Литовской ССР увеличилась до 65 тыс. кв. км, Вильнюс стал столицей республики. В результате войны национальный состав жителей этого города значительно изменился – нацисты и их пособники убили около 70 тыс. вильнюсцев, в основном евреев, 12 тыс. жителей было вывезено на работы в Германию, большинство из них назад уже не вернулось. Около 30 тыс. горожан по различным причинам покинули город. В 1945–1948 гг. СССР репатриировал из Вильнюса в Польшу 107,6 тыс. поляков, а в целом из Литвы было возвращено на родину около 197,2 тыс. поляков, поэтому примерно половину механического прироста населения Вильнюса составили мигранты из других советских республик, чаще всего это были россияне или белорусы. В последу-

Эпизод Второй мировой войны в Вильнюсе, июль 1944 г.

ющие годы число литовцев среди «новых виленчан» увеличилось: в конце 1951 г. в столице было 179 тыс. жителей при 55 тыс. литовцев (30 %), в январе 1989 г. в Вильнюсе проживало почти 0,6 млн жителей при 291 тыс. литовцев (50 %), а в 2011 г. литовцы уже составляли 58 % жителей Вильнюса. В связи с массовой и принудительной эмиграцией местных немцев подобным же образом увеличила число литовского населения и Клайпеда. В целом за время советского правления литовские города выросли, их население увеличилось в несколько раз: накануне Второй мировой войны в городах проживало 23,7 % населения страны, а в 1989 г. – уже 68 %. Были построены и новые города – Науйойи Акмяне (13 тыс. жителей), Электренай (16 тыс.), Снечкус (ныне Висагинас, 32 тыс. жителей).

Объявив призыв в Красную армию, режим обнаружил, что литовцы уклоняются от службы в советских вооруженных силах. Дело в том, что жители Литвы считали свою страну оккупированной, а согласно международному праву (Гаагская конвенция 1907 г.) СССР не имел права проводить мобилизацию в оккупированной стране и набирать мужчин в свою армию. Тогда осенью 1944 – в 1945 г. внутренние войска НКВД и пограничные службы развернули розыск и поимку мужчин, которых насильно мобилизовали в советскую армию для войны с Германией (а потом и с Японией). В целом за этот период было мобилизовано около 108 тыс. литовских мужчин. Тысячи ли-

Жителей Литвы в вагонах для скота вывозят в Сибирь

Иркутск, 1952 г.
Литовские ссыльные валят лес

товцев скрывались или бежали из советской армии, за что были внесены в официальные списки дезертиров, люди тысячами уходили к литовским партизанам, боровшимся против советской власти. Мобилизованные литовцы пополнили собой ряды 16-й Литовской стрелковой дивизии и других советских частей. Все делалось в срочном порядке, и слабо обученные литовские солдаты были брошены в бои за Восточную Пруссию, на штурм Берлина, в Курляндский котел, где они тысячами слагали головы. Дислоцированные в Литве части НКВД проводили карательные операции: в период с июля по декабрь 1944 г. в террористических актах оккупантов было уничтожено 2 489 человек, около 100 тыс. жителей Литвы так или иначе ощутили на себе насилие со стороны оккупантов. Для подавления вооруженного сопротивления власти прибегли к массовым депортациям в Сибирь: в мае 1948 г. было сослано 40 002, в 1949 г. – 33 500, а в 1951 г. – 20 357 жителей. После таких широкомасштабных операций оппозиция деревенских жителей была сломлена, и все в массовом порядке начали вступать в учреждаемые колхозы. Жертвами советского геноцида и террора стало 456 тыс. человек (каждый третий взрослый литовец или каждый второй мужчина), 332 тыс. человек были брошены в тюрьмы, отправлены в ссылку или в ГУЛАГ, еще 26,5 тыс. было убито в Литве.

В целом Литва лишилась около 1,058 млн человек, т. е. более трети своего населения.

Положение начало меняться в 1953 г. после смерти И. Сталина, а особенно после осуждения Никитой Хрущевым культа личности Сталина – политика русификации снизила обороты, власти стали больше доверять местным литовцам. По всему СССР начали выпускать на свободу заключенных и ссыльных. Хотя литовская коммунистическая администрация не желала возвращения ссыльных на родину, поскольку они якобы усиливали националистические настроения среди населения и осложняли его воспитание в духе «дружбы народов», но в 50–60-е годы в Литву вернулось около 60 тыс. ссыльных и 20 тыс. политзаключенных. Некоторым из них было запрещено поселиться в Литве, занимать руководящие должности, преподавать в высших учебных заведениях. Их игнорировали в обществе, за ними следили, им в вину ставились «антисоветская деятельность» и «буржуазный национализм».

В послесталинский период власти отказались от массового физического террора, не так открыто и широко нарушали человеческие права и свободы, но продолжали насильственную идеологическую обработку населения с использованием административных методов. Коммунистическая партия Литвы, которая постепенно становилась все более литовской по своему составу (в 1953 г. в КПЛ было 13 тыс. литовцев (37 %), в 1965 г. – 55 тыс. (63 %), упорно удерживала монополию на власть, сохраняя и тоталитарный характер управления: все в обязательном порядке должны были исповедовать официальную идеологию, за людьми велась тотальная слежка, сопротивление подавлялось, республиканские органы власти выполняли чисто административные функции, следуя указаниям из Москвы. А когда на олимп власти взошел Леонид Брежнев и в Москве укрепились реваншистские сталинистские силы, управление снова было ужесточено – власти преследовали инакомыслящих (в 1967–1975 гг. в Литве за антисоветскую агитацию и пропаганду были осуждены 1 583 человека), экономика и общественная жизнь были милитаризированы, активно насаждалась коммунистическая идеология, хотя возобновить террор власти все же не решились.

Советская власть нанесла огромный ущерб населению послевоенной Литвы: в сталинский период оккупационные власти уничтожили не только тысячи человек, но целые социальные слои, их культуру и имущество. Уцелевших сковывал постоянный страх за себя и своих близких. Люди должны были приспосабливаться, сотрудничать или со-

противляться. Конформизм в литовском обществе особенное распространение получил во время десталинизации. Однако до этого было еще одно кровавое противостояние.

Война после войны – вооруженное сопротивление

С лета 1944 г. советские репрессии и террор, подогревавшие сопротивление литовского народа, повлекли за собой десятилетнюю партизанскую войну за восстановление независимости Литвы. Из всех трех Балтийских стран сопротивление в Литве было самым мощным – здесь все еще наивно верили в Запад, надеялись на недолговечность коммунистического правления, рассчитывали, что США и Великобритания выполнят обещания Атлантической хартии и вернут независимость государствам, утратившим ее в результате войны, уповали на борьбу Запада против сталинского СССР. Литва готовилась к этому, не прекращая борьбы, чтобы в нужное время взять власть в свои руки. Антисоветские партизанские отряды начали формироваться в конце лета 1944 г. Они быстро росли, объединялись в сборные, окружные, областные соединения. Партизаны носили литовскую военную униформу, хотя в основном это были молодые мужчины, дети фермеров, малоземельных или безземельных крестьян, никогда не служившие в вооруженных силах. Вступив в ряды партизан, они должны были научиться военным хитростям и приспособиться к сложным условиям жизни в лесах и бункерах, поэтому в отрядах проводились военные учения.

Антинацистское сопротивление было сосредоточено в городах, а антисоветское было вооруженным и шло в деревнях, где партизаны могли получать от крестьян помощь в виде продуктов, медикаментов, одежды. Рассчитывать на поддержку Запада было невозможно, они сражались в полном одиночестве. В 1944–1946 гг. были сформированы крупные партизанские отряды численностью до 100 человек – в целом около 30 тыс. бойцов, которые контролировали всю Литву, за исключением городов, размещались в деревнях, расставляли свои сторожевые посты, а при появлении частей НКВД вступали в бой. При захвате небольших городков они уничтожали местные гарнизоны, волостные документы, мобилизационные списки, ведомости на поставки зерна, освобождали заключенных, расстреливали рьяных ставленников оккупационной власти, остальных предупреждали – не служить врагу. Партизаны срывали выборы, обстреливали избирательные участки,

Группа литовских антисоветских партизан в 1947 г.

останавливали работы по вырубке и вывозу леса, боролись с насильственной коллективизацией, партизанские военно-полевые суды судили и приговаривали к смертной казни исполнителей репрессий, советских чиновников и шпионов.

Поскольку СССР отгородил Литву от свободного мира и от международных известий, а власти изъяли у людей радиоприемники, то во всех округах были учреждены отделы печати и информации. За все время партизанской войны с той или иной продолжительностью выходили периодические издания 80 наименований, из которых люди могли узнать позицию партизан по отношению к коллаборационистам, новости международной политики. Партизаны даже издавали сборники поэзии, сатирических очерков, прозы и собственные молитвенники. Распространением подпольной печати занималась в основном молодежь, в одном лишь 1947 г. за это было арестовано 640 человек.

На втором этапе борьбы (июнь 1946 – ноябрь 1948 г.) партизаны, лишившиеся в боях около 10 тыс. бойцов, перегруппировались в небольшие мобильные отряды, оборудовали в усадьбах или рядом с ними специальные бункеры, где можно было укрыться во время прочесывания местности. В партизанских отрядах уже не осталось романтиков и случайных людей – это уже были бойцы, решившие идти до конца. Множество жертв, преследования со стороны властей при-

Йонас Жемайтис-Витаутас

вели к нарушению связи между отрядами и округами, партизаны теряли контроль над территорией. Тогда они перешли к обычной тактике партизанской войны: засады, уничтожение советских чиновников и агентов. Для борьбы с антисоветскими партизанами оккупационные власти все чаще стали посылать против них боевиков (смешанные отряды из завербованных бывших партизан и кадровых офицеров МГБ).

В конце 1947 г. партизаны Юозас Лукша-Скирмантас и Казимерас Пиплис-Мажитис через «железный занавес» передали свободному миру составленные партизанами документы: окружные списки ссыльных, казненных и арестованных оккупационными властями, письмо партизанского руководства папе римскому Пию XII и другие важные материалы. Они надеялись, что мир обратит внимание на оккупацию Литвы и международные организации потребуют от СССР прекращения террора. Впервые партизаны установили связь с литовскими эмигрантами и их организациями, и Запад получил достоверные сведения о ситуации в оккупированной Советским Союзом Литве и о партизанской борьбе, однако не поддержал вооруженную борьбу литовцев и использовал членов сопротивления только для шпионажа за СССР.

С ноября 1948 г. стали, наконец, создаваться централизованные структуры, которые, впрочем, вскоре были уничтожены. После множества неудачных попыток 2–22 февраля 1949 г. состоялся первый и последний съезд командиров всех партизанских отрядов. Он прошел в бункере между городами Радвилишкис и Байсогала. Съезд утвердил новое название организации – Движение борьбы за свободу Литвы (ДБСЛ), а сами партизаны стали именоваться борцами за свободу (оккупационная советская власть обычно называла литовских партизан бандитами). ДБСЛ возглавило политическую и военную деятельность литовского сопротивления. Съезд обсудил главные документы, регламентирующие партизанские действия, разработал общую стратегию и тактику борьбы, сформировал верховное командование.

Председателем президиума Совета ДБСЛ был выбран кадровый офицер Йонас Жемайтис-Витаутас (в 1929 г. окончил Каунасское военное училище в звании лейтенанта, некоторое время служил во 2-м артиллерийском полку, в 1936–1938 гг. учился во Французской артиллерийской школе), которому было присвоено высшее звание – генерал партизанского сопротивления. В том же бункере была принята и Декларация ДБСЛ от 16 февраля, предусматривающая восстановление Литовского государства и принципы его управления: строй – демократическая республика, власть в суверенной Литве принадлежит нации, управление осуществляется через Сейм, выборы в который являются тайными, свободными, демократическими и всеобщими, а также через сформированное Сеймом правительство. Президиум Совета ДБСЛ провозглашался верховным органом власти до первых свободных и демократических выборов в Сейм.

Для борьбы с партизанами в Литве были дислоцированы многочисленные войска НКВД: летом 1945 г. их численность составляла до 20 тыс., в 1946 г. – около 14 тыс. военных. Во всех округах были открыты отделения НКВД и НКГБ, координировавшие действия и руководившие карательными операциями, захватами людей, допросами арестованных, вербовкой агентов. Более того, при НКВД были учреждены истребительные батальоны (их бойцов в народе сокращенно называли «стрибами»), куда власти вербовали местных жителей. В 1944–1954 гг. в эти батальоны вступило более 20 тыс. человек (в том числе 16 тыс. литовцев) – эти люди были уволены из Красной армии, а здесь могли получать зарплату и обмундирование. Правда, некоторые предпочли уйти с оружием к партизанам. Многие истребительные батальоны состояли из людей сомнительной морали, не пользовавшихся никаким авторитетом. Название батальонов вскоре было опорочено и их членов пришлось переименовать из «истребителей» в «народных защитников». Эти батальоны были дислоцированы во всех волостях и занимались охраной советского актива.

Оскверненные тела партизан, убитых советскими боевиками (округ Дайнава)

Стремясь лишить партизанское движение поддержки, репрессив-

ные органы ссылали в Сибирь их семьи, их сторонников, подвергали участников сопротивления пыткам, использовали психологическое давление, выбрасывали полуголые трупы погибших партизан на центральных площадях населенных пунктов, публично их оскверняли, не разрешали хоронить и сами тайно закапывали их на болотах или на свалках. Агенты-боевики МГБ-КГБ использовали партизанскую атрибутику и униформу для террора, уничтожения партизан, пыток участников вооруженного сопротивления, в том числе женщин, стариков, детей, расстреливали связных и помощников партизан.

Весной 1953 г. завербованные агенты сдали Й. Жемайтиса-Витаутаса, который лечился в подземном бункере после инсульта, случившегося с ним в декабре 1951 г. После полутора лет допросов он был расстрелян в московской Бутырской тюрьме. Есть сведения, что Й. Жемайтиса возили на встречу к самому главе МВД СССР Л. Берии, но причины этой встречи и содержание их беседы до сих пор неизвестны. Однако сам этот факт свидетельствует о том, что Л. Берия считал литовскую партизанскую войну серьезной угрозой для советской власти. В 1956 г. был схвачен и один из последних командиров партизан, бывший учитель Адольфас Раманаускас-Ванагас. Его подвергли жестоким пыткам и в следующем году расстреляли. Организованная вооруженная борьба закончилась весной 1953 г., но отдельные партизаны скрывались еще десять и более лет.

Адольфас Раманаускас-Ванагас со своими верными друзьями-ястребами на плечах (лит. *vanagas* «ястреб»)

Несмотря на то, что без поддержки со стороны партизанская война была проиграна, значение ее очень велико. Всеобщий масштаб этой войны отражают данные карательных акций оккупантов: в 1944–1953 гг. органы МГБ уничтожили 2 353 партизанские группы, убили 20 тыс., арестовали 19 тыс. партизан. В целом было убито, схвачено, а также амнистировано (после добровольной сдачи) 120 тыс. человек, захвачено 9 пушек, 20 противотанковых орудий, 31 миномет, 3 002 пулемета, 40 тыс.

автоматов, ружей и пистолетов, 557 пишущих машинок и копировально-множительных аппаратов. Борцы за свободу своей храбростью и самоотверженностью доказали, что летом 1940 г. Литва была включена в состав СССР против воли народа, и искупили своими жизнями бездействие литовского правительства и армии. Партизаны убили около 2 830 сотрудников советских органов государственной безопасности и службы внутренних дел, тысячу военнослужащих государственной безопасности, 1,3 тыс. бойцов истребительных батальонов, партийных и советских активистов. В этой войне, как и в любой другой, не обошлось без огромных жертв со стороны гражданского населения; много их было в тех местах, где действовали советские боевики, да и в некоторых партизанских отрядах встречались люди, злоупотреблявшие алкоголем или принимавшие участие в Холокосте – хотя и не много, но они были, потому что у командиров партизанских отрядов и округов не было возможности проверить досье своих бойцов. Кроме того, отрицательно сказывалась и долгая жизнь под землей, в бункерах.

Героическое вооруженное сопротивление принесло и большие потери, и, как и любая война, ненужные жертвы. Быть может, именно данное обстоятельство повлияло на то, что в конце XX в. возрождающаяся литовская нация выбрала для борьбы за свободу и независимость не путь оружия, а путь диссидентского движения и поющей революции.

Советизация экономики

Унифицируя жизнь всех советских республик, советская власть упорно искореняла частную собственность во всех областях экономики, что в деревнях вело к созданию коллективных хозяйств – колхозов. Однако процессу коллективизации в Литве мешала партизанская война. Согласно новому порядку, в государственный земельный фонд отошла земля, оставшаяся без хозяев, земля эмигрантов или польских репатриантов, а также земля, конфискованная у партизан или ссыльных. Весной 1948 г. коллективизация вызвала большое сопротивление в литовских деревнях, поэтому в первую очередь были приняты меры против зажиточных крестьян (так называемым кулакам было оставлено не более 30 га земли), против тех, у кого были наемные работники, сельскохозяйственные машины (молотилки, тракторы, движки), мельницы, лесопилки, а также против тех, кто сдавал скот в аренду другим крестьянам или давал им в долг зерно, напрокат – орудия труда. Кулаки были обложены высокими налогами и повинностями – до 50–100 % выше, чем у «трудового крестьянства». Много «кулацких» семей было

Красные обозы. Насильственная коллективная сдача сельскохозяйственной продукции государству. Вильнюс, 1947 г. Фото Л. Мейнерта

вывезено в 1949 и 1951 г. в ходе массовых ссылок, некоторые уехали в города или другие республики СССР. Поскольку режим сознательно повышал налоги на землю и нормы поставок, то к 1949 г. более половины всех литовских крестьян задолжало государству за молоко и мясо. Такие задолжавшие хозяйства были описаны, а их хозяева отданы под суд. Между прочим, по закону у кулака можно было отнять все, кроме жилого дома.

Политика террора приносила плоды – в начале 1949 г. в колхозы вступило 4 %, а в конце года – уже 62 % всех крестьян, в 1952 г. в стране было коллективизировано 94 % всей земли. Без разрешения колхозного руководства колхозник не имел права переехать на другое место жительства. Поскольку земля была отчуждена государством, колхозник, получавший мизерную плату за трудодни, жил за счет приусадебного участка (6 соток), который приносил ему почти три четверти его общего дохода. В более поздний период положение колхозов начало постепенно меняться в лучшую сторону.

Однако коллективизация моментально привела в упадок литовское сельское хозяйство – ЛССР смогла достичь довоенного уровня урожайности зерновых, поголовья скота и его продуктивности, зафиксированный в независимой Литве, лишь спустя 20 лет. Насильно согнанные в колхозы крестьяне работали спустя рукава, а низкая зарплата толкала их на хищение колхозного добра, невзирая на угрозу наказания. Кража

Проспект Сталина в Вильнюсе, 1954 г.
Фото Юделиса Каценбергаса

обобществленного имущества не считалась преступлением, у крестьян не осталось уважения к труду. Это привело к падению морали верующего крестьянина, многие начали заливать свою тяжкую долю водкой. Коллективизация означала и смерть хуторов. Советская власть в массовом порядке уничтожала хуторские усадьбы, а их владельцев вынуждала переезжать в колхозные поселки, создаваемые в сельской местности (в таких деревнях все и всё друг про друга знали, и властям было легче их контролировать), или переселяться в городки и города.

Литовская индустрия должна была стать составной частью советской промышленности. Послевоенные планы СССР облегчило то, что нацисты во время оккупации не отменили национализацию, начатую советской властью перед войной. Частные предприятия под бременем повышенных налогов должны были прекратить деятельность. Машины, оборудование, сырье и материалы для восстановления литовского хозяйства везлись сюда из СССР или из оккупированной Восточной Германии (в свою очередь, из Литвы было вывезено много продовольствия, лесоматериалов). За несколько лет разрушенная литовская промышленность была восстановлена и достигла довоенного уровня.

В пятидесятые годы в Советском Союзе были начаты новые реформы, направленные на «демократизацию» общественной жизни, предостав-

ление бóльших прав местным работникам и увеличение «суверенитета» советских республик. В 1953 г. началось укрупнение министерств – их объединяли, упраздняли различные комитеты и управления с передачей их функций министерствам. Новый порядок давал больше прав союзным республикам: теперь они могли утверждать производственные планы предприятий республиканского подчинения, распределять их продукцию, а в 1957 г. вместо бывших министерств промышленности и строительства были учреждены региональные Советы народного хозяйства (совнархозы), управление промышленностью стало из отраслевого территориальным. Литовский совнархоз контролировал республиканские предприятия, на которых было занято 76 % рабочих страны. Индустрия стала более специализированной, начала создаваться химическая и электронная промышленность, местные власти особенно повысили производство и переработку сельскохозяйственной продукции, развивая тем самым агропромышленный комплекс и легкую промышленность. С благословления Москвы литовские власти, понимавшие сложность контроля предприятий союзного подчинения, развивали местные отрасли промышленности. Такая политика оправдала себя и дала сравнительно неплохие результаты в условиях того времени. Недаром Литву называли фермой Советского Союза: немало инвестиций было направлено именно в секторы сельского хозяйства и пищевой промышленности. Но это не означало благосостояния самой Литвы – как и повсеместно в СССР, магазинные полки были почти пусты, ощущалась нехватка мяса, овощей, сливочного масла, зачастую даже хлеба и других продуктов, люди выстаивали огромные очереди за талонами на мебель, посуду, телевизоры. Кроме того, катастрофически не хватало квартир, медицинских принадлежностей, лекарств – дефицитом было практически все. В народе ходила такая грустная шутка по поводу командной плановой экономики: если в пустыне Сахаре установить советскую власть, то там очень скоро возникнет дефицит песка…

В шестидесятые годы XX в. администрация ЛССР разработала региональный план развития экономики страны. Суть этого плана заключалась в прекращении роста старых промышленных центров – Вильнюса, Каунаса, Клайпеды, Шяуляй и Паневежиса – и строительстве новых предприятий в малых городах. Абсолютное большинство работников промышленных предприятий в этих городах составляли литовцы, переехавшие из деревни, поскольку русскоязычные мигранты из СССР не хотели селиться в литовских провинциальных городах. Децентрализованное развитие промышленности помогло лучше использовать местные трудовые ресурсы: на заводах в Алитусе, Плунге,

Митинг в честь пуска первой турбины на строительстве Каунасской гидроэлектростанции. Каунас, 16 июля 1959 г. Фото Марюса Баранаускаса

Утене от 50 до 70 % работников были местными или районными жителями и только 3–5 % – приезжими из СССР. Переселению русских мигрантов в новые промышленные города ЛССР мешал психологический барьер: одно дело обосноваться в Риге, Таллине, Вильнюсе, где царило свое, русскоязычное, окружение, и совсем другое дело – ехать в никому не известные городки, где старшее поколение даже не говорит по-русски. Хотя в советские времена в Вильнюсе, Клайпеде и Снечкусе обосновалось много русскоязычных приезжих, к 1990 г. в индустриализованной Литве, отличавшейся хорошо развитой сельскохозяйственной промышленностью, литовцы составляли около 80 % всего населения.

В период оттепели в Литве стремительно шла индустриализация и урбанизация по советскому образцу, в 60–70-е годы было построено много новых промышленных предприятий (Каунасская ГЭС, Мажейкский нефтеперерабатывающий завод, Йонавский завод азотных удобрений, Игналинская атомная электростанция). В связи с индустриализацией в стране резко возросло количество рабочих (490 тыс. в 1960 г., 850 тыс. – в 1970 г., более 1 млн – в 1980 г.). Города росли (в 1960 г. в них проживало около 40 % населения, а в 1980 г. – уже около 60 %), рабочим не хватало квартир, и тогда было начато строительство многоквартирных жилых домов. Дома были стандартными, строились по типовым проектам с преимущественным исполь-

Жилой микрорайон Жирмунай в Вильнюсе, 1972 г.
Фото Й. Ботирюса

зованием сборных крупнопанельных конструкций. В 1962–1969 гг. в Вильнюсе появился первый микрорайон многоквартирной жилой застройки – Жирмунай. Эти одинаковые, безликие районы многоквартирных жилых домов, потребляющие огромное количество энергии для отопления, стали одной из самых ярких примет советской урбанизации.

Плохие отношения СССР с капиталистическими государствами привели к изоляции промышленности Литвы и других советских республик, а тесные связи с поставщиками сырья поставили ее в полную зависимость от других регионов СССР. Построенные гигантские заводы были интегрированы в хозяйственную систему Советского Союза – они производили узкоспециализированную техническую продукцию, которой чаще всего обеспечивали всю огромную страну. Хотя по производству мясо-молочной продукции на душу населения Литва занимала в СССР первое место, но основная часть литовской продукции вывозилась в другие регионы Советского Союза (основными потребителями продуктов питания были Москва и Ленинград (ныне Санкт-Петербург), а доходы предприятий поступали в общий бюджет СССР.

Советская власть охотно строила в Литве новые объекты и инвестировала сюда средства не в последнюю очередь и благодаря взяткам

(в Москву постоянно возили чемоданы с копченой колбасой, ветчиной и окороками), а также в силу того, что здесь не было долгостроев, требовавших нескончаемого финансирования, не было тотального воровства строительных материалов, а новые предприятия запускались более или менее в срок. Это нравилось московской номенклатуре, сталкивавшейся с проблемами коррупции и хищений в других областях СССР. В связи с ростом населения и строительством крупных предприятий, особенно химических, и при отсутствии средств на охрану природы в городах начали возникать экологические проблемы. Очистных сооружений не было, что привело к сильному загрязнению литовских рек, грунтовых вод и атмосферы. Сравнительно хорошие количественные показатели промышленности в оккупированной Литве не могли перевесить или компенсировать стоимость утраты страной своей независимости.

Унификация культуры

В годы сталинского правления шло неприкрытое разрушение литовской культуры, коммунистическая партия стремилась выкорчевать любое проявление этничности, контролировать и строго администрировать все области культуры: каждая строчка подвергалась цензуре, навязывалась марксистско-ленинская философия, прививалась коммунистическая идеология, которую должны были распространять все культурные учреждения. На фоне восхваления авторитетов коммунистической идеологии шла расправа с культурным наследием независимой Литвы. Из библиотек были изъяты книги известных литовских писателей Винцаса Кудирки, Майрониса, Винцаса Креве-Мицкявичюса и других авторов, литература национального характера. В 1944–1951 гг. было уничтожено около 600 тыс. изданий. Во времена сталинизма было запрещено даже упоминание фамилий литовских культурных деятелей-эмигрантов. Отказ от выполнения требований режима мог повлечь за собой строгое наказание для любого деятеля культуры: в 1944–1953 гг. был арестован 1 651 представитель творческой и научной интеллигенции, большинство арестованных были отправлены в ссылку или заключение, а некоторые даже убиты. Поэтому многие культурные деятели старались соблюдать требования и вели двойную жизнь – публичную и частную. В школах было введено обязательное изучение сталинской конституции, русского языка, запрещено преподавание Закона Божьего, уменьшено количество уроков литовского языка. В университете и институтах

специалисты, присланные из других республик, преподавали только на русском языке. Учеников заставляли вступать в пионерскую и комсомольскую организации, идеологически неблагонадежных учителей увольняли с работы.

Советская власть уничтожила памятники времен независимой Литвы, осквернила могилы добровольцев, запретила национальные и религиозные праздники. В 1950 г. был запрещен и гимн Литвы – «Национальная песнь» В. Кудирки. На местах прежних памятников, свидетельств литовской государственности, были поставлены памятники советским воинам-освободителям, статуи В. Ленина, И. Сталина, вывешены коммунистические лозунги. Ситуация начала меняться в лучшую сторону только во второй половине пятидесятых годов с началом десталинизации.

Период «оттепели», начавшийся после смерти И. Сталина, принес в культурную жизнь официальное признание национального культурного наследия: был реабилитирован классик литовской литературы В. Креве-Мицкявичюс, который в конце войны эмигрировал на Запад, были изданы произведения В. Креве-Мицкявичюса, Юргиса Балтрушайтиса, Балиса Сруоги, Майрониса, Винцаса Миколайтиса-Путинаса и других писателей, опубликовано творчество М. К. Чюрлёниса, альбомы народного декоративно-прикладного искусства (такие издания обычно сопровождались предисловием с обзором биографии и творчества автора с марксистских позиций).

Политическая оттепель и признаки либерализации в культурной жизни не означали существенных перемен – за культурными организациями все так же бдительно надзирала госбезопасность, сохранялась строгая цензура, большинство иностранных или довоенных изданий были упрятаны в так называемые «спецхраны». После венгерского восстания и познанских протестов 1956 г. власти дали понять, что культурная политика меняться не будет. Поэтому с конца пятидесятых годов началась идеологическая атака на сотрудников кафедры литовской литературы Вильнюсского университета, на некоторых деятелей культуры. Оступившихся обвиняли в «буржуазном национализме», растлевающем влиянии Запада.

В период оттепели власти попытались увязать идеологизированную культуру советской Литвы с культурной традицией и литовскими основами культуры. Для этого в местечке Румшишкес (под Каунасом) был основан Музей народного быта, учреждены художественные и краеведческие общества, легализованы этнографические исследования, было разрешено создавать фольклорные ансамбли.

Хотя советская власть начала проявлять заботу о культовых сооружениях и хранящихся в них художественных ценностях, это делалось при отрицании исконной функции храмов и акцентировании сугубо художественной ценности. В Вильнюсском кафедральном соборе была открыта Картинная галерея, примерно так же были «перепрофилированы» и другие закрытые храмы: в костеле Св. Казимира был открыт Музей атеизма, в костеле Св. Иоаннов – Музей науки, в костеле Всех Святых – Музей народного искусства, в бывшем православном соборе каунасского гарнизона – Галерея витража и скульптуры, в Пажайслисском монастыре близ Каунаса – филиал Музея М. К. Чюрлёниса с экспозицией старинного искусства. Власти стали использовать в своих целях героические страницы литовской истории – борьбу ВКЛ с крестоносцами, даже идеализировать языческую Литву, позволили упоминать Грюнвальдскую битву, писать о подвиге С. Дарюса и С. Гиренаса и т. д., но в целом история была превращена в служанку власти и использовалась для распространения антизападных и антикатолических идей. После Пражской весны 1968 г., когда СССР и другие страны соцлагеря предприняли военное вторжение в Чехословакию, советская власть начала опасаться усиления национализма и снова наложила ограничения на культурную жизнь. Власть объявила курс на оптимизм советской культуры, заменила редакторов многих издательств и периодики, некоторых чиновников данной сферы. Развитие культуры было ограничено принципом «национальное по форме, социалистическое по содержанию» – и хористы в национальных костюмах начали петь песни о В. Ленине. Но с течением времени, особенно на Праздниках песни, это стало лишь внешней оболочкой для обязательной (социалистической) программы, а основная часть была посвящена только литовским песням и танцам. Другие области культуры тоже научились сначала отдавать дань коммунизму, а потом творить хоть и ограниченное, но национально-культурное произведение.

Несмотря на различные запреты, действовавшие вплоть до национального возрождения (запрет на упоминание независимого литовского государства или, в случае его упоминания, необходимость ругать и порочить его, запрет на упоминание массовых депортаций населения после войны, партизанской борьбы), в шестидесятых годах ситуация с культурой улучшилась: писатели, художники, ученые уже могли быть смелее. Хотя публично надо было высказываться и писать в соответствии с требованиями, но в узких кругах можно было обсуждать самые животрепещущие вопросы. Деятели культуры по-

степенно стали голосом совести своего народа. Развитию творчества способствовала и так называемая «брежневская эпоха»: чем известнее был человек, тем сложнее было завести на него уголовное дело (во времена И. Сталина все были равны – сотрудники госбезопасности могли арестовать и профессора, и министра, и рядового человека). В новых условиях художники и писатели все чаще отходили от канонов социалистического реализма, по возможности стараясь не сочетать политику и пропаганду с искусством. Появились исторические романы, драмы, фильмы, подрастало новое поколение, не затронутое репрессиями сталинских времен, вышедшее из новых социальных слоев – советской власти не удалось полностью поставить литовскую культуру на колени, втиснуть ее в прокрустово ложе коммунистической идеологии.

Просвещение и попытки русификации

Стремительная урбанизация, милитаризация, оборонно-промышленный комплекс СССР (в советской Литве было построено более 400 военных объектов; на нужды советской армии было отведено более 6 % территории Литвы) требовали все больше и больше квалифицированной рабочей силы. Подготовкой этой рабочей силы занималась система просвещения – она находилась под тотальным контролем, а непокорные наказывались. Учителей заставляли изучать труды В. Ленина, И. Сталина, К. Маркса, историю Коммунистической партии Советского Союза, конституцию СССР, материалы съездов и постановлений КПСС. Для усиления идейного коммунистического воспитания учеников в школах были введены ленинские уголки, стенгазеты.

После войны (в 1945–1948 гг. было сослано еще около 1,2 тыс. педагогов) оккупированная Литва стала частью общей советской системы просвещения, хотя в Литве из-за необходимости изучения литовского языка было оставлено одиннадцатилетнее школьное образование, тогда как во всем СССР была введена унифицированная система десятилетнего среднего образования. Осенью 1988 г. литовские школы перешли на двенадцатилетнее образование (школы с русским языком обучения перешли с 10 классов на 11). Наряду с ростом городов развивалась сеть дошкольных учреждений, яслей-садов, детских домов, школ-интернатов для детей-инвалидов, были также открыты училища, выпускавшие рабочих со средним образованием – в 1985 г. в 97 профес-

сионально-технических училищах обучалось почти 97 тыс. учащихся. Техникумы и политехникумы готовили специалистов для промышленности, сельского хозяйства, строительства. В 1987 г. в 66 техникумах занималось почти 59 тыс. учащихся.

Содержание воспитательного процесса также подверглось преобразованиям, оно было приведено в соответствие с требованиями советской идеологии и советской педагогики. Ученикам следовало прививать материалистическое мировоззрение, готовить «всесторонне образованных, активных и сознательных творцов коммунистического общества», воспитывать дружбу советских народов. Школьные учебники, за исключением учебников по литовскому языку, литературе и истории Литвы (которой уделялось мало внимания, исторические события фальсифицировались и интерпретировались с точки зрения классовой борьбы с подчеркиванием неизменно позитивной роли СССР и особенно КПСС), были переведены с русского языка, а изучению русского языка уделялось повышенное внимание. В 1979 г. на Всесоюзной конференции по русскому языку (Ташкент) было принято решение об усилении позиций русского языка в СССР – в учебных заведениях различного уровня следовало ввести дополнительные уроки русского языка, увеличить количество факультативных часов для его усвоения, повысить квалификацию сотрудников кафедр русского языка в высших учебных заведениях, организовать курсы повышения квалификации для учителей, в районах оборудовать методические кабинеты русского языка, пересмотреть и усовершенствовать издание книг, необходимых для изучения русского языка и т. д. Эта программа была направлена не только на совершенствование коммуникации между жителями страны, но и содержала в себе аспект культурной экспансии. Невзирая на старания руководства и ответственных лиц ЛССР по защите статуса литовского языка в тогдашней системе образования, около 1987–1989 гг. в Литве была расширена и укреплена база обучения русскому языку.

Роль литовского языка в общественной жизни уменьшилась – он был вытеснен из учреждений милиции, железной дороги, аэропорта, большинства государственных учреждений и предприятий – партийные и административные органы считали русскую речь проявлением интернационализма. В те времена говорили, что если русский любит свою родину, речь и культуру, то он интернационалист, если литовец любит свою культуру и язык, то он националист, а если еврей любит свою культуру и язык, то он сионист – эта поговорка прекрасно отражала идеологию компартии.

В литовских высших учебных заведениях наука была политизирована (введен обязательный курс марксизма-ленинизма), они были реорганизованы в соответствии с советской системой высшего образования. Власти откровенно вмешивались в дела вузов, по своему усмотрению меняли названия университетов (в 1950 г. университет Vytautas Magnus, тогда уже названный Каунасским университетом, был реорганизован в Каунасский политехнический институт и Каунасский медицинский институт). За персоналом вузов велась слежка, осуществлялись проверки, преподаватели могли быть уволены по идеологическим соображениям, а на их место присылали преподавателей из других регионов СССР. Университеты и еще несколько новых высших учебных заведений были расширены, увеличилось число факультетов, специальностей, студентов: в 1940–1941 в Литве было 7 вузов и 6 тыс. студентов, а в 1987 г. – 12 вузов и 65 тыс. студентов. Важнее всего, что в Литве не только в школах, но и в высших учебных заведениях преподавание велось на литовском языке, хотя большинство учебной литературы было только на русском языке. Немало молодежи обучалось в высших учебных заведениях Москвы, Ленинграда и других советских городов.

В Литве все газеты дублировались на русском языке, издавалось много произведений русской литературы, ставились русские пьесы, повсеместно вводилось двуязычие. Начались официальные разговоры о «формировании советского народа», «слиянии» наций через русский язык как «язык межнационального общения», «сближении и слиянии советских наций». Это позволяло сделать вывод, что власти пошли по пути интенсификации формирования идеологически унифицированной и русскоязычной советской нации, что в будущем литовский и другие языки исчезнут. Конечным продуктом воспитания должен был стать *homo sovieticus* – человек без национальных признаков, который по приказу партии будет работать где угодно, как поется в известной песне «Мой адрес – не дом и не улица, мой адрес – Советский Союз». Запахло планомерным, хроническим этноцидом.

Власть переписала историю Литвы в советской интерпретации. В новой версии уже не было эпизода с освобождением Литвы Красной армией от ига литовской буржуазии в 1940 г., поскольку была сконструирована теория социалистической революции и якобы самостоятельного решения литовской нации о вступлении в СССР, хотя история ВКЛ и 20 лет литовской независимости торчали как кость в горле у советской историографии. В результате политизации науки,

постоянного контроля со стороны властей, изоляции от западного мира, идеологизированной кадровой политики в отношении преподавателей уровень обучения в советские времена был ниже, чем в довоенной Литве, несмотря на большой скачок количества образовательных учреждений.

Литовская дипломатическая служба и эмиграция

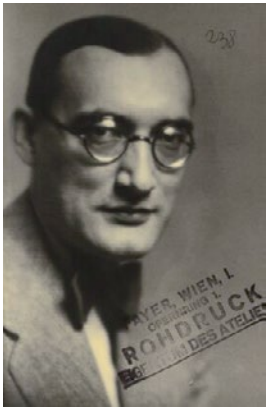
Под конец Второй мировой войны тысячи жителей Литвы подались на Запад, опасаясь возвращения приближающейся Красной армии и депортаций. По различным данным, в 1945 г. в Западной Европе находилось более 72 тыс. литовских беженцев и ссыльных (латышей – более 111 тыс., эстонцев – около 31 тыс.). Ряды беженцев пополняли литовцы, насильно вывезенные на работы в Германию во времена нацистской оккупации. После поражения Германии в войне некоторые из них попали в лагеря для перемещенных лиц – военных беженцев, по различным причинам оказавшихся за пределами своей родины. В лагерях для перемещенных лиц насчитывалось 400 преподавателей Каунасского и Вильнюсского университетов, половина членов Союза писателей Литвы, тысячи литовских учителей, инженеров. Итак, литовская интеллигенция покидала страну в двух направлениях – на Запад либо в Сибирь…

С началом холодной войны между США и СССР американцы начали менять свое отношение к лагерям перемещенных лиц. В середине 1948 г. Конгресс США принял так называемый Закон о перемещенных лицах, предусматривавший освобождение из лагерей 205 тыс. беженцев (40 % которых составляли беженцы и ссыльные из Балтийских стран и Польши). За три-четыре года в США удалось переехать всем желающим литовским ссыльным и беженцам (в целом около 30 тыс.), остальные направились в Великобританию, Канаду, Австралию.

Бывший президент Литвы А. Сметона, покинувший ее в июне 1940 г., был персоной нон грата во всех европейских странах, поэтому он уехал в США (через Германию, Швейцарию, Португалию). Однако для получения американской визы ему пришлось подписать отказ от политической деятельности, вследствие чего он ограничился поддержанием связей с американскими литовцами и литовскими дипломатами. В январе 1944 г. А. Сметона погиб в Кливленде во время пожара. Поэтому на Западе вопросами литовских беженцев и освобождения Литвы занималась Литовская дипломатическая служба (ЛДС), сим-

Литовские беженцы в немецком лагере (Шайнфельд) подбирают себе одежду из благотворительных поступлений, 1948 г.

вол литовской государственности, действовавшая в течение всего периода советской оккупации. Она стремилась сохранить международное признание Литовского государства в тех странах, которые отказались признавать насильственное включение Литвы в состав СССР: США, Канаде, Бразилии (до 1967 г.), Колумбии, Уругвае (до 1977 г.), Великобритании, Франции, Швейцарии, Ватикане. По различным причинам число таких стран постоянно уменьшалось. Огромное влияние на существование ЛДС оказал приказ президента США Ф. Рузвельта от 15 июля 1940 г. Согласно этому приказу все средства Балтийских государств, хранившиеся в банках США, были заморожены. Эти деньги дали ЛДС возможность сохранить свои представительства и персонал вплоть до самого окончания дипломатической работы.



Глава Литовской дипломатической службы Стасис Лозорайтис

Высшая власть в ЛДС принадлежала главе (шефу) дипломатической службы. Этот пост последовательно занимали дипломаты Стасис Лозорайтис (1940–1983) и Стасис Антанас Бачкис (1983–1991). С. Лозорайтис понимал свою должность как *primus inter pares* – первый среди равных – относительно всех послов. Таким образом, благодаря

усилиям литовских дипломатов Литва, стертая с политической карты мира, не была вычеркнута из политического сознания.

Сначала, в сороковые годы, ЛДС попыталась сформировать правительство Литвы в изгнании, однако по мере уменьшения числа ее сотрудников это стремление приобрело символическую форму. Дело в том, что иностранные государства признавали лишь тех дипломатов, которые работали в Литовской дипломатической службе до 1940 г., т. е. до оккупации Литвы. Надежды на быстрое восстановление независимости Литовского государства с помощью Запада постепенно таяли, и все внимание ЛДС сосредоточилось на сохранении дипломатических представительств и персонала. Дипломаты в своих странах пребывания символически представляли Литву, поддерживали связи с представителями других Балтийских стран, принимали участие в посольских приемах и мероприятиях официальных учреждений различных стран. Это помогало установлению новых и поддержанию старых связей, сохранению зданий представительств, не давало Западу забывать о деле освобождения Литвы. После восстановления независимости Литвы, 6 сентября 1991 г. ЛДС завершила свою работу.

В США, где было сосредоточено наибольшее число литовских эмигрантов, действовали основные и наиболее влиятельные организации – Совет американских литовцев (САЛ, основан в 1940 г.), Всемирная община литовцев (ВОЛ, 1951 г.) и Верховный комитет освобождения Литвы (ВКОЛ), перемещенный сюда из Европы. Они старались действовать сообща и служить делу освобождения Литвы в международном масштабе. Их работа основывалась на принципе, утвержденном на конференции, где обсуждались вопросы совместной политической деятельности литовской эмиграции по освобождению Литвы, прошедшей 26–27 октября 1974 г. в городе Уайт Плейнс (штат Нью-Йорк): «добиваться восстановления независимой Литвы на основании неизменной воли литовской нации». Участники конференции планировали оказание экономической, культурной и политической помощи жителям оккупированной Литвы, передачу западному миру информации из советской Литвы (имелись в виду статьи в периодической печати, радио- и телепередачи, ежегодные издания о нарушении прав человека), информирование западных стран о деле Литвы, сотрудничество с различными организациями и форумами для получения от них поддержки в правительствах и парламентах западных государств, прежде всего – США.

Делу освобождения Литвы послужил и Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, подписан-

ный США, Канадой и 33 европейскими государствами (в том числе и Советским Союзом) 1 августа 1975 г. в Хельсинки. Подписавшие акт государства обязались соблюдать в своих странах права человека. Особенно обнадеживающе звучал раздел IV части 1: «Никакая оккупация или приобретение такого рода не будет признаваться законной». Кроме того, СССР своей подписью под Заключительным актом в присутствии остальных государств признал право всех наций на свободное самоопределение.

Литовские эмигрантские организации, которые постоянно подчеркивали незаконную оккупацию Литвы Советским Союзом, после подписания Хельсинкского акта начали предавать огласке нарушения прав своих соотечественников в советской Литве, факты преследования диссидентов. Вопреки желаниям СССР западные страны, и в первую очередь США, сочувственно отнеслись к усилиям литовской эмиграции и по их требованию поднимали вопрос о незаконном включении Балтийских государств в состав СССР. Однако их действия не всегда совпадали с намерениями ВКОЛ и ЛДС. ВКОЛ считал себя основным органом сопротивления и стремился к политической монополии, что вызывало недовольство со стороны послов, особенно С. Лозорайтиса, и служило причиной многолетних трений между этими двумя организациями. Постепенно сотрудничество ЛДС и ВКОЛ стало более согласованным, что оказало положительное влияние на решение вопроса независимости Литвы в международной плоскости.

ЛДС и эмиграция выполнили на Западе большую работу, постоянно поднимая вопрос о независимости Литвы. Важнее всего, что в годы холодной войны они информировали мир о незаконной инкорпорации Литвы в СССР, о действиях советской власти в оккупированной Литве. А связи литовских дипломатов и эмигрантов, их деятельность позволили влиятельным мировым державам лучше ориентироваться в вопросах освобождения Балтийских стран. Стремление к восстановлению независимости Литвы, в свою очередь, объединяло литовских дипломатов и эмиграцию, заставляло их сплотить усилия в деле освобождения родины.

Непокорное общество

Литва была единственной католической страной, включенной в состав СССР. Хотя советские власти были нетерпимы и к верующим других конфессий, но католики были особенно

неудобны потому, что католичество было связано с нежелательной для советского руководства «западностью» – центром католического мира в Ватикане, который не подчинялся Москве. Поэтому с католичеством обходились жестче, чем с остальными религиями. Парадоксально, но за годы сталинского правления католические священнослужители в Литве пострадали в два раза сильнее, чем во времена М. Муравьева-вешателя в XIX в. За ксендзами велась слежка, посещающие их люди фиксировались, проповеди записывались. Советская власть стремилась пошатнуть авторитет католического духовенства, препятствовала обучению молодежи в духовных семинариях. В 1946 г. были закрыты католические семинарии в Вильнюсе, Тельшяй и Вилкавишкисе, после чего осталась лишь одна действующая семинария в Каунасе, но и в ней количество учащихся было уменьшено. К 1962 г. в семинарии осталось всего 55 семинаристов, хотя в костелах не хватало священнослужителей. Если во времена И. Сталина оккупационные власти физически уничтожали духовенство, ссылали ксендзов, костелы превращали в склады, то во времена Н. Хрущева началась кампания по дискредитации Церкви, на католических священнослужителей оказывалось моральное давление (хотя 130 священникам было позволено вернуться из ссылки). В 1958 г. «оттепель» закончилась и началась война с религией в учебных и научных заведениях: учреждались атеистические кружки, был запрещен колокольный звон, под ограничения попали крестины, катехизация детей и обряд первого причастия, власти препятствовали посещению храмовых праздников, особенно в наиболее популярных местах – в Жемайчю Кальварии и Шилуве (местечко неподалеку от города Расейняй, которое во время храмового праздника было заблокировано властями под предлогом «свиной чумы»). Верующие высмеивались, подвергались оскорблениям, им было запрещено устанавливать кресты, новый костел в Клайпеде, возведенный на средства верующих, вскоре после завершения строительства был приспособлен под концертный зал филармонии.

В годы притеснений перед людьми особенно глубоко раскрылась суть креста как источника силы и надежды. Поэтому люди понесли свои кресты и молитвы к древней святыне – Горе крестов, которая находится в 12 км к северу от города Шяуляй. Это место вскоре прославилось не только в Литве, но и за рубежом, и вместе с тем стало символом борьбы за свободу вероисповедания. Власти запрещали ставить кресты, выкорчевывали, срубали, сжигали их (в одном только 1961 г. на Горе крестов было уничтожено 2 179 крестов), но ночью люди воз-

вращались и ставили их еще больше. Так Гора крестов получила название литовской Голгофы, а в 1993 г. ее почтил своим визитом сам папа Иоанн Павел II. Запреты властей не могли помешать десяткам тысяч паломников съезжаться на религиозные манифестации. Они не только молились и общались, но и приобретали запрещенные религиозные реликвии, нелегальную литературу: молитвенники, катехизисы или Священное Писание.

В семидесятые годы некоторые католические священнослужители начали сопротивляться грубой политике властей, требовать конституционных прав для верующих и Церкви. 19 марта 1972 г. группа духовенства начала издавать католический журнал «Хроника Литовской католической церкви». Первым его редактором стал Сигитас Тамкявичюс, викарий из города Симнаса. Журнал был посвящен разоблачению советской антирелигиозной деятельности и пропаганды. Для западных радиостанций «Хроника» стала основным источником сведений о Литве. Уже в первом номере был опубликован меморандум литовских католиков с протестом против преследования верующих. Меморандум подписало более 17 тыс. человек. Документы такого рода публиковались и на других страницах этого издания. Отдельные книги «Хроники Литовской католической церкви» (ежегодно выходило по 5–8 номеров) переправлялись на Запад стараниями московских диссидентов. Это было чуть ли не единственное издание, которое выходило в Советском Союзе 17 лет подряд (хотя и не всегда регулярно). Несмотря на то, что «Хроника» была предназначена для верующих и освещала только вопросы веры, она превратилась в символ сопротивления Католической церкви советской власти, учила твердости духа.

22 ноября 1978 г. три католических священнослужителя – Альфонсас Сваринскас, Сигитас Тамкявичюс и Юозас Здебскис – на пресс-конференции в Москве сообщили иностранным журналистам, что 13 ноября в Литве был учрежден Комитет по защите прав верующих. В этот комитет входили также католические священнослужители Йонас Кауняцкас и Винцентас Велавичюс. Комитет поднимал проблемы религиозной дискри-

Комитет по защите прав верующих.
Слева направо: Винцентас Велавичюс, Альфонсас Сваринскас, Сигитас Тамкявичюс, Юозас Здебскис, Йонас Кауняцкас

минации – верующие не обладали теми же правами, какими в стране пользовались атеисты, а свобода отправления религиозных культов на практике была сильно ограничена. Комитет добивался для католиков равных прав с атеистами, обращал внимание на факты дискриминации верующих, просил помощи для защиты их прав. Комитет не ставил перед собой политических целей. Он действовал в течение пяти лет, подготовил 53 документа и смог распространить некоторые из них.

Примерно с конца пятидесятых годов XX в. в борьбу с режимом начали вступать и отдельные представители литовской интеллигенции, так называемые диссиденты – идеалисты, надеявшиеся реформировать советскую власть. Диссидентское движение пыталось заставить оккупационные власти хотя бы не игнорировать общепризнанные права и свободы человека, соблюдать Всеобщую декларацию прав человека, утвержденную Генеральной Ассамблеей ООН в 1948 г., поскольку СССР фактически с ней не считался. Целью литовских диссидентов было сохранение национального достояния, частичная нейтрализация враждебных сил, защита прав человека.

Началом диссидентского движения в Литве считается 1960 г., когда первые литовские диссиденты Александрас Штромас, Томас Венцлова, Пранас Моркус завязали отношения с московскими диссидентами, помогли им издавать в Москве журнал «Синтаксис», снабжали информацией из Литвы. Большую помощь развитию диссидентского движения оказал Хельсинкский заключительный акт 1975 г., обязавший стороны этого соглашения уважать права человека. По инициативе академика Андрея Сахарова в СССР стали возникать группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР, передававшие в другие страны информацию о нарушениях прав человека. 12 мая 1976 г. была учреждена первая Московская Хельсинкская группа (под руководством Юрия Орлова), а осенью подобная группа возникла и в Вильнюсе. В нее входили католический священнослужитель Каролис Гаруцкас, физик Эйтан Финкельштейн, поэтесса, бывшая политзаключенная Она Лукаускайте-Пошкене, поэт Томас Венцлова и бывший политзаключенный Викторас Пяткус. Они поддерживали связи с Московской группой, Хельсинкскими группами из других регионов СССР, а также с международными правозащитными организациями. К началу периода национального возрождения (1988) Литовская Хельсинкская группа подготовила, опубликовала в нелегальной печати и выслала на Запад более 50 документов, освещающих советскую политику по отношению к Литве. Так демократический Запад узнал об истинном положении дел и нарушении прав человека в СССР. Советские власти сочетали репрессии

против диссидентов с тактикой частичных уступок инакомыслящим, избегая жестких мер. Известных диссидентов высылали из Советского Союза, других арестовывали и судили (например, под суд попали Балис Гаяускас, Викторас Пяткус). В отличие от католической оппозиции диссиденты поднимали вопросы освобождения Литвы.

Особой активностью отличалась Лига свободы Литвы (ЛСЛ). Ее целью было восстановление независимой Литвы, воспитание религиозного, национального и политического сознания, обсуждение вопроса свободы Литвы на международных форумах. Создатель и руководитель ЛСЛ Антанас Терляцкас называл себя участником сопротивления – по его убеждению, ЛСЛ стремилась не к реформированию СССР, а к восстановлению независимости Литвы мирными средствами. В организацию входила группа борцов с советским строем, вот лишь некоторые из них: Ромалдас Юозас Рагайшис, А. Терляцкас (были под судом три раза), Нийоле Садунайте, Пятрас Цидзикас (политзаключенные). С 1976 г. ЛСЛ издавала подпольную газету «Глашатай свободы», с 1978 г. – журнал «Витис», другие подпольные издания.

Члены ЛСЛ уделяли особое внимание пакту Молотова – Риббентропа (договору о ненападении между Германией и Советским Союзом от 23 августа 1939 г.). 23 августа 1979 г. ЛСЛ обратилась к Генеральной Ассамблее ООН с требованием о предоставлении независимости и полного суверенитета трем Балтийским государствам. Еще больший отклик получил так называемый Меморандум 45 прибалтийцев, адресованный Генеральному секретарю ООН Курту Вайльдхайму, государствам – сторонам Атлантической хартии, правительствам Федеративной Республики Германии и Германской Демократической Республики. Меморандум подписали 4 эстонца, 6 латышей, 35 литовцев, Андрей Сахаров и 10 известных российских диссидентов. Этот меморандум является важнейшим документом ЛСЛ, получившим международный резонанс. Он требовал от СССР обнародования всех секретных протоколов пакта Молотова – Риббентропа, признания их недействительными с момента подписания и ликвидации их последствий – вывода чужой армии из Прибалтики.

Невзирая на постоянные преследования, ЛСЛ была единственной подпольной организацией, просуществовавшей вплоть до периода национального возрождения. Как раз в это время ее активные члены были освобождены из мест заключения и организация стала легальной. Особенно смело ЛСЛ заявила о себе 23 августа 1987 г., в день очередной годовщины подписания пакта Молотова – Риббентропа, когда по ее инициативе у памятника Адаму Мицкевичу в Вильнюсе прошел

Первый публичный несанкционированный митинг в Вильнюсе, организованный в советские годы Лигой свободы Литвы в ознаменование годовщины подписания пакта Молотова – Риббентропа. 23 августа 1987 г. Фото Ромуальдаса Ланкаса

митинг протеста. Несломленное духовенство и диссиденты призывали литовское общество отстаивать свободу вероисповедания и права человека, не подчиняться навязанному строю, а в нужный час – подняться на борьбу за свою независимость.

В шестидесятые годы XX в. по всей Европе (Литве в том числе) начала распространяться западная молодежная музыка, идеи свободы и нового стиля жизни. Молодежные общества стали противиться культурным стандартам советской системы, сформировалось два культурных направления – этнокультурное движение и молодежная субкультура, сложившаяся под влиянием западных веяний (рок-группы, хиппи, панки, рокеры и другие течения). После Пражской весны 1968 г. в Литве начали складываться «организации без организации», объединявшие людей с общими идеалами и целями, повсеместно учреждались клубы любителей походов, возникали краеведческие общества этнокультурного характера, члены которых не только собирали древнее литовское культурное наследие, но и пробуждали в людях интерес к прошлому своего народа, воспитывали национальное самосознание. Полулегальные клубы интеллигенции набирали популярность: если до 1965 г. в походах, фольклорных праздниках и других мероприятиях принимало участие около 20 тыс. человек, то через два года их уже было 200 тыс. Запрет со стороны властей на деятельность основных клубов повлек за собой сближение части молодежи с диссидентами.

Около 1968 г. появились первые группы хиппи, а после Пражской весны инакомыслящие еще более активизировались. Движения хиппи и панков, сложившиеся внутри советской системы, протестовали против самой системы, а не против потребительского общества, что было отличительной чертой западных хиппи. Для советского строя деятельность хиппи и их образ жизни (сосредоточенность на своем внутреннем мире, проповедь абсолютной свободы, уклонение от службы в советской армии, «вызывающий стиль одежды», длинные волосы) никак не сочетались с установленными правилами жизни *homo sovieticus*. Поэтому хиппи преследовались, в случае задержания им подстригали волосы, составляли протокол об административном правонарушении. Многие хиппи были отчислены из вузов и других учебных заведений.

Период подъема хиппи-движения связывается с вильнюсскими и каунасскими событиями начала семидесятых годов. Во-первых, это нелегальный рок-фестиваль, также известный под названием Съезда хиппи Балтийских стран или даже Съезда 300 хиппи СССР, прошедший в одном из вильнюсских ресторанов в 1971 г. Во-вторых, это трагические события 14 мая 1972 г., когда в Каунасском городском саду у Музыкального театра девятнадцатилетний Ромас Каланта облился бензином и с возгласом «Свободу Литве!» поджег себя. Это был начитанный юноша, который писал стихи, играл на гитаре, сам выглядел как хиппи. От полученных ожогов Р. Каланта скончался в больнице. В Литве это был первый случай самосожжения в знак протеста против оккупационной власти. В 1968 г. таким же образом покончил с собой чех Ян Палах в знак протеста против вторжения советских войск в Прагу.

Самосожжение Р. Каланты вызвало панику среди должностных лиц КПЛ и государственной безопасности, которые поторопились тайно похоронить его раньше назначенного времени. Люди, собравшиеся на похороны, были возмущены самоуправством властей, и это вылилось в массовые шествия со скандированием политических лозунгов. Массовые демонстрации, насилие и аресты продолжались несколько дней. Волнения были подавлены только 19 мая. Из более 3 тыс. участников активных протестов было арестовано свыше 400 человек (50 человек привлечены к уголовной ответственности, восемь – к лишению свободы на срок от одного до трех лет). Стремясь принизить значение этого события, советская власть объявила, что Р. Каланта страдал от тяжелого психического заболевания – шизофрении. Это заявление не соответствовало действительности: юноша был здоров и осознавал свои действия.

Шествие протеста по каунасской аллее Лайсвес 18 мая 1972 г. Номерами КГБ отметил лидеров шествия

Жертва Р. Каланты получила огромный отклик, снова подняла вопрос литовской неволи. Жители Каунаса стали ежегодно отмечать этот день – 14 мая. Жившие в эмиграции литовцы отмечали памятные годовщины, издавали книги, ставили памятники и другие мемориальные знаки в местах сбора литовских общин. Р. Каланта стал символом сопротивления, а каунасские события привели к активизации неформального молодежного движения. С шестидесятых годов и вплоть до окончания оккупации в Литве действовало около 70 групп, члены которых распространяли антисоветские воззвания, вывешивали национальные флаги, отмечали национальные праздники, рисовали в публичных местах символы литовской государственности – советская власть совершенно утратила контроль над литовским обществом.

Недовольство существующим строем и притеснениями росло во многих неформальных организациях, но лишь самые смелые вступали в открытую конфронтацию с советским режимом, не боясь судов, арестов и тюрьмы. Но пока таких людей было меньшинство. Невзирая на постоянную борьбу ЛСЛ за свободу Литвы, в период национального возрождения основной силой стало Литовское движение за перестройку «Саюдис», а не ЛСЛ. Именно «Саюдис» сыграл главную роль в восстановлении независимости Литвы. Разница между двумя этими движениями заключается не только в их тактических установках, но и в различных традициях ведения деятельности. ЛСЛ была последней организацией сопротивления, которая во времена брежневского застоя оживляла традиции и дух непокорности властям. Она нелегально и по-

лулегально действовала накануне падения советского режима, дождалась эпохи национального возрождения и стала первой организацией национального освобождения. «Саюдис» же представлял собой народный фронт, объединивший самые широкие слои литовского общества с очень разными взглядами, но еще синкретичного, недифференцированного. Во главе этого движения стояла научно-культурная интеллигенция, поднимавшая на борьбу всеобщими и универсальными, особо дорогими для порабощенной нации идеалами свободы, демократии и независимости.

Раздел VI

ПОЮЩАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

С ДВИЖЕНИЕМ «САЮДИС» ЗА ЛИТВУ

Политика перестройки, начатая Михаилом Горбачевым в СССР, была встречена в Литве звенящей тишиной (в отличие от той же Москвы, Украины или, например, Грузии). Безликие первые секретари ЦК КПЛ Пятрас Гришкявичус и его преемник Римгаудас Сонгайла вели себя пассивно, передав бразды правления москвичу, второму секретарю Николаю Митькину, который даже не говорил по-литовски, зато стремился «сделать Литву интернациональной республикой». Секретари горкомов и райкомов КПЛ продолжали выполнять указания ЦК, в провинции ничего не менялось, и в народе начало нарастать недовольство, пока, наконец, общество не взяло инициативу в свои руки.

Литовское движение за перестройку «Саюдис» в 1988–1990 годах

Деятельность разрешенных властями клубов по вопросам культуры, охраны природы, экологии и т. п. расшевелила писателей, которые начали требовать официального статуса для литовского языка, до сих пор вытесняемого из общественной жизни, преподавания в школах истории Литвы как основной темы уроков по истории (до того момента в школах изучалась история СССР, а истории Литвы был посвящен лишь тоненький учебник, больше похожий на брошюру), начали поднимать вопросы так называемых «белых пятен» истории Литвы. От писателей не отставали и Союз художников, экономисты, философы. Критически мыслящая и настроенная против власти литовская интеллигенция внимательно следила за деятельностью М. Горбачева, за перестройкой, за переменами в советских республиках. Когда 13 апреля 1988 г. в Эстонии был основан Эстонский народный фронт – неформальное реформаторское движение, выяснилось, что советские власти избегают применять репрессии даже к самым деятельным сторонникам перестройки. Тогда 3 июня 1988 г. представители литовской интеллигенции собрались в зале Академии наук Литвы в Вильнюсе и учредили инициативную группу Литовского движения за перестройку «Саюдис», куда вошли 35 де-

ятелей науки, искусства и культуры, известных всей Литве. Среди них не было ни диссидентов, ни чиновников, ни рабочих, ни студентов – по своему составу первый «Саюдис» отличался и от Пражской весны, где инициативу проявила правящая партия, и от польского движения «Солидарность», где инициатива принадлежала рабочим.

Как только в стране была ослаблена цензура печати, в клубных дискуссиях тут же возрос интерес к истории, особенно к событиям 1939–1940 гг. в Литве, оживились движения по охране природы и памятников культуры. Огромное влияние на все эти процессы оказывала российская пресса. На начальном этапе «Саюдис» по своей сути был порождением горбачевской перестройки, с предыдущими этапами борьбы его связывало лишь стремление к свободе Литвы. М. Горбачев в своей борьбе со старым руководством КПСС был вынужден опираться на силы, вставшие на сторону его начинаний, а «Саюдис» старался поддерживать начатые в Москве реформы и осуществлять их в Литве. Главный лозунг тех лет: «Гласность, демократия, суверенитет». Основное внимание уделялось проблемам культуры и экологии, экономики страны. Известные литовские экономисты Казимерас Антанавичюс, Казимера Прунскене, Антанас Бурачас, Эдуардас Вилкас начали открыто поднимать вопросы экономической самостоятельности Литвы, высказываться за переход предприятий на хозрасчет и за свободный рынок. Они заявляли, что республика не должна быть механической суммой предприятий, как СССР не может быть механической суммой республик. Понятие «суверенитета» постепенно менялось, но пока речь о смене политической системы не шла, а национальный вопрос поднимался очень осторожно. Но постепенно люди перестали бояться ссылок и арестов инакомыслящих, помещения в психиатрическую клинику.

При учреждении «Саюдиса» его основатели предусмотрительно договорились не выбирать руководителя инициативной группы – на заседаниях председательствовали все его члены по очереди. Поскольку в инициативную группу входили известные всей стране интеллектуалы и их идеи национального возрождения поддержало большинство известных общественных деятелей (Витаутас Петкявичюс, Юстинас Марцинкявичюс), то весть об инициативной группе «Саюдис» мол-

Знак движения «Саюдис» с Гедиминовыми столпами (худ. Гедрюс Реймерис, Альгимантас Насвитис)

ниеносно облетела всю Литву. 10 июня инициативная группа движения за перестройку «Саюдис» была учреждена в Каунасе, 6 июля – в Клайпеде. Первые митинги прошли успешно: в митинге на площади Гедиминаса (ныне – Кафедральная площадь) 24 июня приняло участие около 30 тыс. человек, в митинге в парке Вингис 9 июля – около 100 тыс. человек (во время этого митинга руководство «Саюдиса» потребовало легализации национальных символов – триколора и «Национальной песни»). Особую популярность приобрели так называемые рок-марши. Такие марши концертов молодежной музыки по Литве проводились летом 1987, 1988 и 1989 г. – они были посвящены распространению идей «Саюдиса» и раскрепощению запуганных режимом людей. Рок-маршами руководил член инициативной группы «Саюдиса», лидер поп-группы «Антис» Альгирдас Каушпедас, с патриотическими речами на концертах-митингах выступали Арвидас Юозайтис, Витаутас Раджвилас и другие. Параллельно набирало силу и литовское движение зеленых.

Деятельности «Саюдиса» способствовал визит в Литву секретаря ЦК КПСС Александра Яковлева 11–12 августа. В беседе с руководством «Саюдиса» А. Яковлев подчеркнул, что «интеллигенция – это выражение народного самосознания». Партия больше не запрещала коммунистам членство в группах поддержки «Саюдиса», официально признала литовский триколор и «Национальную песнь», впервые позволила публично заговорить о пакте Молотова – Риббентропа (на митинге в парке Вингис), пообещала разрешить «Саюдису» выпускать собственную газету и постоянную телепередачу. Еще более популярным движение «Саюдис» стало после 16 сентября, когда наряду с бюллетенем «Вести „Саюдиса“» начала выходить газета «Возрождение» (редактор Ромуальдас Озолас).

Влияние «Саюдиса» в обществе продолжало расти, с июля по сентябрь по всей Литве учреждались инициативные группы, проходили массовые митинги при участии членов инициативной группы «Саюдиса». Региональные группы «Саюдиса» признали главенство первой инициативной группы, хотя изначально она была чисто вильнюсской. В конце октября 1988 г. в Литве уже было зарегистрировано 1 200 групп «Саюдиса», в которых состояло 300 тыс. человек – «Саюдис» был открыт для всех людей Литвы, в его акциях мог принять участие любой желающий. Каждый человек, принимающий участие в деятельности «Саюдиса», ощущал, что от него зависит будущее Литвы. За несколько месяцев «Саюдис» добился очевидных побед. 6 октября Президиум Верховного Совета ЛССР предоставил литовскому языку

Учредительный съезд Литовского движения за перестройку «Саюдис» в вильнюсском Дворце спорта 22–23 октября 1988 г.
Фото Владимираса Гулявичюса

статус государственного языка и легализовал литовский триколор, «Национальную песнь» В. Кудирки и литовские национальные символы – герб «Витис» и Гедиминовы столпы, отменил указы, ограничивающие проведение митингов, уличных шествий и демонстраций. 21 октября первым секретарем ЦК КПЛ стал Альгирдас Бразаускас, приобретший огромное доверие людей, которое стало еще больше после учредительного съезда Литовского движения за перестройку «Саюдис», когда он вернул верующим Вильнюсский кафедральный собор.

Учредительный съезд движения «Саюдис» 22–23 октября 1988 г., в котором принял участие 1 021 делегат, стал важнейшим событием того времени. По национальному составу делегаты съезда распределились следующим образом: 980 литовцев, 9 поляков, 8 русских, 6 евреев, 18 представителей других национальностей. В профессиональном отношении самую многочисленную группу составляли ученые и люди искусства. За ходом съезда наблюдали более 400 корреспондентов, в том числе свыше 100 представителей иностранных СМИ. Литва очутилась в центре всеобщего внимания. Съезд принял общую программу, устав, 30 резолюций по вопросам политики, культуры, экономики, общественной жизни, демократии и т. п. В общей программе движения за перестройку «Саюдис» было указано главное стремление – поддержка

перестройки социалистического общества в соответствии с принципами демократии и гуманизма, была названа цель – гласность, демократия, государственный, экономический, культурный суверенитет республики, правовое социалистическое государство, однако вместе с тем в программе декларировалась и поддержка реформ, начатых руководством СССР.

На съезде был выбран Сейм из 220 членов, а 25 ноября председателем Совета этого Сейма был избран музыковед Витаутас Ландсбергис. С этого момента организованное народное движение уже было готово бросить вызов коммунистической партии. «Саюдис» стал общественно значимой силой, он был в состоянии оправдать надежды и чаяния общества, стать посредником между властью и нацией. В Литве начали создаваться политические партии. В ноябре этого года по всей Литве проходили собрания и митинги, на которых люди протестовали против поправок к конституции СССР, предусматривающих не расширение суверенитета республик, а усиление централизации – всего было собрано 1,8 млн подписей. С осени 1988 г. все важнейшие законопроекты, выдвинутые на рассмотрение Верховного Совета, обсуждались также в Сейме и Совете Сейма «Саюдиса» с внесением критических замечаний и предложений. По требованию «Саюдиса» 18 мая 1989 г. в одностороннем порядке были приняты поправки к конституции СССР, утвердившие верховенство литовских законов над законами СССР, а также декларация о государственном суверенитете Литовской ССР.

Особое внимание «Саюдис» уделял договору о ненападении между Германией и Советским Союзом (пакту Молотова – Риббентропа от 23 августа 1939 г.). В начале 1989 г. Сейм «Саюдиса» принял декларацию об осуждении этого пакта и о «стремлении литовской нации к демократическому государству», поскольку «литовская нация никогда не смирялась с утратой государственного суверенитета». Подобные установки представители «Саюдиса» изложили и в Москве. Вопрос пакта Молотова – Риббентропа особенно детально рассматривался на I съезде народных депутатов СССР в апреле 1989 г. Литовские депутаты, в большинстве своем состоявшие из представителей «Саюдиса», вместе с делегатами из Латвии и Эстонии потребовали создания специальной комиссии для политической и юридической оценки пакта Молотова – Риббентропа. Невзирая на различные препятствия, 19 июля комиссия, в состав которой вошли и четыре литовских депутата, утвердила два важных вывода: «1. Хотя оригиналы секретных протоколов не найдены, достоверность их копий не вызывает сомнений. 2. Необходимо

«Балтийский путь» – жители Литвы, Латвии и Эстонии, взявшись за руки, живой цепью соединили Вильнюс, Ригу и Таллин. 23 августа 1989 г. Фото А. Петрова

принять специальный акт о признании всех секретных соглашений, заключенных Советским Союзом и Германией в 1939–1941 гг., недействительными с момента их подписания».

Кроме того, члены комиссии предложили к 23 августа 1989 г. обнародовать эти секретные протоколы в крупнейших советских газетах. По различным причинам этого сделано не было. Москва еще публично не осудила пакт Молотова – Риббентропа, когда 23 августа 1989 г. по инициативе литовского «Саюдиса» и Народных фронтов Латвии и Эстонии в Прибалтике была проведена акция «Балтийский путь». Около двух миллионов литовцев, латышей и эстонцев взялись за руки и создали живую цепь длиной более чем в 650 км, протянувшуюся от башни Гедиминаса в Вильнюсе до башни Длинный Герман в Таллине. На протяжении всей этой цепочки на ветру трепетали черные траурные ленты, горели свечи в память о жертвах и в ознаменование боли огромных утрат. Это событие стало одной из важнейших акций, на которой жители Литвы, Латвии и Эстонии выразили свою солидарность и общую позицию относительно пакта Молотова – Риббентропа. «Балтийский путь» доказал, что идею восстановления независимости поддерживает большинство населения оккупированных Балтийских стран. В конце декабря того же года II съезд народных депутатов СССР осудил последствия секретных протоколов. В пункте 7 его постановления говорится: «Съезд народных депутатов СССР осуждает факт подписания «секретного дополнительного протокола» от 23 августа 1939 г. и других

секретных договоренностей с Германией. Съезд признает секретные протоколы юридически несостоятельными и недействительными с момента их подписания». В постановлении косвенно признается, что три Балтийских государства принадлежат СССР незаконно. Такое решение дало литовцам, латышам и эстонцам юридическое основание для восстановления своей государственности.

В 1989 г. национальное движение по освобождению Литвы приобрело политический характер. Уже в марте этого года на выборах в Верховный Совет СССР оглушительную победу одержали депутаты от «Саюдиса», а 7 декабря Верховным Советом ЛССР были приняты поправки к конституции ЛССР, отменившие монополию власти КПЛ в государстве и в обществе, и созданы условия для учреждения различных политических партий. «Саюдис» открыл людям двери для легального участия в политической жизни страны. Стремительная популярность и массовость «Саюдиса» (в Литве не было уголка, где бы не находилось отделения или инициативной группы «Саюдиса»), его достижения (он смог заставить Верховный Совет ЛССР принять благоприятные для Литвы решения) показали высокую сознательность жителей Литвы и их решимость требовать от Москвы еще больших уступок. За полтора года деятельности «Саюдиса» литовская нация сделала большой шаг к восстановлению независимости Литвы.

Восстановление независимости Литвы

В конце 1989 г., когда «Саюдис» уже превратился в политическое движение, в его рядах было много членов КПЛ (в составе КПСС), которые отказались от дальнейшего выполнения указаний Москвы. Большое влияние на деятельность литовской коммунистической партии оказал XX съезд КПЛ, состоявшийся в декабре 1989 г. в Вильнюсе. На тот момент КПЛ насчитывала 200 тыс. членов, 70 % которых составляли литовцы. Во время съезда за «самостоятельную КПЛ с собственной программой и уставом» проголосовали 855 делегатов из 1 033, и КПЛ отделилась от КПСС. Так появилась национальная коммунистическая партия европейского типа с реформированной программой и новым уставом. Самостоятельная КПЛ, позднее поменявшая название на Демократическая партия труда Литвы (ДПТЛ), выбрала социал-демократическую ориентацию. Коммунистическое меньшинство вместе с просоветской организацией «Единство», которая выполняла в Литве функции советской пятой колонны, по указанию Москвы сопротивлялись восстановлению независимости Литвы, но уже не обладали

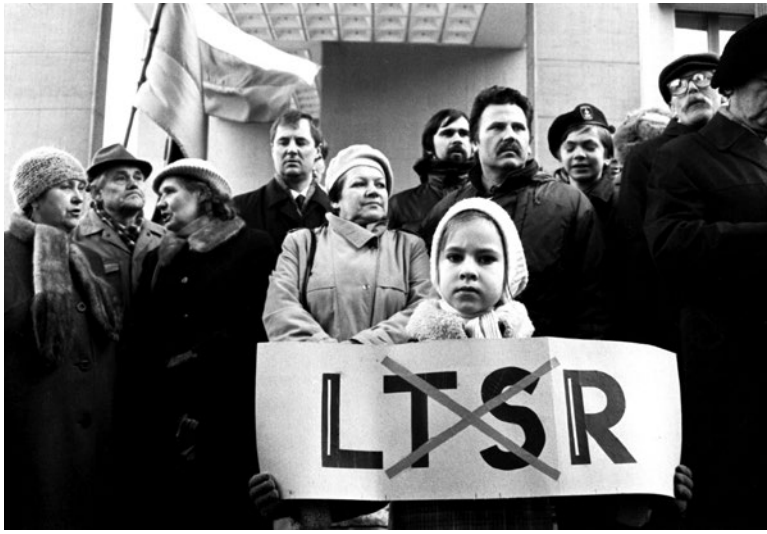
серьезным влиянием. В Литве не оставалось ни одной политической нити, связывающей ее с СССР.

В январе – феврале 1990 г. во время предвыборной кампании в Верховный Совет ЛССР столкнулись две основные силы: Литовское движение за перестройку «Саюдис» – национальное движение, решительно и открыто распространяющее идею восстановления независимого Литовского государства, и самостоятельная КПЛ, выдвинувшая популярный, но туманный и расплывчатый лозунг: «Литва без суверенитета – Литва без будущего». На первый взгляд, конфронтации между двумя политическими силами не было: «Саюдис» собирался восстановить независимость Литвы парламентским образом, а КПЛ не возражала против этого плана. Однако тактика преобразования КПЛ («шаг за шагом») привела к тому, что у этой партии не было готовых юридических и политических документов о преемственности государственной традиции и своей программы восстановления государства.

Предчувствуя направление этого движения, Москва делала все, чтобы остановить вероятное восстановление независимости. Она даже прибегла к шантажу, угрожая присоединить уже литовский Клайпедский край к Калининградской области РСФСР, а из Вильнюсского региона с польскоязычным и русскоязычным населением создать автономию или даже мини-ЛССР (по образцу Приднестровской Молдавской Республики), если Литва не будет соблюдать конституцию СССР. Но это не помогло имперским силам. «Саюдис» был готов провозгласить независимость Литвы. Даже визит в Литву М. Горбачева (11–13 января 1990 г.) не заставил «Саюдис» отказаться от своих планов. Хотя М. Горбачев объяснял, что Литва единственная взяла от социализма все самое лучшее, ей не хватало главного – независимости.

«Саюдис» чувствовал свою силу: во время выборов в Верховный Совет ЛССР, которые прошли в феврале – марте 1990 г., депутаты от «Саюдиса» получили 96 мест из 133. Стало ясно, что Литва повернула на новый путь, коммунистическая партия лишилась единовластия, а большинство людей определилось относительно независимости Литвы. К исторической сессии Верховного Совета ЛССР 11 марта 1990 г. группа депутатов от «Саюдиса» подготовила документы о провозглашении независимости, постановив, что ее нужно объявлять немедленно, после чего приступила к решительным действиям. Депутаты «Саюдиса» сдержали свои предвыборные обещания и 11 марта 1990 г. выбрали председателем Верховного Совета ЛССР лидера Сейма «Саюдиса» В. Ландсбергиса, переименовали Верховный Совет ЛССР в Верховный Совет Литовской Республики, вернули Литве ее старое государствен-

Безуспешный визит Михаила Горбачева в Вильнюс (11–13 января 1990 г.). На встречах жители Литвы требовали независимости. Фото Владимираса Гулявичюса, Кестутиса Янкаускаса



11 марта 1990 г. у здания Верховного Совета в Вильнюсе. Девочка с плакатом требует не ЛССР, а ЛР – Литовской Республики. Фото Альгирдаса Сабаляускаса

Провозглашение независимости Литвы 11 марта 1990 г. Руководство Верховного Совета – Восстановительного Сейма Литовской Республики: в центре –председатель ВС Витаутас Ландсбергис, слева его заместители – Казимерас Мотека и Бронисловас Кузмицкас, справа – заместитель председателя Чесловас Станкявичюс, член Президиума ВС ЛР Алоизас Сакалас. Фото Паулюса Лилейкиса

ное название «Литовская Республика», а герб «Витис» объявили официальным государственным гербом и символом. В 22 часа 44 минуты абсолютным большинством голосов (124 депутата «за», 6 – «воздержались» и ни одного голоса «против») был принят Акт о восстановлении независимости Литвы, в котором провозглашалось, что «восстанавливается осуществление суверенных прав Литовского государства, попранных чужой силой в 1940 году, и отныне Литва вновь является независимым государством».

По своему духу Акт от 11 марта 1990 г. был близок к Акту от 16 февраля 1918 г., принятому Литовской Тарибой (Советом Литвы), однако не ссылался на общепризнанное право наций на самоопределение (с политической точки зрения декларирование права наций на самоопределение было опасным из-за намерения Москвы применить к Литве механизмы выхода из состава СССР, заставив ее пройти через всенародные референдумы по «самоопределению», навязать ей часть государственных долгов и международных обязательств СССР). Акт от 11 марта 1990 г. восстанавливал Литовское государство на своей территории и со своим населением. Теперь Литва получила суверенитет, а не право администрирования оккупированной территории. Верховный

«Витис» сменяет советский герб ЛССР. Фото Ромаса Юргайтиса

Совет Литовской Республики, позднее переименованный в Восстановительный Сейм (далее в тексте – ВС), руководствовался установкой, что на территории страны не может действовать конституция какого-либо другого государства. Для этого было необходимо прекратить действие конституционных актов чужого государства на территории Литвы и восстановить последнюю конституцию независимой Литвы (1918–1940) в соответствии с принципами преемственности и тождества государственной традиции. Поэтому был принят Закон о восстановлении действия Конституции Литвы от 12 мая 1938 г. Через полчаса действие этой конституции было остановлено, после чего сразу была принята временная конституция – Временный Основной Закон, соответствующий современным общественным отношениям и структуре государственного управления, но отменявший все бывшие обязательства Литвы и ее граждан, незаконно установленные советской конституцией и законами. Так была осуществлена часть предвыборной программы «Саюдиса» по восстановлению независимости Литовского государства и выводу ее граждан из-под советской юрисдикции.

Движение «Саюдис» поддерживала вся литовская нация, он был источником ее силы и стойкости. Воспользовавшись благоприятными обстоятельствами и пойдя путем невооруженной борьбы, объединив под своим знаменем самые различные слои общества, «Саюдис» привел Литву к свободе и сыграл значительную роль в распаде СССР и всей коммунистической системы. Даже у обычно покорных россиян уже лопалось терпение от многолетней лжи советских властей о будущем коммунистическом рае, потому что ни одна из этих сказок так и не стала былью. Россиян перестал удовлетворять СССР в том виде, в каком он был – ядерная супердержава, покорительница космоса, в которой у стариков не было денег, чтобы вставить себе зубы, в магазинах было пусто, квартиры были тесными или еще только строились, за всем приходилось выстаивать огромные очереди, добывать дефицит по талонам. Так что Россия присоединилась к «параду суверенитетов», да и другие со-

ветские республики тоже начали провозглашать свою независимость. Таким образом, 11 марта 1990 г. является величайшим вкладом литовской нации в историю Европы XX в.

В ожидании международного признания Литвы

Руководство СССР во главе с М. Горбачевым ничего не хотело слышать о независимости Литвы и настоятельно требовало отзыва Акта от 11 марта 1990 г. В. Ландсбергис последовательно и твердо придерживался принципов моральной политики – «что было украдено, должно быть возвращено». Поскольку Литва продолжала соблюдать лишь собственные законы, 18 апреля 1990 г. СССР начал экономическую блокаду Литвы, которая продолжалась до 29 июня. Невзирая на большой удар для экономики (начались перебои с горючим, на некоторое время остановился Мажейкский нефтеперерабатывающий завод, из-за нехватки сырья закрылись некоторые фабрики, появились первые безработные), Литва выстояла и посредством дипломатических мер добилась отзыва экономической блокады. Однако 10 января 1991 г. М. Горбачев в ультимативном тоне обратился к ВС Литвы с требованием полного и незамедлительного восстановления действия конституции СССР. В ночь с 10 на 11 января 1991 г. по улицам Вильнюса прогрохотали броневики. 11 января советская армия силой заняла Дом печати и здания Службы охраны края в Вильнюсе, Шяуляй, Алитусе. Чуть позднее был занят Вильнюсский железнодорожный узел. План был такой: промосковские отряды врываются в ВС и разгоняют парламент, после чего советская армия и отряды специального назначения («Альфа») вмешиваются в «гражданский конфликт» (который предполагалось объяснить решением премьер-министра Казимеры Прунскене о повышении цен на продукты питания) и свергают законное правительство Литвы. Но Советскому Союзу не удалось воплотить этот сценарий в жизнь.

На призыв Восстановительного Сейма отозвались тысячи жителей Вильнюса и других литовских городов. Вечером 12 января они собрались на дежурство у зданий парламента, Литовского радио и телевидения, телевизионной башни. Вокруг здания ВС были сооружены бетонные баррикады и заграждения из колючей проволоки. Около полуночи советские танки и броневики окружили телевизионную башню и здание Литовского комитета по телевидению и радиовещанию, которые лишь своей грудью защищали тысячи мирных жителей Литвы. 13 ян-

В. Ландсбергис обращается к толпе протестующих сторонников СССР, пытавшихся ворваться в здание парламента 8 января 1991 г.

Защитные баррикады у здания парламента 14 января 1991 г.
Фото Э. Масявичюса

Штурм Вильнюсской телевизионной башни – гусеницы советских танков давят мирных жителей.
Фото Виргилиюса Усинавичюса

варя 1991 г. советская армия начала штурм телевизионной башни, при котором погибло 13 защитников свободы Литвы, в том числе и одна девушка, Лорета Асанавичюте, 1967 года рождения – она попала под гусеницы танка и скончалась в больнице. В медицинские учреждения обратились 580 пострадавших, в том числе 152 женщины. У 312 защитников свободы от танковых выстрелов холостыми зарядами пострадал слух, у 122 человек были установлены комбинированные раны (ушибленные, рваные, колотые, резаные), 46 человек получили пулевые ранения.

13 января ВС Литвы обратился ко всем людям СССР со словами, что события в Литве являются общей трагедией, и просил сделать все возможное для прекращения агрессии советской армии. В отличие от 1940 г., когда нация ничего не знала о возникшей для независимости опасности, сейчас жители были информированы, страна позвала их на свою защиту. 13 января 1991 г. глава государства В. Ландсбергис обратился к собравшимся у парламента людям с призывом обуздать гнев, не поддаваться провокациям и… петь. «Песня нам помогала – помогала на протяжении сотен лет. Давайте петь и сейчас – наши священные песни, только бы не браниться, не ругаться и не бросаться в драку. <...> Будемте такими, какими мы должны быть, и наша Литва будет светлой и счастливой! Давайте не будем обращать внимания на эти выстрелы, давайте петь!»

События у телевизионной башни потрясли Литву и эхом разнеслись по всему миру. Во время похорон жертв 13 января в знак солидарности с Литвой колокола звучали в Латвии, Эстонии, Финляндии, Швеции, Норвегии и других европейских странах. В Соборе Парижской богоматери и во многих других храмах мира служились мессы и проводились службы за Литву. После событий 13 января 1991 г. Вильнюс посетила супруга и соратница А. Сахарова Елена Боннэр. Выступая на митинге, она сказала, что демократы России и других республик учатся у литовцев. В марте 1991 г. в Москве прошла массовая демонстрация – более 200 тыс. ее участников скандировали: «Руки прочь от Литвы!», «Горбачев, подавай в отставку!»

Жители Литвы, которые в эти трагические дни сутками напролет дежурили у сердца нации – литовского парламента, смогли устоять перед вооруженной силой и мирными средствами остановили нарастающий вал советской агрессии. В скором времени этот опыт невооруженного сопротивления был использован и в других Балтийских странах, а также в Москве, где 19–21 августа 1991 г. таким же образом удалось защитить законную власть и демократию. С ретроспективной точки зрения 13 января 1991 г. в Литве можно сравнить с такими историческими событиями, как появление движения «Солидарность» в Польше или падение Берлинской стены. Движение «Солидарность» начало, а объединение Германии завершило распад блока социалистических стран под крылом СССР (так называемого соцлагеря), события 13 января 1991 г. могут знаменовать распад самой Советской империи, поскольку именно тогда России стало ясно, что СССР обречен.

Советским властям не удалось перекрыть поток информации, поступающей из Литвы в другие страны мира. Когда 13 января трансляция литовской радиослужбы прервалась, почти сразу в эфир вышла радиостанция в Ситкунай (близ Каунаса). Литовские власти сообщили в ООН о событиях того дня и о борьбе литовской нации за свободу. Западные страны реагировали на произошедшее, выражали сочувствие и требовали от руководства СССР прекращения военных действий. Имидж М. Горбачева был разрушен, «горбимания» пошла на спад. Однако, хотя военные действия против Литвы и были приостановлены, Литовское радио и телевидение, другие стратегические объекты оставались под контролем советских войск и враждебных Литве сил.

Похороны жертв 13 января стали кульминацией стремления к независимости и единства нации и власти. В течение 5 дней после событий 13 января в Литве не было зарегистрировано ни одного уголовного

Похороны жертв январской агрессии – протест всей Литвы против политики СССР

преступления, а во всеобщем опросе о независимости Литвы, который был проведен в феврале того же года, приняло участие 84 % населения с правом голоса, из которых целых 90 % проголосовали «за». После плебисцита ВС Литвы принял конституционный закон о провозглашении Литвы независимой демократической республикой.

Однако международного признания пришлось подождать еще несколько месяцев – Запад опасался, как бы признание Балтийских государств не помешало реформам М. Горбачева и не способствовало его свержению. Выбор между Горбачевым и Литвой был нелегким для Запада. Помощь пришла из Исландии – 11 февраля 1991 г. исландский Альтинг первым признал независимость Литвы. А после провала августовского путча в Москве, когда коммунисты попытались вернуть себе власть в Советском Союзе, путь к признанию независимости был открыт. За несколько дней Литву признали все крупнейшие страны

Снос памятника Ленину в Вильнюсе. 23 августа 1991 г.
Фото Й. Юкнявичюса

мира, в том числе Франция (25 августа), Великобритания (27 августа), США (3 сентября) и, наконец, 6 сентября – СССР. Литва вернулась на карту мира, откуда насильственно была вычеркнула летом 1940 г. Международное признание Литвы – еще одно великое достижение литовской нации в истории XX в.

Литва спешно формировала собственные вооруженные силы, создавала дипломатическую службу, начала учреждать посольства в тех странах, где их ранее не было. В восстановленное Министерство иностранных дел Литовской Республики хлынули молодые специалисты из различных сфер деятельности, многие страны приглашали их к себе обучаться дипломатии. Эти юноши и девушки, призванные на службу для защиты интересов своей страны, обладали большими амбициями, были полны идей и неистощимой энергии. За их юность, пылкий энтузиазм и нетрадиционные шаги старшие коллеги – западные дипломаты –

быстро придумали им прозвище «Baltic Kindergarten» («Балтийский детский сад»)…

Догоняя Западную Европу

Мы ввели бы читателя в заблуждение, если бы стали утверждать, что СССР принес Литве только уничтожение независимости, террор, ссылки и убийства, преследования и русификацию и не дал ничего хорошего. Прежде всего, литовцы хорошо выучили русский язык и теперь могли напрямую пользоваться достижениями великой русской культуры. Посредством строительства дорог, автострады, железнодорожных путей и, в конце концов, благодаря человеческим ресурсам в Литву были интегрированы Клайпедский и Вильнюсский регионы. Унитарная и унификаторская политика СССР значительно подорвала уровень жизни в Латвии и Эстонии, но позволила подняться уровню жизни в Литве, которая, наконец, по всем параметрам догнала своих соседей и довела объемы производства до уровня Латвии и Эстонии, вместе взятых. Однако после восстановления независимости Балтийским сестрам уже надо было создавать новую экономику, решать вопросы энергетической независимости, искать новые рынки и свое место в Европе и мире.

Став полноправным европейским государством, Литва начала преобразование своей внутренней системы управления по западному демократическому образцу. 25 октября 1992 г. на гражданском референдуме была принята Конституция Литовской Республики. В преамбуле Конституции сжато закреплены основные принципы – открытое, справедливое, гармоничное гражданское общество и правовое государство, народ которого радеет о национальном согласии и защищает право свободно жить и творить на земле своих отцов и предков. В преамбуле также зафиксирована преемственность определенных прав, традиций, государственности и ее правовой базы – литовский народ основывает правовой фундамент Литовского государства на Литовских статутах времен ВКЛ и Конституциях Литовской Республики. Основные положения Конституции гласят: Литовское государство является независимой демократической республикой, Литовское государство созидается народом, суверенитет принадлежит народу, высшую суверенную волю народ осуществляет непосредственно или через своих представителей, избранных демократическим путем, государственная власть в Литве осуществляется Сеймом, президентом и правительством Республики, судом, полномочия власти

Первый визит в Литву президента Франции Франсуа Миттерана. Председатель Сейма Витаутас Ландсбергис с гостем у Святых Ворот в старой части Вильнюса. Вильнюс, 1992 г.

ограничиваются Конституцией. Основной закон страны гарантирует естественные права и свободы человека и гражданина; граждане, принадлежащие к национальным общинам, имеют право на развитие своего языка, культуры и обычаев; государство оказывает поддержку национальным общинам.

Литва учредила у себя институт президентства (президент выбирается всем народом), и в итоге ее система правления является компромиссной между президентским и парламентским правлением, с бóльшим уклоном в сторону парламента, поскольку чисто президентская форма правления одобрена не была. Общество становилось все более плюралистическим, было зарегистрировано целых 40 партий, однако в политической жизни доминировали два основных игрока: социал-демократическая ДПТЛ, созданная на базе самостоятельной КПЛ (впоследствии она объединится с литовскими социал-демократами и станет СДПЛ), и Союз Отечества – Консерваторы Литвы (СО-КЛ), образовавшийся в 1993 г. на основе «Саюдиса». На выборах

1992 г. ДПТЛ под руководством А. Бразаускаса получила большинство, а через четыре года победа была на стороне консерваторов во главе с В. Ландсбергисом. Тогда даже говорили, что общество раскололось на сторонников А. Бразаускаса и сторонников В. Ландсбергиса. Ситуация начала меняться в 1998 г., когда президента А. Бразаускаса на посту главы государства сменил Валдас Адамкус, вернувшийся в Литву из США, а в 2000 г., на выборах в Сейм ни одной партии не удалось добиться убедительной победы – это знаменовало собой приход новой эры коалиционных правительств.

Правительства сменялись, но необходимые реформы продолжали осуществляться. Во времена плановой экономики в литовском обществе царило убеждение, что если взять производство в свои руки и перераспределить его в соответствии со своими потребностями, то государство расцветет. Люди думали, что на фундаменте советской экономики они смогут догнать по экономическому уровню Западную Европу, но реальность оказалась иной. После разрушения советской системы и открытия границ в капиталистический западный мир выяснилось истинное состояние литовской экономики – прекращение поставок сырья из СССР, который был основным поставщиком, и закрытие для Литвы советского рынка привело к тому, что большинство промышленных предприятий стали никому не нужны, развитая станкостроительная промышленность и другие отраслевые предприятия попросту лишились заказов, примерно такая же ситуация сложилась в Латвии, Эстонии и других странах бывшего соцлагеря. Даже Финляндия, страна свободного рынка, не избежала экономического спада (более чем на 10 %), поскольку 22 % ее продукции экспортировалось в СССР. Старые экономические связи были прерваны, Литве некуда было девать продукцию своих крупнейших предприятий.

Положение осложнялось внезапным ростом цен на стратегическое сырье и энергетические ресурсы. Утрата старых рынков в 1992–1994 гг. нанесла удар по литовской экономике (в 1993 г. реальный валовой внутренний продукт (ВВП) составлял лишь 40 % от ВВП 1988 г.). ВВП начал расти только в 1995 г. С середины 1993 г. уровень внутренней инфляции начал снижаться – в сущности, благодаря введению национальной валюты – лита, поскольку Банк Литвы ужесточил денежную политику и с 1 марта 1994 г. начал применять новый режим валютного управления, привязав лит к доллару США в соотношении 4 лита – 1 доллар. По утверждению экономистов, это было одним из наиболее дальновидных решений в экономической политике за весь период с момента восстановления независимости Литвы.

В 1998–1999 гг. новые испытания литовской экономике принес российский финансовый кризис. Поскольку большинство литовских товаров отправлялось в Содружество Независимых Государств (СНГ) и в первую очередь в Россию, то во время кризиса Литва столкнулась с проблемами бюджета: в 1998 г. экспорт Литвы в страны СНГ составлял 36 % от общего объема литовского экспорта, а в 1999 г. он упал на 59 % и уже составлял всего 18 % от общего объема экспорта. На долю России приходилось всего 7 % литовского экспорта, а объемы российского импорта составляли 20 %. Однако кризис заставил Литву уйти с нестабильных восточных рынков и обратить внимание на более требовательные рынки западных стран. Основными зарубежными торговыми партнерами Литвы стали Германия (на первом месте) и Польша (на втором месте). Быстрая переориентация на Запад позволила литовской экономике избежать спада.

Экономические трудности легли на плечи привыкшего к «советскому порядку» общества. За полвека советской власти служащие, рабочие, колхозники были превращены в государственных наемных работников, исполнителей приказов сверху, и большинство людей просто не было готово к самостоятельной жизни. Корабль плановой экономики дрейфовал в море капитализма. Однако постепенно осуществлялся переход к частным сельскохозяйственным и промышленным предприятиям, в большинстве своем ориентированным на капиталистический рынок западных стран. Для этого был необходим начальный капитал – и он был найден в виде частных активов, выкупленных за инвестиционные чеки, банковских кредитов или привлеченных средств иностранных инвесторов. В так называемый период приватизации большинство государственных предприятий стали частными, сложился новый слой предпринимателей, действовавших по западным экономическим стандартам.

Хотя, казалось бы, все граждане страны получили одинаковые возможности для приобретения государственного имущества за инвестиционные чеки, но должным образом этим шансом воспользовались не все. Появилось множество скупщиков чеков, которые приобретали на них государственные предприятия, а потом перепродавали их с максимальной выгодой. Многие граждане просто продали свои чеки и даже не смогли приватизировать собственное жилье. В итоге в обществе сложилось убеждение, что приватизация была «несправедливой» по своей сути. Поэтому до сих пор остаются сомнения, действительно ли это был наиболее эффективный способ разгосударствления экономики. Так или иначе, но именно он определил направление развития литовской экономики в первые десять лет независимости.

Властям страны не слишком хорошо удавалось преобразование литовского хозяйства на капиталистических основаниях, стремительно меняющаяся геополитическая ситуация не позволила подготовить программу экономических реформ, было даже сложно вообразить их объем, глубину или последствия – в мире просто не было такого опыта. Стратегия реформы сельского хозяйства создавалась и внедрялась сверху вниз, без учета мнения трудившихся в сельском хозяйстве. В первых законодательных актах было предусмотрено возвращение земли и оставшегося имущества бывшим собственникам и их наследникам, приватизация активов колхозов и совхозов. Формально власти требовали не запускать возвращенные хозяевам сельскохозяйственные угодья, создавать фермерские хозяйства. Однако на практике это делалось не всегда, некоторые собственники относились к земле не как к средству производства, а как к имуществу, которое может подождать лучших времен. Бывшие хозяйства зачастую делились между несколькими претендентами и дробились еще больше. В результате земельной реформы многие литовские хозяйства стали слишком мелкими, чтобы обеспечить семью доходом, соответствующим минимальному прожиточному минимуму. Средний размер восстановленных фермерских хозяйств снизился до 6 га. В соседних странах преобладали хозяйства размером до 5 га (в Польше они составляли 72 %, в Латвии – 41 %, в Литве и Эстонии процент хозяйств таких размеров был почти одинаковым: 62 и 64 %).

В ходе земельной реформы была уничтожена социалистическая система сельского хозяйства, колхозы и совхозы. Их работники, став акционерами, чаще всего просто делили между собой колхозное имущество и начинали хозяйствовать самостоятельно. Когда выяснилось, что основная часть бывших колхозников не в состоянии или не может самостоятельно вести хозяйство, люди начали учреждать сельскохозяйственные общества, но в большинстве своем эти общества тоже не умели вести дела в новых условиях свободного рынка и через несколько лет обанкротились. Поскольку фундаментальные преобразования в сельском хозяйстве проводились, когда у власти находился «Саюдис», большинство жителей Литвы обвиняли в провале земельной реформы тогдашнего председателя ВС Литвы В. Ландсбергиса, хотя трудности являлись следствием старой экономики.

В литовских законах о приватизации осталось бесчисленное множество лазеек, позволяющих осуществлять приватизацию без соблюдения процедур открытого конкурса, передавать государственное имущество в частные руки практически за бесценок. Для приобретения привати-

зируемого имущества создавались сельскохозяйственные акционерные и инвестиционные общества, однако в отношении собственников этих компаний не было предусмотрено никаких юридических обязательств по прибыльности их деятельности, никаких гарантий для людей, доверивших им свои инвестиционные чеки. Этим воспользовались бывшие председатели колхозов или директора совхозов, которые за короткий срок смогли сосредоточить в своих руках крупные активы.

В деревнях сложилась сложная социальная структура: земледельцы, создавшие свое хозяйство при поддержке коллективных или государственных ресурсов согласно Закону о крестьянском хозяйстве; люди, получившие назад некогда принадлежавшую им землю, которые теперь для ведения хозяйства дополнительно арендуют / покупают землю у других наследников для развития крупного товарного производства; бывшие рабочие и служащие сельскохозяйственных предприятий, проживающие в населенных пунктах на территории бывших колхозов и совхозов, но не обладающие правом собственности на землю в этой местности. Это владельцы участков в 2–3 га, для которых ведение хозяйства было способом выживания на случай потери работы, при отсутствии возможности приобрести землю или переехать на другое место жительства. Ситуация в сельском хозяйстве приходила в норму очень медленно.

В первые десять лет приватизации большинство крупных предприятий обанкротилось, тысячи людей лишились работы. Повальная безработица спровоцировала массовую эмиграцию населения. По различным данным, с 1990 г. из Литвы выехало более полумиллиона жителей, в основном в США, Ирландию, Великобританию (Лондон), Испанию и Норвегию. Большинство эмигрантов были молодыми людьми трудоспособного возраста. Не менее горьким следствием эмиграции стала «утечка мозгов», а после победы литовской полиции над организованной преступностью преступные группировки также эмигрировали вслед за соотечественниками и начали терроризировать их, а потом и местных жителей, занимаясь в том числе и торговлей наркотическими веществами собственного производства… В результате этого часть преступников вскоре довольно близко познакомилась с западными пенитенциарными учреждениями. Граждане Западной Европы, видя, что в Литве спокойно (поскольку представители литовского криминального мира уже орудуют на Западе), хлынули в безопасную Литву в качестве туристов…

Страну потряс банковский кризис, достигший кульминации в конце 1995 г., когда на деятельность двух крупных коммерческих банков был

наложен мораторий. Бюджет страны понес немалые убытки, поскольку обвал банков непосредственно коснулся 30 %, а косвенным образом повлиял почти на 70 % хозяйствующих субъектов страны, нарушил развитие литовской экономики и финансов, подкосил доверие к банкам в стране и за рубежом. Тем не менее, в Литве, как и в других странах Центральной и Восточной Европы, у банковского кризиса были и положительные последствия – укрепление банковского сектора. Уцелевшие банки действовали более осмотрительно, портфель ненадежных кредитов уменьшился, а надзор за банковской сферой был усилен.

Стремительные перемены пугали, но одновременно и радовали. После восстановления независимости почти все литовские спортсмены отказались от участия в сборных и чемпионатах СССР. С 1988 г. многие лучшие игроки (баскетболисты, футболисты, гандболисты) перешли в зарубежные клубы, но когда летом 1991 г. в Литве проводились IV Всемирные литовские спортивные игры, в них приняло участие около 2 тыс. литовских спортсменов со всего мира. В августе 1991 г. Международный олимпийский комитет восстановил международные права Литовского национального олимпийского комитета, и литовские спортсмены смогли выступать за свою страну в международных соревнованиях по различным видам спорта. Радовали и первые победы: на Олимпийских играх в Барселоне 1992 г. метатель диска Ромас Убартас завоевал для независимой Литвы первую золотую медаль. Подвиг совершила мужская сборная по баскетболу: на олимпийских играх 1992, 1996, 2000 г. она завоевала бронзовые медали. Еще лучшие результаты были достигнуты на первенствах Европы по баскетболу: в 1995 г. литовские баскетболисты стали серебряными призерами, а в 2003 г. в третий раз – чемпионами Европы. Женская сборная Литвы по баскетболу стала чемпионом Европы в 1997 г.

За несколько лет Литва кардинально реформировала и систему образования: была изменена структура ее управления, система общего образования, профессионально-техических училищ, средних специальных и высших учебных заведений. Начали появляться частные школы (1991), гимназии (1992). В соответствии с установленным порядком обучение в государственных и муниципальных общеобразовательных школах, профессионально-технических училищах и средних специальных учебных заведениях в Литве является бесплатным. Государство предоставило вузам автономию академической, административной, хозяйственной и финансовой деятельности, основанной на принципах самоуправления и академической свободы. Высшее образование стало частично платным. Для интеграции своей системы об-

разования в Европу Литва в 1999 г. подписала Болонскую декларацию, направленную на создание единого общеевропейского пространства высшего образования. Литовские вузы стали принимать участие в научных и образовательных программах, финансируемых за счет фондов Европейского Союза.

За период независимости в учебных заведениях коренным образом изменилось содержание и качество обучения, перед молодежью открылись возможности для получения высшего образования не только в Литве, но и в других странах мира. Стремительно росли и ширились книгоиздательство, периодическая печать, сеть библиотек. Это позволяет говорить о развитом, восприимчивом и мобильном литовском обществе, которое может на равных конкурировать с западным обществом, чьи достижения большинству литовцев в начале периода независимости казались неосуществимым идеалом.

После череды драматических оккупаций 1940–1990 гг. (советская, нацистская и снова советская) литовское общество осознало тяжелый, но важный моральный и исторический урок – в случае оккупации не помогай, не служи оккупанту, не сотрудничай с ним, потому что тебя могут использовать для низкого или позорного дела и ты навлечешь беду не только на себя, но и на всю нацию, и этот стыд станет еще больше, когда Литва снова завоюет себе свободу. В обществе кипели дискуссии о рьяных пособниках нацистов и советской власти, о роли литовцев в Холокосте, ссылках в Сибирь и репрессиях, медленно решались вопросы десоветизации и люстрации. Раны постепенно заживали, однако многим как внутри страны, так и за рубежом, все еще хотелось их растревожить, разбередить… А некоторым этого хочется до сих пор.

В первые четырнадцать лет жизни восстановленной Литве нужно было догнать Запад – усвоить много нового, научиться эти новшества применять. Со сходными проблемами столкнулись и другие посткоммунистические страны. Хотя в процессе преобразований не удалось избежать болезненных потрясений, препятствия были преодолены, и Литва за короткий срок сумела перестроиться по западному образцу демократического управления.

Отношения с соседними странами и трансатлантическая интеграция

Во внешней политике независимой Литвы первой половины XX в. и восстановившего независимость государства по-

сле 1990 г. наблюдаются существенные различия. В межвоенный период Литва конфликтовала с Германией за Клайпедский край, а с Польшей – за Вильнюсский край. В конце XX в. положение изменилось. Германия, которая после Второй мировой войны была вынуждена уйти из Восточной Пруссии (ныне – Калининградская область РФ), уже не обладала общей границей с Литвой и поэтому не претендовала на Клайпедский край, где большинство населения теперь составляли литовцы. К лучшему изменились и отношения с соседней Польшей – за половину столетия демографическое положение в Вильнюсе изменилось в пользу литовцев, а поляков здесь осталось 20 %. В ответ на планы польских коммунистических функционеров Вильнюсского края относительно польской территориальной автономии, которые они вынашивали в начале периода независимости по подсказке из Москвы (автономия должна была включить Вильнюсский уезд с польскими Вильнюсским и Шальчининкским районами), литовские власти временно ввели здесь прямое управление, и это не ухудшило отношений Литвы с Польшей – Варшава поняла намерения Москвы и не стала помогать ей. 26 апреля 1996 г. литовско-польские отношения успешно увенчались договором о дружественном и добрососедском сотрудничестве, который был подписан после долгих переговоров. В преамбуле документа, кроме прочего, упоминаются прежние территориальные разногласия Польши и Литвы, осуждается использование насилия в отношениях между обеими нациями и торжественно подтверждается целостность современных территорий Литвы и Польши «со столицами в Вильнюсе и Варшаве ныне и в будущем». Оба государства обязались основывать свои отношения на взаимном уважении, доверии, равноправии, добрососедстве и поддерживать друг друга на пути к интеграции в семью западноевропейских стран. После ратификации договора и вступления в силу его положений Польша официально отказалась от каких-либо претензий на Вильнюсский край. Литва, в свою очередь, отказалась от территориальных претензий на Сейны и Пуньск, хотя древняя история и вопрос национальных меньшинств иногда еще вызывают горячие дискуссии.

С восстановлением независимости территория Литовского государства на западе обрела границу с Россией – Калининградской областью, которая на Потсдамской конференции была передана под управление СССР. Демократическая Россия, как и Литва, стремилась отмежеваться от СССР и открыто поддерживала борьбу литовской нации за независимость. На следующий день после вильнюсских кровавых событий 13 января 1991 г. глава России Борис Ельцин обратился к воен-

Подписание договора с Россией – в центре стоят Витаутас Ландсбергис и Борис Ельцин

нослужащим частей, дислоцированных на территории Литвы, Латвии и Эстонии, с призывом не поддаваться реакционным силам и перед штурмом гражданских зданий в Балтийских странах задуматься о будущем России и населяющих ее народов. Дружеские отношения глав государств позволили подготовить договор о межгосударственных отношениях между Литвой и Российской Федерацией, который председатель Сейма Литвы В. Ландсбергис и президент Российской Федерации Б. Ельцин подписали 29 июля 1991 г. (вступил в силу через год). В этом договоре Россия признавала независимость Литвы, высказывалась за устранение последствий аннексии Литвы Советским Союзом, осуществленной в 1940 г., а Литва признавала Россию независимым государством. В начале октября между обоими государствами были установлены дипломатические отношения.

В октябре 1997 г. был подписан литовско-российский договор о государственной границе, договор о разграничении исключительной экономической зоны и континентального шельфа в Балтийском море. Хотя Россия осталась для Литвы важным экономическим партнером, более близкие отношения между двумя государствами так и не сложились. Основная причина этого заключается в различной геополитической ориентации внешней политики обеих стран, в их разном отношении к недавнему историческому прошлому и демократическому строю. Режим «управляемой демократии» президента Владимира Путина стремится к возврату влияния на так называемом посткоммунистическом пространстве, в первую очередь – на территории распавшегося

Во время визита в Литву папы римского Иоанна Павла II его сопровождают президент Литовской Республики Альгирдас Бразаускас и вильнюсский архиепископ митрополит Аудрис Юозас Бачкис. Вильнюс, 4 сентября 1993 г.

СССР. Литва же выбрала путь евроатлантической интеграции, поэтому 8 июня 1992 г. приняла конституционный акт «О неприсоединении Литовской Республики к постсоветским восточным союзам» (подобным образом поступили Латвия и Эстония). Литва принципиально придерживается установки, что Россия, будучи правопреемником прав и обязанностей СССР, должна возместить Литве убытки, понесенные литовской нацией за почти пятьдесят лет советской оккупации. Российские власти называют распад СССР геополитической катастрофой, хотя ранее они осудили агрессию Советского Союза против трех Балтийских государств, и придерживаются версии якобы добровольного вступления Литвы, Эстонии и Латвии в СССР, утверждая, что в действиях СССР тех лет нет его вины – виновата была международная обстановка…

Восстановившая независимость Литва стремилась установить дружеские отношения с новым государством – Республикой Беларусь, подписав с ней в октябре 1991 г. Декларацию о принципах добрососедских отношений, а спустя четыре года – договор о добрососедстве, сотрудничестве и о государственной границе. Экономические отношения складывались хорошо, а вот политические осложнялись диктаторским стилем управления президента Республики Беларусь Александра Лукашенко. 12 мая 1990 г. Литва, Латвия и Эстония воз-

Президент Литовской Республики Валдас Адамкус и генеральный секретарь НАТО Джордж Робертсон во время международной конференции в Вильнюсе «Роль НАТО в изменяющейся обстановке европейской безопасности» 19 мая 2000 г.

обновили пакт 1934 г. о сотрудничестве, согласии и взаимной помощи между Балтийскими государствами и учредили Совет Балтийских государств, который, в частности, занимается разработкой общей внешнеполитической позиции. Тесное сотрудничество трех Балтийских стран способствовало их успешной интеграции в трансатлантические организации.

После освобождения Литва, как и соседние страны, стремилась как можно скорее вступить в важнейшие международные организации демократического западного мира и стать полноправным государством. 17 сентября 1991 г. Литва была принята в Организацию Объединенных Наций (ООН), в конце 1991 г. – в специализированные учреждения ООН: ЮНЕСКО (Организация по вопросам образования, науки и культуры), МОТ (Международная организация труда) и т. д. В 1993 г. Литва вступила в Совет Европы (СЕ), а в 2004 г. и в главные организации: военную Организацию Североатлантического договора (НАТО) и в экономическую – Европейский Союз (ЕС). Включение Литвы в западные структуры безопасности стало возможным после вывода из нее российских войск 31 августа 1993 г.

Свой путь в НАТО Литва начала в декабре 1991 г., подключившись к Совету североатлантического сотрудничества. В январе 1994 г. президент Литовской Республики А. Бразаускас направил генеральному сек-

ретарю НАТО Манфреду Вёрнеру письмо – заявку на членство Литвы в этой организации. В январе того же года Литва присоединилась к инициативе «Партнерство ради мира». В апреле 1999 г. на встрече глав государств – членов НАТО в Вашингтоне усилия Литвы и ее прогресс были оценены положительно, и был утвержден План действий по подготовке к членству в НАТО. В ноябре 2002 г. в Праге семь кандидатов в НАТО – Болгария, Эстония, Латвия, Литва, Румыния, Словакия и Словения – получили приглашение начать переговоры с Организацией Североатлантического договора о своем членстве. Намерение Литвы вступить в НАТО еще более укрепилось после слов президента США Джорджа Буша, сказанных им 23 ноября в Вильнюсе: «Наш союз готов защищать своих членов. Те, кто изберет Литву в качестве своего врага, станут и врагом Соединенных Штатов Америки». Дж. Буш также напомнил, что США никогда не признавали оккупацию Литвы и всегда верили, что наш «континент не будет разделен навечно». В марте 2003 г. состоялось подписание протоколов о присоединении приглашенных кандидатов к Вашингтонскому договору, после чего Сейм Литовской Республики ратифицировал Вашингтонский договор, и 29 марта 2004 г. Литва стала полноправным членом НАТО.

Главное преимущество членства в НАТО подчеркивается в статье 5 Вашингтонского договора, которая обеспечивает его сторонам право индивидуальной или коллективной самозащиты. Это означает, что в случае вооруженного нападения на любого из членов альянса остальные страны-члены придут ему на помощь – и все вместе, и каждая по отдельности. Статья 5 Вашингтонского договора гарантирует, что ни одной стране не придется полагаться лишь на собственные силы и экономические ресурсы в случае возникновения угрозы ее безопасности.

Поскольку у Литвы нет необходимых средств для защиты своего воздушного пространства, с момента ее вступления в НАТО этим занимаются старожилы альянса. Членство в НАТО – это не только гарантии повышенной безопасности, но и обязательства по участию в деле стабильности и поддержания мира как в Европе, так и за ее пределами. В международных миссиях в Ираке, Афганистане, Косово, Боснии и Герцеговине, Грузии приняли участие более двухсот литовских воинов. В конце 2004 г. Литве было предложено руководство группой по восстановлению афганской провинции Гор – в целях создания в этой провинции условий для обеспечения стабильности и безопасности, помощи центральным властям Афганистана по расширению влияния в регионе.

Афины: в 2003 г. президент Альгирдас Бразаускас и министр иностранных дел Литвы Антанас Валёнис подписывают договор о вступлении в Европейский Союз

Для укрепления своего членства в международных организациях и демократии Литва полна решимости стремиться к демократическим ценностям: обеспечению возможностей по сохранению родного языка и культуры для национальных меньшинств, реституции церковного имущества, оценке уроков Холокоста, возвращению евреям рассеянных по миру культурных ценностей (было сохранено 300 Тор, документы Еврейского исследовательского института ИВО), культовых сооружений, борьбе с антисемитизмом и расовой и религиозной нетерпимостью, гарантиям свободы слова, печати, выборов.

Интеграция в Европейский Союз являлась второй главной стратегической задачей внешней политики независимой Литвы. 14 декабря 1990 г. главы Балтийских государств впервые обратились к тогдашнему европейскому экономическому сообществу (ЕЭС) с просьбой о предоставлении Балтийским странам политической, экономической и культурной помощи не через Советский Союз, а напрямую. В 1991 г. после событий 13 января, ЕЭС (с 1993 г. – ЕС) строго осудило применение силы в Балтийских странах. В 1992 г. Литва и ЕС подписали Договор о торговле, коммерческом и экономическом сотрудничестве и приняли декларацию о политическом диалоге между ЕС и Литвой. С момента установления официальных дипломатических отношений с Литвой ЕС начал предоставлять ей помощь в рамках программы ФАРЕ. Через три года Литва, Латвия и Эстония подписали с ЕС соглашения об ассоциации с Европейским Союзом, в которых было зафиксировано их стремление к членству в ЕС. 1 мая 2004 г. Литва вступила в ЕС и получила право участвовать в создании своего будущего и

Тракайский замок. Фото Кестутиса Федирки

будущего нашего континента вместе с остальными демократическими государствами.

Вступление Литвы в ЕС повлекло за собой рост объемов торговли и производства экспортируемых товаров. Это, в свою очередь, повлияло на увеличение объемов экспорта в другие страны, привлекло в литовскую экономику иностранные инвестиции, обострило конкуренцию, позволило более рационально использовать и распределять экономические факторы – труд и капитал. Членство в ЕС ограничило прямое или косвенное вмешательство правительства Литвы в функционирование хозяйства и дало больше свобод и возможностей литовским предприятиям и потребителям. С другой стороны, обязательное выполнение решений ЕС иногда вызывает дискуссии относительно ущемления национального суверенитета. Однако превращение Литвы в полноправное государство открыло перед ней новые рынки, способствовало демонополизации, повышению эффективности производства, увеличению предложения товаров и услуг, возникновению новых возможностей для развития образования, культуры, решения социальных проблем. В этом случае главную пользу получают потребители.

Как только Литва стала членом ЕС, в ней вступили в силу положения Европейского Союза относительно гражданства. Все граждане стран-членов одновременно являются и гражданами ЕС. Каждый гражданин ЕС обладает правом свободного передвижения и прожи-

вания на территории любой страны ЕС; правом голосования и выдвижения своей кандидатуры на местных выборах и на выборах в стране проживания; правом на дипломатическую и консульскую защиту со стороны органов каждой страны-члена; правом подачи петиции (коллективного обращения) в Европейский парламент. Членство в ЕС связывается со стабильностью тех институтов, которые обеспечивают демократию, верховенство законов, права человека, уважение и защиту меньшинств.

После вступления в ЕС Литва может отстаивать в Брюсселе свою позицию по различным вопросам и даже влиять на решения ЕС – у нее есть свой комиссар и 12 депутатов в Европейском Парламенте. Таким образом, хотя влияние одной страны на решения ЕС и невелико, при определенном совпадении позиций стран Центральной и Восточной Европы их коллективная мощь может значительным образом возрасти. Безусловно, все имеет свою цену, и самым ярким примером этого стало требование о закрытии при вступлении в Евросоюз Игналинской атомной электростанции, которую Европа считала небезопасной. ЕС строго придерживался своих установленных критериев, и Литва постепенно уступила – стратегические цели страны были важнее.

Успешное участие Литвы в различных областях деятельности НАТО и ЕС очевидным образом усилило ее безопасность и международный статус, укрепило экономику. В настоящее время Литва является полноценным демократическим европейским государством, а судьба самой Европы зависит от всех членов ЕС и принимаемых ими решений.

* * *

После Первой мировой войны Литовское государство сумело восстановиться. Во время Второй мировой войны оно было стерто с карты Европы и вновь обрело независимость после краха советской модели коммунизма. Когда соцлагерь постиг политический, экономический и национальный кризис, литовцы нашли в себе силы и возродились как нация, создали модель национального движения, взорвали коммунистическое правление в республике и помогли уничтожить однопартийный режим во всем СССР, а потом и сам СССР. Этого смогли добиться поколения, выросшие уже при советском строе, а не в довоенной Литве, а во главе движения встала литовская интеллигенция, сохранившая идеалы свободы и независимости. В большинстве случаев именно Литва находилась на острие борьбы с советским режимом, поэтому она и пострадала больше всего, но смогла устоять, восстановить свое государство и решительно пойти по пути демократии.

В XX в. Литва как государство-нация дважды восстанавливала свою независимость, и такой рекорд вряд ли будет повторен кем-нибудь в будущем. Создание свободного демократического общества и рыночной экономики поставило Литву в зависимость от мировых и региональных экономических кризисов, процессов глобализации, а новые возможности по смене места жительства вызвали угрозу эмиграции невиданных доселе масштабов. Поэтому в XXI в. литовская нация и литовские правительства ищут и будут искать ответы на все главные вызовы современности, брошенные явлениями государственного, европейского и мирового масштаба, с которыми сталкивается Литва как составная часть демократической Европы и системы трансатлантической безопасности.

Послесловие

РОДОМ ИЗ ЛИТВЫ – РАЗБРОСАННЫЕ ИМЕНА

Многого Литва не смогла дать миру в XIX–XX вв. из-за оккупаций и аннексий, ссылок, геноцидов и Холокоста, во время которого была уничтожена еврейская община литваков, принесшая Литве всемирную славу и известность. Тем не менее литвакам удалось сохранить живые корни в Литве, США и Палестине (позднее – Государство Израиль), а гены потомков династий Гедиминовичей и Ягеллонов сохранились во всех известнейших европейских монархиях, и это не может не радовать. Мы дали миру множество знаменитых аристократических семей, а Америке и Европе – трудолюбивых углекопов, строителей, ткачей, нянь, инженеров. Корни отца польского президента Бронислава Коморовского уходят в Литву, в его имение в Рокишкском уезде. Можно долго перечислять унесенных волнами эмиграции детей Литвы, чьи имена стали даже более известны, чем имя их исторической родины.

Представим себе «идеальную Литву», где спектакли и фильмы создают не только Йонас Мекас или театральный режиссер Эймунтас Некрошюс, но и Роберт Земекис (Роберт Земецкис, родился в 1952 г. в Чикаго в семье литовца), а в них играют сэр Джон Гилгуд (Гилгудас) и Чарльз Бронсон (Каролис Бучинскис). Все эти звезды мирового театра и кино – либо сами были литовскими эмигрантами, либо родились в их семьях. А когда видишь Эркюля Пуаро (актера Дэвида Суше), расхаживающего по провинциальному местечку Тришкяй в поисках следов своих предков Сушедовичей, эмигрировавших в Южную Африку через Турцию, в голову приходит мысль: сколько же еще таких имен таит Литва?

Давайте фантазировать дальше: с оркестрами дирижеров Саулюса Сондецкиса, Гинтараса Ринкявичюса и Донатаса Каткуса выступает не

только всемирно известная певица Виолетта Урмана, но и скрипач-виртуоз Яша Хейфец, который родился в 1901 г. в Вильнюсе и брал здесь свои первые уроки игры на скрипке, что свои выставки в Литве открывают не только художники Стасис Кузма или Пятрас Репшис, но и прославленный на весь мир Хаим Сутин, Жак Липшиц или основатель культового арт-движения «Флуксус» Джордж Мациюнас (Юргис Мачюнас), или скульптор из Шяуляй, автор знаменитой монеты «цент Линкольна» Виктор Дэвид Бреннер (Викторас Барнаускас), или ставший популярным во Франции художник Витаутас Касюлис. Почти каждому французу известны поэт Оскар Милош, семиотик Альгирдас Жюльен Греймас, дважды лауреат Гонкуровской премии Ромен Гари (Роман Кацев) – уроженец Вильнюса, философ Эммануэль Левинас, который родился и окончил гимназию в Каунасе.

Продолжаем воображать: в спорте Литву представляют не только звезда литовского баскетбола и член Зала славы НБА Арвидас Сабонис, но и «мать женского баскетбола» в Америке Сенда Беренсон-Эббот (урожд. Вальвроженская, родилась в Вильнюсе в 1868 г.), олимпийский чемпион (на олимпиаде в Берлине в составе сборной США) и европейский чемпион (на чемпионате Европы в 1939 г. в составе сборной Литвы) баскетболист Фрэнк Любин (Пранас Лубинас), боксер Джек Шарки (Юозас Паулюс Жукаускас), звезда американского футбола Джонни Юнит (Йонас Йонайтис) или теннисист Витас Герулайтис.

Сегодня мы гордимся нашей школой кардиохирургии, созданной хирургами Альгимантасом Марцинкявичюсом и Витаутасом Сирвидисом. А ведь следовало бы вспомнить, что первую в мире успешную операцию по пересадке сердца от человека к человеку в 1967 г. выполнил потомок литваков Кристиан Барнард в Южно-Африканской Республике (даже если бы сведения относительно его происхождения оказались ошибочными, то пациентом знаменитой операции несомненно был литвак по происхождению Луис Вашканский). Кроме того, следует вспомнить о лауреатах Нобелевской премии по физиологии и медицине, которые напрямую связаны с Литвой – Дейвиде Балтиморе, лауреате 1975 г., чья фамилия даже несколько напоминает о его истоках – местечке Бутримонис, откуда родом и известный знаток живописи итальянского Ренессанса Бернард Беренсон (Бернард Вальвроженский, родился в 1865 г.), о Гертруде Элайон (премия 1988 г.; ее отец в 12 лет эмигрировал из Литвы в США) или Сиднее Бреннере (премия 2002 г., его отец эмигрировал из Литвы в Южную Африку в 1910 г.). А ведь есть нобелевские лауреаты с литовскими корнями и в других областях! Лауреатом Нобелевской премии по химии в 1982 г.

стал Аарон Клуг, родившийся в литовском местечке Желва в 1926 г. и в возрасте двух лет эмигрировавший с родителями в ЮАР, а позднее – в Великобританию. Следует вспомнить и о кардиологе Бернарде Лауне, который родился в литовском городе Утена в 1921 г. (имя при рождении – Борух Лац) и эмигрировал с родителями в США в 1935 г. Он был соучредителем Международной организации «Врачи мира за предотвращение ядерной войны», которой в 1985 г. была присуждена Нобелевская премия мира за борьбу против распространения ядерного оружия.

Рядом с Чеславом Милошем, лауреатом Нобелевской премии по литературе 1980 г., который воспевал Вильнюс за полученные здесь уроки, стоит и лауреат Нобелевской премии по литературе 1991 г. – южно-африканская романистка Надин Гордимер (родилась в 1923 г., ее отец родом из Литвы), «которая своим великолепным эпосом принесла огромную пользу человечеству».

А теперь давайте отгадаем, что общего между такими всемирно известными музыкантами, как Джими Хендрикс, Эрик Клэптон и Боб Дилан, Джордж Харрисон и Пол Маккартни, Кит Ричардс и Ронни Вуд, Дэвид Гилмор и Брюс Спрингстин? А то, что все они играли на легендарных гитарах Zemaitis, созданных Тони Земайтисом (Антанас Казимерас Жемайтис, родился в Лондоне в 1935 г.). В мире рок-музыки это название стало именем нарицательным. От литваков ведет свое происхождение и тот же Боб Дилан (его бабушка родилась в Литве, в 1902 г. с семьей эмигрировала в США), Леонард Коэн (его мать вышла из среды литовских эмигрантов) или Энтони Кидис (правнук литовского эмигранта Антанаса Кедиса) из группы Red Hot Chili Peppers… Всех и не перечислить...

Остается надеяться, что Литва в будущем уже не будет рассыпать имена, а ее второе тысячелетие окажется более счастливым, чем первое.

Авторы этой книги выражают благодарность должностным лицам Европейского Союза за их стремление к конструированию общей истории Европы – спокойной, неконфликтной, усмиряющей страсти и не порождающей более проблем для гражданина XXI в. Мы сами жаждали написать именно такую историю Литвы. Могут сказать, что наш нарратив, наше историческое повествование было слишком острым и противоречивым, возможно, даже слишком критическим по отношению к соседям. Однако такое впечатление может сложиться лишь потому, что были государства, которые (иногда) очень хотели взять Литву под свое «крыло» на как можно более длительный срок или просто доминировать в ней. В подобных желаниях рассматривать Литву как свою

собственность и в упорной борьбе литовцев за самостоятельность, за свое независимое государство, которое они действительно заслужили, создали и несколько раз восстанавливали, нет вины авторов – наоборот, авторы гордятся этой борьбой своего народа, тем более что они не искажали, не придумывали и не политизировали исторических событий, а лишь попытались изложить их и дать им по возможности наиболее ясное объяснение, используя при этом все новейшие достижения нашей историографии.

В сложной истории Литвы виноваты отнюдь не литовские историки.

Виновата история.

ЛИТЕРАТУРА ДЛЯ ДАЛЬНЕЙШЕГО ЧТЕНИЯ

БАРАНОВСКИЙ В., ПОТАШЕНКО Г. *Староверие Балтии и Польши: краткий исторический и биографический словарь.* Вильнюс, 2005.

Великие князья литовские: (XIII-XVIII вв.) / сост. В. Спечюнас; пер. с лит. В. Пахомова. Вильнюс, 2006.

ГУДАВИЧЮС Э. *История Литвы с древнейших времен до 1569 г.* / пер. с лит. Г. Ефремова. Москва, 2005.

ДОЛБИЛОВ М., СТАЛЮНАС Д. *Обратная уния: из истории отношений между католицизмом и православием в Российской империи 1840–1873.* Вильнюс, 2010.

КУМЕТАЙТИС З., ЛАУРИНАВИЧЮС Ч., МЕДИШАУСКЕНЕ З., ШМИГЕЛЬСКИТЕ-СТУКЕНЕ Р. *Границы Литвы: тысячелетняя история* / пер. с лит. и ред. Б. Синочкиной. Вильнюс, 2010.

ЛАЗУТКА С., ВАЛИКОНИТЕ И., ГУДАВИЧЮС Э. *Первый Литовский Статут (1529 г.) = Pirmasis Lietuvos Statutas (1529 m.)* / сост. В. Спечюнас. Вильнюс, 2004.

ПОТАШЕНКО Г. *Староверие в Литве: вторая половина XVII – XIX вв.: Исследования, документы и материалы.* Вильнюс, 2006.

СССР и Литва в годы Второй мировой войны. Том I. СССР и Литовская Республика (март 1939 – август 1940 гг.). Сборник документов / сост. А. Каспаравичюс, Ч. Лауринавичюс, Н. Лебедева. Вильнюс, 2006.

СССР и Литва в годы Второй мировой войны Том II. Литва в политике СССР и в международных отношениях (август 1940 – сентябрь 1945 гг.) / сост. А. Каспаравичюс, Ч. Лауринавичюс, Н. Лебедева. Вильнюс, 2012.

EIDINTAS A. *Jews, Lithuanians and the Holocaust / Translated from Lithuanian by V. Arbas and E. Tuskenis.* Vilnius, 2003 (First Edition), 2012 (Second Edition).

SENN A. E. *The Emergence of Modern Lithuania (1918–1920).* New York, 1959.

STALIŪNAS D. *Making Russians: Meaning and Practice of Russification in Lithuania and Belarus after 1863.* Amsterdam; New York, 2007.

ИСТОЧНИКИ ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Bumblauskas A. *Lietuvos Didžioji Kunigaikštija ir jos tradicija*. Vilnius, 2010; Bumblauskas A. *Senosios Lietuvos istorija: 1009–1795*. Vilnius, 2005; *Alma Mater Vilnensis: Vilniaus universiteto istorijos bruožai: kolektyvinė monografija*. Vilnius, 2009; *Čiurlionis Vilniuje*. Sud. S. Urbonas. Vilnius, 2010; Galkus J. *Lietuvos Vytis*. Vilnius, 2009; *Grunwald: 550 lat chwały*. Oprac. J. S. Kopczewski, M. Siuchniński. Warszawa, 1960; Jučas M. *Vytautas Didysis*. Chicago, 2010; *Lietuva 1009–2009*. Sud. A. Butrimas ir kiti. Vilnius, 2009; *Lietuva žemėlapiuose*. Sud. A. Bieliūnienė ir kiti. Antrasis papildytas leidimas. Vilnius, 2011; *Lietuva žemėlapiuose: paroda*. Vilnius, 1999 09 26–1999 12 11: katalogas. Parengė A. Bieliūnienė ir kiti. Vilnius, 1999; *Lietuvos bažnyčių menas*. Vilnius, 1993; *Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės Knyga: bendrų Europos tradicijų link: bendras baltarusių, lietuvių ir lenkų mokslininkų ir rašytojų darbas*. Sejny, 2008; *Lietuvos fotografija: vakar ir šiandien '09: Lietuvos Tūkstantmečio veidas*. Sud. A. Aleksandravičius. Vilnius, 2009; *Lietuvos istorija*. Red. A. Šapoka. Kaunas, 1936 (fotografuotinis leidimas: Vilnius, 1989); *Lietuvos sienos: Tūkstantmečio istorija*. Vilnius, 2009; Lietuvos tapyba. Sud. P. Gudynas. Vilnius, 1976; *Millennium of Lithuania: Millennium Lithuaniae*. Ed. M. Šapoka, Vilnius, 2009; Olszewski H. *O skutecznym rad sposobie*. Krakow, 1989; *Pirmasis Lietuvos Statutas: Dzialinskio, Lauryno ir Ališavos nuorašų faksimilės*. Parengė S. Lazutka, E. Gudavičius. T. 1, d. 2. Vilnius, 1985; Rimša E. *Heraldika: Iš praeities į dabartį*. Vilnius, 2004; *Senoji Lietuvos grafika XVI–XIX a*. Sud. V. Gasiūnas. Vilnius, 1995; *Ukraina: Lietuvos epocha, 1320–1569*. Vilnius, 2010; *Vilniaus fotografija, 1858–1915*. Sud. M. Matulytė. Vilnius, 2001; *Vilniaus klasicizmas: parodos katalogas. Varšuvos nacionalinis muziejus 1999 gruodis – 2000 m. sausis, Lietuvos dailės muziejus 2000 m. kovas – rugsėjis*. Vilnius, 2000; *Vilnius Jono Kazimiero Vilčinskio leidiniuose: paroda 1999 01 01–1999 04 19*. Vilnius, 2000; *Žemaičių muziejus Alka*. Sud. E. Spudytė. Vilnius, 2007.

Фотографии из фондов ЦГАЛ, Музея жертв геноцида ЦИГИРЖЛ, Литовского государственного еврейского музея им. Виленского Гаона, Издательского центра научной литературы и энциклопедий (карта Литвы 1918–1940 гг.), коллекций Эугениюса Пейкштяниса, Витаутаса Ясюнаса, издания «Литовская дипломатия с 11 марта 1990 г.» («Lietuvos diplomatija nuo 1990 m. kovo 11», Вильнюс: Министерство иностранных дел Литовской Республики, 2001); из книги «Литва, 13 января 1991 г. Документальные материалы», Вильнюс: Департамент печати, 1991 (Lietuva, 1991 sausio 13. Dokumentinė medžiaga. Vilnius: Spaudos departamentas, 1991); из книги А. Эйдинтаса «Антанас Сметона и его окружение» («Antanas Smetona ir jo aplinka»), Вильнюс, 2012; из личных архивов А. Эйдинтаса и А. Бумблаускаса.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

А

Аветенайте, Магдалена 10
Адамкус, Валдас 286, 295
Ажубалис, Аудронюс 10
Акелайтис, Микалоюс 9
Александр I, император 114, 116
Александр II, император 120
Александр III, император 127
Альбрехт, герцог Пруссии 67
Амбразявичюс, Юозас 223, 224
Андриолли, Михал Эльвиро 35, 122
Антанавичюс, Казимерас 268
Асанавичюте, Лорета 280
Аскенази, Шимон 164
Аугустинас, Витаутас 183

Б

Баден, Макс фон 154
Байо, Адольф 88
Балтимор, Дейвид 302
Балтрушайтис, Юргис 250
Балутис, Бронюс 170
Бальтенас, Арунас 61, 77
Баранаускас, Антанас 126, 143
Баранаускас, Марюс 247
Барановский, Василий 305
Барнард, Кристиан 302
Басанавичюс, Йонас 20, 22, 132, 133, 138, 142, 146, 153
Баторий, Стефан 74, 86, 87, 211
Бачкис, Аудрис Юозас 294
Бачкис, Стасис Антанас 256
Бек, Юзеф 202
Беннет, Яков 83
Бенуа, Филипп 88, 119
Беренсон, Бернард (Бернард Вальвроженский) 302
Беренсон-Эббот, Сенда 302
Берия, Лаврентий 215, 225, 242
Бермондт-Авалов, Павел 157, 159, 168, 172
Бетман-Гольвег фон, Теобальд 147
Бжостовский, Павел Ксаверий 75, 98
Биржишка, Миколас 149, 153
Бирман, Георг 212
Бирута (Бируте), княгиня 26, 36
Богуш, Франтишек Ксаверий 123
Бонапарт, Наполеон 109, 112, 114
Боннэр, Елена 281
Ботирюс, Йонас 248
Боянус, Людвиг Генрих 116
Бразаускас, Альгирдас 270, 286, 294, 295, 297
Брежнев, Леонид 237
Бреннер, Виктор Дэвид (Викторас Барнаускас) 302

Бреннер, Сидней 302
Бронсон, Чарльз (Каролис Бучинскис) 301
Бруно Кверфуртский, святой 22, 27, 28
Буга, Казимерас 195
Будивид (Бутвидас), князь 34
Будикид (Бутигейдис), князь 34
Будрис (Половинскас), Йонас 172
Булгак, Ян 156
Бумблаускас, Альфредас 11, 20, 40
Бумблаускас, Мангирдас 27
Бурачас, Антанас 268
Буткус, Зенонас 11
Буш, Джордж 296

В

Вайльдхайм, Курт 262
Вайткус, Феликсас 198
Валанчюс, Мотеюс 123, 125–127, 130, 131
Валёнис, Антанас 297
Валиконите, Ирена 305
Валюнас, Сильвестрас 124
Варнас, Адомас 31
Василий II, князь 55
Вашканский, Луис 302
Веверскис, Казис 231
Велавичюс, Винцентас 230
Венцлова, Томас 261
Вёрнер, Манфред 296
Вилейшис, Йонас 153
Вилкас, Эдуардас 268
Вильсон, Вудро 152
Вильчинский Ян Казимир 88, 100, 119, 125
Витень (Витянис), князь 34, 39, 40
Виткаускас, Винцас 213, 216
Витовт (Витаутас), князь 13, 22, 29, 36, 37, 40, 44, 46–57, 60
Вишневецкие 42, 50
Виюк-Коялович, Альберт (Альбертас Виюкас-Коялавичюс) 88
Владимир I, князь 58
Власов, Андрей 227
Войняковский, Казимеж 102
Войшелк (Вайшелга), князь 33, 34
Воловичи 86
Вольдемарас, Аугустинас 154–156, 158, 163, 168, 176–182, 184, 186
Вуд, Ронни 303
Выгодский, Яков 189

Г

Габрис-Паршайтис, Юозас 152
Гайгалайтис, Вилюс (Вильгельм) 146
Галванаускас, Эрнестас 164, 165, 171–173, 216
Гари, Ромен (Роман Кацев) 302
Гаруцкас, Каролис 261
Гаштольд Альбрехт (Альбертас Гоштаутас) 78
Гаштольды (Гоштаутасы) 86
Гаяускас, Балис 262
Гваньини, Александр 36
Гедвилас, Мечисловас 216
Гедимин (Гедиминас), князь 13, 22, 26, 28, 29, 34–40, 42, 47, 182
Гелгуд, Антоний 117
Гердер, Иоганн Готфрид 123
Гертлинг, Георг фон 154
Герулайтис, Витас 302
Гесс, Рудольф 204
Гилгуд, Джон (Джон Гилгудас) 301

Гилмор, Дэвид 303
Гиммлер, Генрих 226
Гинденбург, Пауль фон 147
Гиренас, Стасис 196–198, 251
Гитлер, Адольф 186, 204, 206, 207, 214, 227
Глаубиц, Иоганн Кристоф 20, 70, 91, 92
Гораций 89
Горбачев, Михаил 267, 268, 274, 275, 278, 281, 282
Гордимер, Надин 303
Греймас, Альгирдас Жюльен (Альгирдас Юлюс Греймас) 302
Григорий XIII, папа римский 87
Гринюс, Казис 167, 175, 176
Гришкявичюс, Пятрас 267
Гротгер, Артур 26
Грунау, Симон 24
Гудавичюс, Эдвардас 305
Гулявичюс, Владимирас 270, 275
Гусовский, Николай 66
Густайтис, Антанас 197, 198
Гуцявичюс, Лауринас (Вавжинец Гуцевич) 99, 100

Д

Дамель, Ян 115
Дарюс, Стяпонас 170, 169–198, 251
Даукантас, Симонас 9, 124, 125
Даукша, Микалоюс 81
Деканозов, Владимир 215, 216
Деруа, Исидор 100
Диджюлене-Жмона, Людвика 142
Дилан, Боб 303
Дмовский, Роман 141, 156
Довидайтис, Пранас 220
Довмонт (Даумантас), князь 33
Долбилов, Михаил 305
Донелайтис, Кристионас 16, 124
Дуайт, Бенджамин У. 144
Дубенецкий, Владимир 183

Е

Евгений, принц Савойский 53
Екатерина II, императрица 19, 104, 106, 111
Ельцин, Борис 292, 293
Ефремов, Георгий 305

Ж

Жалис, Витаутас 11
Желиговский, Люциан 117, 162, 163
Жемайтис-Витаутас, Йонас 240–242
Жилюс, Йонас 145, 170, 171
Жимантене-Жемайте, Юлия 134, 142

З

Залеский, Аугуст 179
Залман, Элияху бен Шломо Залман 92
Заунюс, Довас 180
Зауэрвайн, Георг 135
Здебскис, Юозас 260
Земайтис, Тони (Антанас Казимерас Жемайтис) 303
Земекис, Роберт (Роберт Земецкис) 301
Зенкявичюс, Йонас 124
Зикарас, Юозас 131

И

Иван IV Грозный, царь 118
Иоанн Павел II, папа римский 260, 294

Иоффе, Адольф 160
Иулиания, супруга Витовта Великого 56
Иштван, король Венгрии 55

Й

Йокубайтис, Альвидас 10

К

Казимир, святой 58, 59, 75, 91, 99, 130, 251
Кайрис, Стяпонас 151, 153
Каланта, Ромас 264, 265
Калинин, Михаил 211
Калиновский, Константин (Константинас Калинаускас) 122
Кант, Иммануил 109
Карл XII, король Швеции 95
Карл Великий, император 32
Каспаравичюс, Альгимантас 305
Касюлис, Витаутас 302
Каткус, Донатас 301
Каубрис, Саулюс 11
Кауняцкас, Йонас 260
Каушпедас, Альгирдас 269
Каценбергас, Юделис 245
Кейстут (Кестутис), князь 25, 26, 36, 37, 182
Келисинский, Винцентий Каэтан 49
Кидис, Энтони 303
Клемансо, Жорж Б. 158
Климас, Пятрас 149, 180
Климент IV, папа римский 33
Клуг, Аарон 303
Клэптон, Эрик 303
Кнакфус, Мартин 99
Коллонтай, Гуго 102, 104
Колчак, Александр 157
Коморовский, Бронислав 301
Конрад I, князь Мазовецкий 30
Корнилов, Иван 127
Корсакас, Тадас (Теодор Корсак) 102, 107
Коссак, Юлиуш 30
Коссаковский, Шимон (Симонас Косаковскис) 106, 107
Коссаковский, Юзеф (Юозапас Косаковскис) 106, 107
Костюшко, Тадеуш 100, 107, 113
Кох, Эрих 204
Коэн, Леонард 303
Крашевский, Юзеф Игнатий (Юозапас Игнотас Крашевскис) 9, 119
Креве-Мицкявичюс, Винцас 190, 216, 225, 249, 250
Кряучюнас, Пятрас 142
Кубилюнас, Пятрас 186, 230
Кудирка, Винцас 133, 134, 249, 250, 270
Кузма, Стасис 302
Кузмицкас, Бронисловас 276
Кулакаускас, Антанас 11
Кульвец, Абрахам (Абраомас Кульветис) 67, 81
Куметайтис, Зенонас 305

Л

Лазутка, Станисловас 305
Ландсбергис, Витаутас 271, 274, 276, 278–280, 285, 286, 288, 293
Ландсбергис-Жямкальнис, Витаутас 194, 195
Ланкас, Ромуальдас 263
Латам, Роберт Гордон 12
Лаун, Бернард 303

Лауринавичюс, Чесловас 305
Лафосс, Адольф 125
Лебедева, Н. С. 305
Левинас, Эммануэль 302
Лелевель, Иоахим 116, 117
Ленин, Владимир 155, 250–252, 283
Лиздейка 28
Лилейкис, Паулюс 276
Липшиц, Жак 302
Литвин, Михалон (Миколас Летувис) 62, 66
Лихтенштейн, Куно фон 52
Лозорайтис, Стасис 10, 201, 202, 256, 258
Лопата, Раймундас 10
Лубис, П. 230
Лукаускайте-Пошкене, Она 261
Лукша-Скирмантас, Юозас 240
Любин, Фрэнк (Пранас Лубинас) 302
Людендорф, Эрих фон 147
Людовик XVI, король Франции 106
Лютер, Мартин 67

М

Маду, Жан-Батист 114
Мажвидас, Мартинас 64, 65, 67, 81
Маккартни, Пол 303
Малинаускас, Донатас 146
Маркс, Карл 252
Марта (Морта), княгиня 31
Марцинкявичюс, Альгимантас 302
Марцинкявичюс, Юстинас 268
Масальский, Игнатий (Игнотас Масальскис) 97, 99, 106, 107
Масилюнас, Казимерас 9
Масявичюс, Эугениюс 279
Матейко, Ян 51
Мациюнас, Джордж (Юргис Мачюнас) 302
Мацкявичюс, Антанас 121, 122
Мацкявичюс, Йонас 57
Мачюлис-Майронис, Йонас 9, 20, 134, 190, 249, 250
Медишаускене, Зита 305
Мейе, Антуан 23
Мейнерт, Л. 244
Мекас, Йонас 301
Меркис, Антанас 207, 211–213, 220
Меркулов, Всеволод 215, 225
Мешко I, правитель Польши 28
Миколайтис-Путинас, Винцас 250, 293
Милкус, Кристионас Готлибас 109
Милош, Оскар 156, 302
Милош, Чеслав 15, 303
Миндовг (Миндаугас), князь 13, 14, 17, 22, 28–34, 36, 38–40, 153
Миронас, Владас 188, 202, 206
Миттеран, Франсуа 285
Митькин, Николай 267
Мицкевич, Адам 15, 18, 116, 117, 134, 262
Мичюнас, Ромас 222, 227
Молотов, Вячеслав 208, 209, 211, 212, 224
Монтескьё, Шарль-Луи 101
Моркус, Пранас 261
Мотека, Казимерас 276
Муравьев, Михаил 121, 127, 129, 259
Муссолини, Бенито 174
Мустейкис, Казис 206, 213

Н

Нарбут, Теодор 119
Нарутавичюс, Станисловас 148, 153
Нарутович, Габриэль 148
Нарушявичюс, Томас 160, 170
Насвитис, Альгимантас 268
Некрошюс, Эймунтас 301
Нетимер 22, 27, 28
Николай I, император 17
Николай II, император 137, 214
Нильсон, Иоганн Исайя 105
Норблен, Жан-Пьер 102

О

Огинские 86
Огинский, Михаил Клеофас 113
Озолас, Ромуальдас 269
Олаф, король Норвегии 28
Олаф, король Швеции 28
Ольгерд (Альгирдас), князь 25, 26, 29, 34, 36–42
Орлов, Юрий 261
Острожские, князья 50
Острожский, Константин 61, 84

П

Палах, Ян 264
Палецкис, Юстас 216, 218
Пахомов, Василий 305
Паяуйис, Юозас 177
Пеньковский, А. 36
Петисне, Габриэль Жан 177
Петкявичюс, Витаутас 268
Петр I, император 95
Петрайтис, Яунюс 11
Петров, А. 272
Пий XII, папа римский 240
Пикколомини, Эней Сильвий 57
Пилсудский, Юзеф 141, 148, 156, 158, 162, 171, 172, 174, 180
Пиплис-Мажитис, Казимерас 240
Плехавичюс, Повилас 176, 232
Плечкайтис, Иеронимас 178
Плятер-Броэль, Эмилия 118
Повилайтис, Аугустинас 211
Поздняков, Николай 215
Понятовский, Станислав Август 94, 96, 104, 108
Понятовский, Юзеф 105
Поташенко, Григорий 305
Потоцкий, Игнатий (Игнотас Потоцкис) 104
Пошка, Дионизас 124
Прапуолянис, Ляонас 222
Протасевич, Валериан (Валерийонас Протасявичюс) 86, 87
Прунскене, Казимера 268, 278
Птолемей 26
Путин, Владимир 293
Пяткус, Викторас 261, 262

Р

Рагайшис, Ромалдас Юозас 262
Раджвилас, Витаутас 10, 269
Радзивилл, Николай Рыжий 69
Радзивилл, Николай Черный 64, 68, 69
Радзивилл, Николай Христофор Сиротка 64
Радзивиллы 50, 64, 82
Раманаускас-Ванагас, Адольфас 242
Раполёнис, Станисловас (Станислав Рафайлович) 67
Раштикис, Стасис 188, 201, 202, 206–208, 212, 213

Реза, Людвикас 124
Рейвитис, Витаутас 226
Реймерис, Гедрюс 268
Рейсонс, Карлис (Каролис Рейсонас) 196
Репшис, Пятрас 302
Риббентроп, Иоахим фон 22, 207, 208, 262, 263, 269, 271, 272
Римша, Пятрас 128
Ринкявичюс, Гинтарас 301
Ричардс, Кит 303
Робертсон, Джордж 295
Роджер-Виоле, Г. 180
Розенбаум, Симон 156, 160, 186
Рубенс, Питер Пауль 75
Рудамина, Андрюс 90
Рузвельт, Франклин Д. 234, 256
Рыдз-Смиглы, Эдвард 207

С

Сабаляускас, Альгирдас 275
Сабонис, Арвидас 302
Садунайте, Нийоле 262
Сакалас, Алоизас 276
Сангушки 42, 50
Сапега, Казимир Нестор 102, 105
Сапега, Лев 78
Сапеги 86
Сарбевский, Матей Казимир 89
Сахаров, Андрей 261, 262, 281
Сваринскас, Альфонсас 260
Семашко, Доминик 156, 160
Семенович, Казимир 70, 89, 90
Сераковский, Сигизмунд (Зигмантас Серакаускас) 121
Сигизмунд I Люксембург 56
Сигизмунд I Старый 66
Сигизмунд II Август 37, 67, 72, 74, 80, 118
Симпсон, Джеймс 158
Синочкина, Бируте 305
Сирвидас, Константинас 81, 88
Сирвидис, Витаутас 302
Скиргайла, князь 48
Скорина, Франциск 58, 64
Скучас, Казис 211
Славочинский, Соломон 81
Слежявичюс, Миколас 155, 162, 175, 176, 187
Словацкий, Юлиуш 18
Слуцкие 42
Сметона, Антанас 140, 147, 149, 151, 153–155, 157, 159, 168, 171, 175–179, 181, 182, 184, 186–188, 190–193, 195, 196, 200, 203–205, 207, 211–213, 216, 217, 255, 306
Смиглецкий, Мартин 89
Смоковский, Винценты 87
Смуглевич, Франциск (Пранас Смуглявичюс) 93, 99
Снайерс, Питер 96
Снечкус, Антанас 216, 219, 234
Снядецкий, Анджей 116
Снядецкий, Ян 116
Солтан, Станислав (Станисловас Солтанас) 104
Сонгайла, Римгаудас 267
Сондецкис, Саулюс 301
Спечюнас, Витаутас 305
Спрингстин, Брюс 303
Сруога, Балис 250
Сталин, Иосиф 209, 214, 219, 234, 237, 245, 250, 252, 259
Сталюнас, Дарюс 305
Станислав, святой, епископ Краковский 46, 59
Станкявичюс, Чесловас 276

Станкявичюс, Юозас 149
Станявичюс, Симонас 124
Стаугайтис, Юстинас 154
Стрыйковский, Матей 76
Стульгинскис, Александрас 167, 171, 220
Суворов, Александр 53, 107
Сутин, Хаим 302
Суше, Дэвид 301
Сфорца, Бона, миланская принцесса 66

Т

Тамкявичюс, Сигитас 260
Тамошайтис, Миндаугас 11
Тейлор, Исаак 214
Терляцкас, Антанас 262
Тизенгауз, Антоний (Антанас Тизенгаузас) 75, 98
Тройнат (Тренёта), князь 33
Трокский, Исаак бен Авраам 34, 80
Тубялис, Юозас 182, 184–187, 201, 202
Тумас-Вайжгантас, Юозас 134
Турень, Анри де ла Тур д'Овернь де 53
Тышкевичи 86
Тяпинский, Василий 63

У

Убартас, Ромас 290
Урах, Вильгельм фон 154
Урбшис, Юозас 208, 209, 211, 220
Урмана, Виолетта 302
Усинавичюс, Виргилиюс 280

Ф

Фабр, Франсуа-Ксавье 113
Федирка, Кестутис 298
Фёдоров, Иван 64
Финкельштейн, Эйтан 261
Флёри, Станислав Филибер 143
Франк, Иоганн Петер 116
Франк, Йозеф 116
Франц Фердинанд, эрцгерцог Австро-Венгрии 146
Фридрих II, король Пруссии 53

Х

Хаман, Иоахим 227
Харрисон, Джордж 303
Хейман, Станислав 116
Хейфец, Яша 302
Хендрикс, Джими 303
Химанс, Поль 164
Ходкевич, Ян Иеронимович 72–74
Ходкевич, Ян Кароль 96
Ходкевичи 50, 64, 86
Хрептович, Иоахим Литавор 103
Хрущев, Никита 237, 259

Ц

Цамблак, Григорий 49, 55
Цидзикас, Пятрас 262

Ч

Чарковский, Людвик 137
Чарторыйские 42, 50
Чарторыйский, Адам Ежи 114, 117
Чернюс, Йонас 206, 208
Чичерин, Георгий 174
Чюрлёнис, Микалоюс Константинас 20, 21, 143, 250, 251

Ш

Шапока, Адольфас 9
Шарки, Джек (Юозас Паулюс Жукаускас) 302
Шаулис, Юргис 149, 151
Шилингас, Стасис 146, 154
Шкирпа, Казис 221, 223
Шлюпас, Йонас 170
Шмигельските-Стукене, Рамуне 305
Шренк, Якоб фон 68
Штернберг, Михаэль Кюхмейстер фон 54
Штирланд, Андреас фон 31, 32
Штромас, Александрас 261

Э

Эйдинтас, Альфонсас 11, 306
Эйхвальд, Эдуард Карл 116
Элайон, Гертруда 302
Эрцбергер, Маттиас 154

Ю

Юдинас, Романас 11
Юкнявичюс, Йонас 283
Юнгинген, Ульрих фон 52
Юнит, Джонни (Йонас Йонайтис) 302
Юозайтис, Арвидас 269
Юрашайтис, Александрас 142
Юргайтис, Ромас 277

Я

Яблонскис, Йонас 142
Ягайло (Йогайла), князь 22, 37, 38, 44–47, 50–53, 55, 56, 71
Ядвига, королева Польши 44, 71
Яковлев, Александр 269
Якштас-Дамбраускас, Адомас 137
Янкаускас, Кестутис 275
Ярослав I, великий князь киевский 28
Ясинский, Якуб (Йокубас Ясинскис) 107

ISBN 978-609-437-207-0

Эта книга дает ответ на один из наиболее важных вопросов для всего литовского народа: как родилась Литва и почему наше государство является не плодом случайных или побочных обстоятельств, а результатом многовекового развития, итогом нелегкого пути к самостоятельности, основанного на праве нации на самоопределение, и закономерным, заслуженным вознаграждением за жизнь каждого литовца во имя своей страны.

В 2013 г. Литва приступит к исторической миссии председательства в Совете Европейского Союза, объединения свободных и демократических государств Европы. Это исключительная возможность не только для активного участия в созидании общего будущего Европы, но и для укрепления солидарности европейских стран, повышения их внимания к прошлому народов данной части света и, разумеется, для того, чтобы еще раз самим посмотреть и напомнить всему миру, чем была, является и чем будет Литва при помощи компактного, легко читаемого труда по истории Литвы, основанного на принципах правдивости и открытости. Эта книга раскрывает долгий, победоносный, иногда сложный и даже трагичный исторический путь, пройденный нашей страной в различные периоды, сквозь различные государственные уклады, оккупационные режимы, достижения и неудачи восстановленной независимости.

Настоящая книга представляет собой первую с 1990 г. попытку охватить ответственным и лапидарным взглядом всю историю Литовского государства с древнейших времен до 2004 г.

ИСТОРИЯ ЛИТВЫ

Альфонсас ЭЙДИНТАС, Альфредас БУМБЛАУСКАС,
Антанас КУЛАКАУСКАС, Миндаугас ТАМОШАЙТИС

Обложка художника Аудроне Узелайте
Макетировщик Эрнестас Виницкас

Выпущено издательством *Eugrimas*, ул. Калварию, 98–42, LT-08211 Вильнюс
Тел./факс +370 5 273 39 55, эл. п. info@eugrimas.lt, www.eugrimas.lt

Отпечатано в ЗАО BALTO print, ул. Утенос, 41а, LT-08217 Вильнюс